

Владимир Рыжков

ДЛИННАЯ ТЕНЬ СССР

Очерк истоков
внешнеполитического поведения
современной России

Рига

2023

Эта книга о событиях уникального для истории России периода — от горбачевской перестройки до начала трагической войны с Украиной. О его действующих лицах и исполнителях. Автор анализирует, когда, как и почему случился отказ современной России от идеи и практики модернизации, движения к демократическому миру, как произошел возврат к «великому советскому прошлому», установлению после 2012 года путинского режима гибридного тоталитаризма с великодержавной идеологией, включая имперскую архаику, и переход к действиям откровенно репрессивного характера в отношении несогласных.

Возможно ли появление новой российской внутренней и внешней политики и что для этого должно произойти? Ответы — о чем и книга — следует искать, по мнению автора, внутри российского общества.

Особенно ценно то, что автор книги, Владимир Рыжков, рассказывает и анализирует ход событий не как сторонний наблюдатель, но как непосредственный их участник, будучи в относительно недавнем прошлом депутатом четырех созывов Государственной думы России.

Автор выражает огромную благодарность за помощь, сотрудничество, советы и ценные замечания доктору Сабине Фишер, доктору Маргарете Кляйн, немецким фондам Фридриха Эберта и Фридриха Науманна, Германскому институту международных отношений и проблем безопасности SWP (Берлин) и университету КИМЭП (Алматы).

СОДЕРЖАНИЕ

Была ли война неизбежна? *Сабина Фишер* 5

Длинная телеграмма Владимира Рыжкова.
Андрей Колесников 10

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Провал постсоветской модернизации. Ресоветизация
внутренней и внешней политики России 15

Глава 1. Ностальгия по СССР, победившая модернизацию 17

Глава 2. Ресоветизация, постсоветская идентичность и
последствия для внешней и внутренней политики России 30

Глава 3. Джордж Кеннан и его классическое объяснение
советского внешнеполитического поведения 37

Глава 4. Кеннановский подход применительно
к анализу внешней политики современной России 45

Глава 5. Краткий обзор основных этапов российской
внешней политики, причин изменений ее поведения 61

Заключение к первой части

Идеи, политические интересы и внешняя политика России 80

Примечания 87

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

От гуманизма и модернизации — к великодержавной
экспансии и диктатуре. История развития российского
внешнеполитического мышления, приведшего
к реваншизму и войне 91

Глава 1. Идентичность, идеология и политика 91

Глава 2. Могла ли сформироваться другая идентичность
как основа иной политики? 98

Глава 3. Новое политическое мышление Михаила Горбачева: демонтаж тоталитарной системы и шанс для всего мира (1985–1991)	103
Примечания	121
Глава 4. Борис Ельцин — курс на радикальные реформы и тесную дружбу с Западом (1991–1995)	122
Примечания	144
Глава 5. Курс на многополярный мир. Начало стратегического расхождения с Западом (1996–1999)	145
Примечания	167
Глава 6. В. Путин первого президентского срока. Идеология авторитарной модернизации и расчет на «большую сделку» с Западом (2000–2004)	168
Примечания	183
Глава 7. В. Путин второго президентского срока — идеология «суверенной демократии» и внешнеполитический ревизионизм Москвы (2004–2008)	184
Примечания	212
Глава 8. Президентство Дмитрия Медведева — властный «тандем», ограниченная модернизация и неудача внешнеполитической «перезагрузки» (2008–2012)	213
Примечания	232
Глава 9. Возвращение Путина. Охранительная ресоветизированная диктатура и попытка великодержавного реванша во внешней политике (2012 год — настоящее время)	233
Примечания	278
Заключение	
Старые идеи, старый режим, старая внешняя политика	280

Была ли война неизбежна?

С тех пор как 24 февраля 2022 года Россия начала полномасштабное наступление на Украину, ученые всего мира обсуждают причины этой катастрофической войны. Как это часто бывало в прошлом, основной раскол происходит между представителями реалистической и либеральной школ международных отношений.

Реализм — структуралистская теория, которая предполагает анархию как естественное состояние международных отношений. Изменения во внешнем поведении государств вызваны, согласно этой теории, исключительно изменением баланса сил в международной системе. Меняющиеся отношения власти заставляют государства беспокоиться о своей безопасности и конкурировать друг с другом. Никакой накопленный опыт, никакое международное агентство или учреждение не способно заставить их вести себя по-другому. Поэтому реалисты считают войну неизбежным элементом поведения государства.

Джон Миршаймер представил свою специфическую версию реализма. Уже в 2014 году он оправдывал российскую агрессию против Украины, аннексию Крыма и войну на Донбассе как естественную реакцию России на расширение влияния НАТО на ее ближайшие окрестности. «Кризис в Украине — это вина Запада», — заключил он тогда и подтвердил свою горячо обсуждаемую оценку после полномасштабного нападения Москвы в феврале 2022 года¹. Справедливости ради отмечу, что Джон Миршаймер получает немало критики, в том числе от коллег-реалистов, за чересчур упрощенную интерпретацию мировых дел. Однако его взгляды широко разделяет немалое число экспертов и политиков по всему миру, особенно в Латинской Америке, Африке и Азии. Неудивительно, что Джон Миршаймер обеспечил себе огромный фан-клуб в российском внешнеполитическом сообществе. Можно

уверенно утверждать, что в российских дебатах о международных отношениях полностью доминирует реалистическое мышление, облеченное в националистическо-культурологическо-цивилизационную риторику. Что русские ученые и политики больше всего любят в Миршаймере, так это то, что он уверенно возлагает вину за войну (как и за все остальное) на США и коллективный Запад, тем самым освобождая Москву от любой ответственности.

В своем эссе о «Длинной тени СССР» Владимир Рыжков по-рывает с преобладающим в его родной стране дискурсом. Фактически он основывает свои рассуждения о внешней политике России на противоположном предположении. Он убежден, что внутренние факторы не только влияют на внешнюю политику государств, но и решающим образом ее определяют. В качестве концептуальной основы Владимир Рыжков опирается на «Длинную телеграмму» Джорджа Ф. Кеннана 1946 года. Вместе с Кеннаном он настойчиво подчеркивает, что авторитарное правление и великодержавная идеология являются основами политического режима в Москве. И то и другое делают ее политику изначально враждебной по отношению к демократическим амбициям в соседних с Россией странах и на Западе.

Можно сказать, что, придерживаясь такого подхода, Владимир Рыжков (а до него Джордж Кеннан) исповедует либеральную школу международных отношений. Действительно, либеральный подход требует прежде всего изучения того, что происходит в пределах границ того или иного государства. Является ли оно демократическим или авторитарным? Как различные политические и экономические интересы на субнациональном уровне, а также отношения государства и общества влияют на внешнее поведение? В своем конструктивистском воплощении либеральная теория задается вопросом об установках, мировоззрении и ценностях, которыми руководствуются общество и политические элиты. Согласно либерализму, государства могут преодолеть дилемму своей безопасности, вызванную международной анархией. Они в состоянии найти способы не только сосуществовать без войны, но и создать правила и институты, способные гарантировать устойчивый

международный мир и сотрудничество между странами. С этой точки зрения, прогресс на пути народов к современности означает, что все больше и больше государств и обществ поддерживают демократию, соблюдение международных норм и правил международных институтов и могут научиться жить между собой мирно. Цитируя статью Александра Вендта: «Анархия — это то, что из нее делают государства», а значит, они же могут ее преодолеть².

Но реальная история, которую рассказывает Владимир Рыжков, такова, какую не ожидали приверженцы либеральной теории в период ее расцвета в 1990-е годы. Это история не модернизации и прогрессивного движения к демократическому миру, но, напротив, история демодернизации и ресоветизации российской политики с катастрофическими последствиями для украинской, европейской и международной безопасности. Владимир Рыжков возвращает нас во времена Михаила Горбачева и Бориса Ельцина, когда открылось историческое окно возможностей для глубокого изменения политической системы и когда самоидентификация и мировоззрение (или, по выражению Владимира Рыжкова, национальная идентичность российского общества) могли эволюционировать в сторону демократии и гражданского национализма. Увы, этого не произошло. Вместо этого метапериод модернизации (1984–2004 гг.) завершился с приходом к власти Владимира Путина. Он и его сторонники приняли свою собственную разновидность «перестройки». Они постепенно аннулировали институциональные и идеологические результаты модернизационного процесса при Горбачеве и Ельцине. На их месте они возвели жесткую, репрессивную и похожую на советскую автократию с агрессивной, империалистической, великодержавной идеологией. Это второй метапериод постсоветской истории России в эссе Владимира Рыжкова (2004 год — сегодня).

Владимир Рыжков анализирует политическую историю России последних 30 лет острым взглядом человека, который не только наблюдал, но и участвовал в описываемых событиях. В конечном итоге, пишет он, возврат к «великому советскому прошлому» нереалистичен и лишь ставит крест на перспективах развития, а

также на надеждах на благополучную и мирную жизнь. Старый режим вернулся, и вместе с ним вернулись жестокость, бессмысленность и безнадежность советской модели государства и общества, советского образа жизни. Длинная тень СССР накрыла собой Россию и лишила ее будущего. Следует добавить, что Путин одновременно пытается похоронить под тенью СССР и независимую Украину. Но, в отличие от российского общества, которое, как отмечает Владимир Рыжков, в основном апатично и все больше скатывается в глубокую моральную катастрофу, украинцы нашли в себе силы сопротивляться. Зверская атака Путина укрепила и объединила украинскую национальную идентичность вокруг тех самых идей и ценностей, которые российский лидер так отчаянно желает уничтожить.

Могли ли итоги тридцати лет постсоветской истории России сложиться иначе? Могла ли страна пойти по другому пути? Либералы также всегда задаются вопросом: возможны ли перемены в будущем в сторону более демократической и мирной России? Владимир Рыжков представляет блестящие и страстные контраргументы, опровергающие убеждения подавляющего большинства его российских коллег (и таких специалистов, как Джон Миршаймер, если уж на то пошло). Он яростно оспаривает распространённый довод, что Запад подтолкнул Москву к началу этой убийственной войны. Он задается вопросом: могла ли более решительная поддержка Запада, включая «второй план Маршалла» в поздние горбачевские годы, направить политические события в Советском Союзе/России в более продуктивное русло? Мы не можем знать этого в ретроспективе. Ситуация до и после распада Советского Союза была беспрецедентной — она перенапрягла тех, кто принимает решения, с обеих сторон. Но мы должны продолжать анализировать политику Запада и учиться на прошлых ошибках. Взгляд Владимира Рыжкова на будущее и его рекомендации снова сходятся с советами Джорджа Ф. Кеннана 80-летней давности. По его мнению, не может быть конструктивных отношений с ресоветизированной и неототалитарной Россией. Если страна не перейдет к демократии, федерализму и верховенству права, та

или иная форма сдерживания останется единственным жизнеспособным вариантом для западной политики. Сдерживание означает лишение правителей России возможности вести войну против любого из своих соседей. Это, конечно, добавлю от себя, подразумевает и поддержку самообороны Украины всеми средствами. Необходимо и сдерживание через укрепление альянса демократических стран, через поддержание их безопасности в Европе перед лицом агрессии России.

Перспективы политических изменений в России выглядят сегодня мрачно. Но (опять же, с либеральной точки зрения) они не являются невозможными. Если и когда перемены начнутся, мы можем извлечь (некоторые) уроки из опыта 1980-х и 1990-х годов. Тем временем жизненно важно поддерживать связь с либеральными и демократическими сегментами российского общества. Потому что они являются единственным мостом между настоящим и лучшим будущим для России, в России и вместе с Россией.

Сабина Фишер,
старший научный сотрудник
Германского института международных отношений
и проблем безопасности SWP (Берлин),
ведущий специалист по российской внешней политике

¹ Mearsheimer J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 18 August 2014. <https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault>; John Mearsheimer. Playing With Fire in Ukraine // Foreign Affairs. 17 August 2022.

² Wendt A. Anarchy is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. Vol. 46. No. 2 (Spring 1992). P. 391–425.

Длинная телеграмма Владимира Рыжкова

«Длинная тень СССР» по своему содержанию чем-то напоминает «Длинную телеграмму» Джорджа Кеннана и его же последующее эссе «Истоки советского поведения», подписанное в журнале «Форин эфферз» коротким псевдонимом Х. Книга Владимира Рыжкова не похожа на арию мистера Икс, свое лицо он не скрывает, и его личная интонация — внятная, с четкой классификацией явлений — несет на себе печать личного стиля. Стиля, который превращает эту серию очерков по истории внешней политики России, являющейся одновременно и прежде всего историей внутренней политики, в своего рода учебник. О многих обстоятельствах, анализируемых Владимиром Рыжковым, мы уже давно забыли, как и о том, что счастье (присоединение России к концерту мирных и цивилизованных демократий) «было так возможно, так близко».

В статье Кеннана-Х сказано, что «политическое лицо советской власти, каким мы его сегодня знаем, — это продукт идеологии и обстоятельств». Ровно этой логике следует и Владимир Рыжков, справедливо доказывая, что главный побудительный мотив политики Путина, приведшей Россию к катастрофе февраля 2022 года, — это именно идеологические, мировоззренческие фанатерии и химеры, а не какие-либо прагматические интересы и соображения высшего толка. Это продукт идеологии, причем идеологии примитивной, подражательной и копирующей Советский Союз, но без марксизма-ленинизма, замененного на ультраконсервативную изоляционистскую, одновременно шовинистическую и имперскую картину страны и мира.

В своей работе Владимир Рыжков подчеркивает много раз, что суть политики последних двух десятилетий, метапериода отказа от модернизации, начавшегося в 2003–2004 годах, — это ресоветизация сознания, политики, экономики, управленческих и репрессивных практик, идеологии. До известной степени это справедливо. Но, как отмечает (причем на конкретных цифрах и фактах) сам автор книги, масштаб репрессий и иррациональности поведения

российских властей в последние годы перекрывает антидостижения поздней, послесталинской, советской власти. Значит, речь можно вести не только и не столько о ресоветизации — все-таки у СССР была мягкая сила, позитивная программа и реальные достижения, наследниками которых стремится представить себя путинский режим, не имеющий сопоставимых успехов, — сколько о ресталинизации всех сфер жизни. Авторитарный режим раннего Путина после короткой медведевской передышки стал двигаться в сторону тоталитаризма, принуждения людей к единомыслию и ненависти к инакомыслящим, объявленным агентами внешнего враждебного мира.

В чем Владимир Рыжков, безусловно, прав, так это в том, что именно внутренняя политика, в свою очередь движимая архаичной имперской идеологией, являлась и является двигателем внешней политики Путина и его режима. И не надо искать причины усугублявшейся год от года враждебности автократа к Западу и общецивилизационным ценностям в ощущении неравенства с «западными партнерами» или их неготовности уступать любому капризу Путина. Это все имело значение, но главное — это идеология и мировоззрение Путина и его ближнего круга. В некотором смысле сознание определяло бытие, а не наоборот.

Речь, опять же, о сталинском по своей сути восприятию мира. О мышлении зонами влияния, которое проявилось в политике Сталина, поделившем Европу, и в представлениях о мире последующих вождей, воплощенных в том числе в Берлинской стене, Карибском кризисе, «доктрине Брежнева», афганской войне. И, наконец, о сознательной изоляции России, казалось бы, прошедшей при Борисе Ельцине точку невозврата в прошлое. Причем и в ельцинском периоде Владимир Рыжков находит реликты имперского сознания и великодержавной политики. Но тогда это было скорее заигрывание с внутренней аудиторией, с электоратом, что хорошо показано, например, в мемуарах Стрובה Тэлботта: Ельцин опасался утратить поддержку россиян по причине расширения НАТО на восток. И лавирование Бориса Николаевича во внешней политике объяснялось именно внутривнутриполитическими

причинами. Но он открыл страну миру, и это было его наследие, которое он передал Путину, произнеся фразу: «Берегите Россию!» Наследник Россию не уберег.

Есть здесь еще один нюанс. Можно быть консерватором во внешней и внутренней политике, каким был столь уважаемый сегодняшними адептами имперской идеи Евгений Примаков. Но если сохранять прагматизм, добрую волю, уважение к оппоненту и понимание неприемлемого ущерба от некоторых действий для страны и мира, можно избежать неспровоцированных катастроф. Развернуть самолет над Атлантикой в знак протеста — это, в конце концов, не начать иррациональное и жестокое вторжение в соседнюю страну. Вспомним, опять же, Кеннана, утверждавшего, что советское поведение определялось идеологией и обстоятельствами. Одним из таких обстоятельств, приведших Россию к персоналистской диктатуре, и стал тот факт, что первыми лицами в стране оказались не Примаков или Черномырдин, которые никогда не допустили бы катастрофы, а именно Путин. Человек, считавшийся рациональным политиком, а на самом деле обернувшийся глубоко идеологизированным деятелем авторитарного и мессианского типа.

Путин получил от Запада все — от технологий до инвестиций. Но для него дороже оказался банальный — да-да, банальный еще с XIX века — русский мессианизм, неизменно приводивший к репрессиям, крови, потере страной репутации, изоляции от мира, отказу от мирной жизни.

Калькирование всего советского — ученическое, иногда фарсовое. Даже «перезагрузка» отношений с США оказалась лишь бледной тенью разрядки/детанта начала 1970-х, действительного достижения тогдашних лидеров США и Советского Союза, стремившихся избежать ядерной войны и построить взаимовыгодные отношения. Повторюсь: путинский режим гибридного тоталитаризма не совсем советская модель и не вполне ресоветизация — по крайней мере, в том виде, в каком мы знали СССР в послесталинский период. Это хуже. Хуже — это последние годы сталинщины, рубеж конца 1940-х — начала 1950-х, с их параноидальным

движением к самоуничтожению. Тем не менее согласимся с Владимиром Рыжковым в главном: «Сравнительно прагматичный и циничный авторитарный режим за несколько лет после 2012 года [года возвращения Путина в президентское кресло. — А. К.] переродился в идеологизированную ресоветизированную диктатуру».

Но Владимир Рыжков — политик, и потому в его книге есть и позитивная программа, точнее, более важная в нынешних обстоятельствах вещь — формулирование предпосылок для нее. Откуда возьмется когда-нибудь мирная внешняя политика России будущего, которой еще не скоро предстоит стать прекрасной? «Из моего анализа, — пишет Рыжков, — ответ следует искать не в новых гарантиях безопасности со стороны Запада, не в креативных форматах международных договоров и организаций безопасности, тем более не в циничном разделе “сфер влияния” в духе Ялты. Иными словами, не во внешней среде и ее динамике. Его следует искать внутри российского общества. Для появления новой российской внутренней и внешней политики (я настаиваю на их тесной взаимозависимости при преобладании первой над второй) потребуются смена руководящей идеологии, новые правящие элиты, успешное развитие на новой общественной и институциональной основе (демократическая, правовая и рыночная модернизация)».

Скажете, банально и наивно. Но за отсутствие этой банальности и наивности мы расплачиваемся потерей той России, которую пытались строить в течение ельцинских лет и спасти от путинских элит в постельцинские годы. России неимперской, открытой миру, отказывающейся от искусственных конфликтов и архаичного конспирологического мышления, демократической и рыночной, богатой. Нашей России. И поднимать ее из руин в корчах коллективной вины и ответственности, в новых попытках осмыслить собственную историю нам предстоит самим. Помня об ошибках, «идеологии и обстоятельствах», о которых пишет Владимир Рыжков.

Андрей Колесников,
старший научный сотрудник Фонда Карнеги

Часть первая

Провал постсоветской модернизации. Ресоветизация внутренней и внешней политики России

Каковы истоки российского внешнеполитического поведения? Что лежит в основе российских (властей, элит и народа) представлений о мире, международной системе, мировом порядке? Под воздействием каких внутренних факторов и внешних вызовов эти представления меняются? Как объяснить возобладавший после эпохи реформ 1980–1990-х негативный вектор изменений? Как и в какой мере представления народа и правящих элит влияют на внешнюю политику руководства страны? Насколько внешнеполитическое мышление и поведение Москвы направляется рационально понятыми национальными интересами (прежде всего императивом модернизации страны), «объективными» внешними угрозами, «балансом сил», руководящей идеологией и/или субъективными интересами правящих групп (в первую очередь стремлением сохранить господствующее положение)? Сделали ли сложившиеся за 30 постсоветских лет господствующие внешнеполитические нарративы и их основные авторы неизбежной катастрофы 24 февраля 2022 года и несут ли за нее ответственность? В чьих руках находится российская внешняя политика, кем, как и почему принимаются внешнеполитические и военно-политические решения? Возможно ли предложить, обосновать и укрепить в общественном сознании альтернативный нынешнему внешнеполитический дискурс и, соответственно, обеспечить внешнюю политику, имеющую иные основания и цели?

Политику, способную как надежно предотвратить новые внешнеполитические катастрофы, так и быть органично принятой российским обществом и элитами?

Как я покажу в настоящем эссе, внешняя политика современной России в решающей степени определяется и объясняется не материальными или так называемыми объективными факторами (такими как баланс сил, экономическое состояние страны или внешние угрозы), но а) сложившимся комплексом представлений российских властей, элит и значительной части народа о России, мировой системе и российском месте в ней, более узко — идеологией правящих групп, и б) общим положением дел внутри России и политикой правящих групп по удержанию власти и собственной легитимации. При этом принятая на вооружение идеология рационально используется правящими элитами для достижения второй цели (удержание власти). Последнее не означает, что политики не верят в собственные идеологические установки. Верят, но одновременно цинично и прагматично используют их в собственных политических интересах. Руководящие нарративы создаются в первую очередь правящими группами и служат целям их господства. Одним словом, как справедливо формулирует французская исследовательница России Мари Мендрас, «российская внешняя политика — продукт внутривнутриполитического развития и внутренней повестки дня»¹.

Соответственно, формирование принципиально иной российской внешней политики, если и когда это станет возможным, недостижимо без глубокого пересмотра обществом и элитами основ постсоветской российской идентичности (в первую очередь разрыва с имперско-советской традицией), способствовавшей тому, что страна угодила в стратегический тупик и сорвалась ее модернизация. Как и без восприятия идей демократической модернизации и смены руководящей идеологии. А также без утверждения плюралистической

политической системы, способной обеспечить сменяемость правящих групп у власти и тем самым предотвратить рецидивы узурпации власти с опорой на возрождение и использование великодержавных идей.

Россия не в состоянии будет проводить новую мирную внешнюю политику до тех пор, пока не преуспеет в деле подлинной модернизации, в первую очередь в идейной, правовой и политической сферах.

Глава 1

Ностальгия по СССР, победившая модернизацию

Провал модернизации. Начну с горькой констатации: три постсоветских десятилетия завершились унижительной неудачей постсоветской модернизации², реставрацией идеологизированного авторитаризма, возвращением к жизни многих советских идей, принципов и практик. Назову такую реставрацию *ресоветизацией* России (прежде всего в общественно-политической и идеологической сферах). Из истории хорошо известно, что неудачи революций и модернизаций нередко приводят к реставрации «старых режимов». Так случилось и с постсоветской Россией.

Радикальные изменения российской Конституции 1993 года, инициированные В. Путиным в 2020 году, а затем широкомасштабное военное вторжение в Украину 24 февраля 2022 года подвели трагическую черту под проектом демократической модернизации России. Вторжение в соседнюю европейскую страну далеко не случайно было окрашено в красные цвета советской символики и осуществлено в советском великодержавном и антизападном пропагандистском духе. Оно — прямой результат провала модернизации и ресоветизации России.

Под *модернизацией современной России* я понимаю исторический проект создания на месте бывшей крупнейшей советской союзной республики (РСФСР) современного российского национального государства (Российской Федерации), обладающего демократической Конституцией, верховенством права, разделением властей, свободными выборами, широкими гражданскими и политическими свободами, гражданским обществом, открытой рыночной экономикой с опорой на широкий слой частных собственников. Государства, открытого миру и проводящего мирную, ответственную, конструктивную внешнюю политику. Ничего из этого не получилось.

Причины провала модернизации. За три с половиной десятилетия беспорядочных и травматичных реформ не удалась прежде всего ценностно-идейная постсоветская модернизация, духовный разрыв России с самодержавным и тоталитарным прошлым.

Сравнительно безболезненный распад СССР в конце 1991 года и «само собой случившееся» учреждение на его большей части (РСФСР) новой Российской Федерации самим фактом подобной «легкости» и «простоты» создали благоприятные условия, в которых российское общество и российские правящие элиты, на удивление мало обновившиеся, естественным и преемственным образом сохранили и очень скоро стали воспроизводить и развивать идеологические конструкции, в т.ч. в качестве основ внутренней и внешней политики, доставшиеся Российской Федерации по наследству от СССР.

Сохранность и преемственность советских идеологем и, шире, советской политической культуры и советского мировоззрения после краха СССР, их укорененность в России, быстрое восстановление в 1990-е и последующие годы я объясняю: а) мирным и легким характером самораспада сверхдержавы (поражение СССР в холодной войне в Москве отрицается, напротив, подчеркивается решающий вклад России в

ее окончание и преодоление); б) краткостью периода радикальных демократических и рыночных реформ; напомним, к примеру, что главный российский реформатор Егор Гайдар фактически руководил Правительством РФ лишь шесть месяцев, в июне-декабре 1992 года; в) преемственностью правящих элит и многих ключевых институтов государства и общества, не подвергшихся заметным реформам (от школы и бюрократии до армии и спецслужб); г) слабой и поверхностной проработкой обществом и элитами ключевых тем преступного характера и преступных практик советского тоталитарного государства, принудительного характера советской федерации и советских внешнеполитических союзов, экспансионистской, имперской, агрессивной природы советской внешней политики, а также д) тяжелыми последствиями социально-экономической трансформации 1980–1990-х годов, такими как снижение уровня доходов, закрытие тысяч предприятий, рост безработицы и гиперинфляция, захлестнувшие страну преступность и коррупция, резкий разрыв связей с бывшими республиками СССР и др. Потрясения и потери от громадных и беспорядочных перемен скомпрометировали в глазах значительной части общества демократию, реформы, конституционализм, рынок, Запад, в целом модернизацию. В конечном счете они привели общество к ностальгии по «великому, стабильному и благополучному» Советскому Союзу, к возрождению советского, сталинского в своей основе, мифа. В силу названных причин ценностный и идейный разрыв между советской и российской государственностью не состоялся, ценности и практики демократического правового государства не укоренились. Во второй половине 1990-х и в 2000-х годах случился откат в прошлое, демодернизация в форме ресоветизации.

Ресоветизация — специфическая национальная форма провала посткоммунистической модернизации (не только, к слову, российской). Содержание ресоветизации — воссоздание

и возрождение важнейших компонентов советской политической культуры и идентичности, советских государственных и общественных символов, институтов и практик. В целом советского образа мышления и советского образа жизни. С характерными для них страхом людей перед государством, пассивностью общества и его атомизацией, покорностью и конформизмом, интеллектуальной несвободой, слепой верой в пропаганду, одновременно недоверием, злобой, малоподвижностью и апатией.

Не составляет труда обнаружить множественные вернувшиеся (и сохранившиеся) советские идеи и нормы, характерные черты советской жизни. Такие как общественное одобрение и практическое восстановление ничем, никакими другими институтами не ограниченной власти — включая сроки пребывания на посту — руководителя государства; принятие в качестве общей нормы монополии государства на истину, диктата государства в интеллектуальной сфере, культуре, образовании и информации; характерная нетерпимость государства и значительной части общества к разнообразию и свободе в политической, культурной и даже частной сферах; централизация и иерархичность государства и общества, в т.ч. воссоздание вертикали власти — от федеральной до местной, воссоздание монопольной правящей партии номенклатуры; одновременно равнодушие или даже неодобрение общественно-политической самоорганизации граждан, низкий уровень горизонтального сотрудничества и доверия; готовность властей вершить произвол, насилие, репрессии в отношении тех, кто политически или морально отклоняется от общепринятой «нормы»; широко одобряемые милитаризация страны и неограниченные полномочия политической полиции; культивирование и охотное воспроизведение и восприятие образа врага, внешнего и внутреннего, и страны как «осажденной крепости», подчинение государства и общества задачам борьбы с внешними и

внутренними неприятелями. Много и других типических черт советского образа жизни (блат, коррупция, кумовство, двуличие, двоемыслие и проч.). Ресоветизация есть возвращение (сползание) общества и государства к корневому большевизму с его ничем не ограниченной диктатурой, кипящей ненавистью к оппонентам и готовой репрессировать и уничтожить всякого несогласного с ней или даже просто отличающегося от стиля властей и образа жизни «массы».

Спустя 30 лет после распада СССР российское общество остается постсоветским или посттоталитарным (преимущественно советским по своим характеристикам, не новым качественно). Социум заметно не преобразился, он все так же в основном покорно принимает власть и ее решения, он аполитичен, пассивен и атомизирован. Гражданское общество и демократия, имеющие опору в миллионах сознательных и активных граждан и плотной сети ассоциаций, качественно и структурно не состоялись³.

Государство окрепло и оформилось как жестко авторитарное с тенденцией к перерастанию авторитаризма в новую версию тоталитаризма. На этот раз процесс вызревания тоталитарной системы протекает не на коммунистической, но на великодержавной и шовинистической идеологической основе. Видоизменение руководящей идеологии не означает отхода от советской государственно-общественной модели как от набора принципов и институтов. Руководящая идеология видоизменилась, советская система при этом пошатнулась, но устояла. Из государства и общества выпал прежний несущий стержень коммунистической идеологии, однако советский образ жизни и советские способы организации общественной и государственной жизни пережили гибель и распад ленинского партийного государства.

Произошла постепенная регенерация основных структур общества и государства советского тоталитарного типа⁴. После

краткого периода ожесточенной политической и идеологической борьбы второй половины 1980-х — начала 1990-х годов стремительно по историческим меркам восстановились и стали определять направление движения России многие идеологические установки и привычки советского тоталитарного общества и государства. Они служат мотором как внутренней, так и внешней политики.

Постсоветская идентичность. В этот период происходила острая борьба возможных вариантов постсоветской самоидентификации общества после распада СССР — либерально-республиканской, восходящей к Февралю 1917 года; либерально-европейской с решительным разрывом с политическим наследием как СССР, так и Российской империи; *архаично-имперской* с разновидностями в виде преобладания православия, панславизма или евразийства, но, главное, антилиберальной и антиевропейской и, наконец, советской⁵. К концу второго десятилетия XXI века стало явным предпочтение советской модели с заимствованием отдельных аспектов *архаично-имперской* традиции. Таких как влиятельная политическая и идеологическая роль церкви, тесно связанной с государством, с консервативным акцентом на «традиционные» (в первую очередь семейные) ценности, с возросшим весом великорусского этнического национализма, с антилиберальным моральным обскурантизмом. В целом это означало антипрогрессизм и иррационализм, отказ от социальных заимствований и инноваций⁶.

«Обогащение» ресоветизированной постсоветской идентичности архаическими элементами не случайно — их соединяет имперская и самодержавная традиция. Как замечает Р. Пайпс, «очевидно, вера в то, что Россия должна управляться авторитарно, имеет глубокие корни в политической культуре страны»⁷. Не является случайностью, что администрация В. Путина свободно и даже охотно соединяет и использует

символику и официальные нарративы обеих исторических империй — романовской и ленинской, отдавая при этом предпочтение второй.

В обществе и элитах победила ностальгия по СССР, советский миф. *Советский Союз выступает в качестве нормативной модели внутренней и внешней политики.*

Ностальгия по СССР, тяга к его возрождению были сильны в народе и недовольной части элит уже в бурные реформаторские 1990-е годы, подпитывая мощное общественное и политическое сопротивление реформам. Возрождение СССР — исходное программное требование сильнейшей оппозиционной партии России, КПРФ. А в 2000-е годы сопротивление с каждым годом лишь укреплялось, став устойчивым настроением заметного большинства россиян. Советская модель со временем приобрела статус идеала и желаемой нормы. Парадокс, но думается, что в наши дни она более популярна, чем в самом СССР второй половины 1970-х — начала 1980-х годов.

В октябре 2020 года, согласно данным всероссийского опроса «Левада-центра», разрушение СССР оказалось на первом месте среди событий XX века, которых россияне стыдятся, которым огорчаются (49%), — наивысший показатель за двадцать лет наблюдений. Одновременно первые по популярности ответы на вопрос «Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о вашем народе?» таковы: а) наше прошлое, наша история; б) наша земля, территория, на которой мы живем (55 и 39%). Два главных события XX столетия: а) Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.; б) ведущая роль страны в освоении космоса (89 и 43%)⁸. Преобладающие ответы и представления, стоящие за ними, напрямую отсылают к истории СССР, идеологии и символике СССР, отражают легитимность и привлекательность Советского государства и советского проекта в глазах населения.

В феврале 2020 года сожаление о распаде СССР выразили 65% опрошенных «Левада-центром» россиян (не сожалеют 26%). Показатели оказались теми же, что и сразу после распада СССР три десятилетия назад (начало 1992 года). Сожаление о распаде СССР вызвано у россиян потерей принадлежности к великой державе (52%), разрушением единой экономической системы (49%). 63% опрошенных убеждены, что распада СССР можно было избежать — с 1991 года это один из самых высоких показателей. 75% определенно согласны или скорее согласны с тем, что «советская эпоха была лучшим временем в истории нашей страны» (!). Важно отметить, что подобные взгляды разделяют все слои и группы населения⁹.

Высокая легитимность СССР, выбор советской модели как исторически наилучшей принимаются сегодня на нормативном уровне и большинством населения, и правящими элитами. Их общее настроение выразил нашумевшей фразой «крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века» Владимир Путин в послании Федеральному собранию РФ 25 апреля 2005 года¹⁰. Позже Путин знаменательно расширил рамку оценки, указав на распад СССР еще и как на «распад исторической России» (то есть не только советской, но и Российской империи), а также как на трагедию «русского народа», оказавшегося «самым большим разделенным народом в мире»¹¹.

С 2020 года преемственность нового Российского государства от СССР юридически и идеологически закреплена в путинских поправках к Конституции (например, в новой статье 67.1)¹².

Почему российские элиты и высшее политическое руководство после распада СССР сравнительно скоро склонились к возрождению советской, сталинской в своей основе, картины мира, внутривнутриполитического и внешнеполитического нарратива, советской модели государства и общества?

При объяснении такого выбора следует помнить две центральные политические задачи, которые решали и решают все без исключения советские и постсоветские лидеры: стабилизация вечно нестабильной России и удержание власти и контроля над ней. Так уж получается, что для достижения этих целей рано или поздно они склоняются к использованию примитивного, но действенного арсенала советских идей, институтов и властных практик.

Даже великий реформатор и гуманист Михаил Горбачев в конце своего правления, все больше теряя контроль над событиями и пытаясь влиять на их ход, предпринял отчаянную попытку опереться на политических «ястребов» и сторонников более жесткой линии. В январе 1991 года он сформировал новое консервативное правительство СССР В. Павлова, большой вес в котором имел глава КГБ СССР и вдохновитель ГКЧП В. Крючков; чуть ранее произошла вынужденная добровольная отставка министра иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе, ключевого проводника нового политического мышления.

Первый демократически избранный президент России, реформатор Борис Ельцин, уже в октябре 1993-го в борьбе с депутатами Съезда народных депутатов России за власть применил военную силу. В декабре 1994 года он приказал армии атаковать мятежную Чечню, развязав кровопролитную первую чеченскую войну. В 1995-м по решению Ельцина возобновилась организация ежегодных парадов Победы в Москве 9 мая. В 1996 году на вторых президентских выборах широко и не всегда разборчиво с точки зрения моральной применялись современные политические технологии (включая напористую госпропаганду) для достижения победы Б. Ельцина над популярным лидером коммунистов Г. Зюгановым. Немало либеральных реформаторов в российском правительстве открыто говорили в 1990-е годы о предпочтительности авторитарной модернизации, приводя в качестве положительного примера

экономическое развитие Чили под руководством военного диктатора А. Пиночета. Часть либералов оправдывала авторитаризм как прагматический выбор, необходимый для успеха рыночных реформ и слома сопротивления коммунистической оппозиции. Решение задач модернизации средствами гиперсильной президентской власти продиктовала администрация Ельцина в Конституции России от 12 декабря 1993 года. Баланс власти в Конституции был намеренно непропорционально смещен от парламента, судов и регионов к сверхвластному президенту. Впоследствии, в 2000-х годах, это облегчило В. Путину концентрацию всей полноты власти в одних руках.

На риторическом и символическом уровне в 1990-е годы власти декларировали полный разрыв с советской моделью, идеологией и преступными практиками СССР. Однако в практической политике Кремля удерживалась и становилась больше власть президента и его администрации, поощрялась слабость парламентаризма и многопартийности, атрофия судебной системы, укреплялась ключевая роль силовой компоненты власти, обеспечивалось значительное влияние администрации президента на ведущие федеральные СМИ (хотя при этом допускалась широкая свобода печати и мнений).

Авторитарные тенденции были развиты и завершены в 2000-е годы вторым президентом России Владимиром Путиным и его администрациями. В. Путин, тогда глава правительства, впервые применил военную силу сразу после назначения, начав в августе 1999 года вторую чеченскую войну. После чего армия использовалась им неоднократно за пределами России (Грузия в 2008 г., Сирия с 2015 г., Украина с 2014 года и до настоящего времени). С первых дней вхождения во власть В. Путин принялся применять ранее не использовавшиеся Кремлем репрессии против критиков и противников режима. В течение ряда лет произошел планомерный демонтаж основных, пусть и весьма скромных, достижений реформаторов в области

становления федерализма, местного самоуправления, парламентаризма, многопартийности, судебной реформы, свободы СМИ. С первых же дней правления Путина обозначилось целенаправленное обращение к советской символике, идеям и ценностям. Символически значимыми первыми шагами В. Путина стало помещение памятной доски бывшему главе КГБ и СССР Ю. Андропову на здание КГБ на Лубянке в Москве и возвращение сталинского гимна СССР в качестве гимна России.

Сравнительно быстро руководство новой России обнаружило, что простые и грубые советские идеи, принципы, институты и практики (несменяемость и вертикаль власти, готовность властей применять манипуляции и даже насилие против политических оппонентов и конкурентов, государственная пропаганда, ограничение политических свобод, свободы мнений и слова) неплохо справляются с задачей стабилизации России, страны, в самом деле чрезвычайно сложной, потенциально нестабильной, опасной и конфликтной. «Попутно» советские институты и практики обеспечивают полноту единоличной власти главы государства и ее несменяемость. Они привычны и удобны для мало изменившейся правящей элиты, усвоившей их еще в молодости, в 1970–1980-х годах. Они комфортны для огромного бюрократического аппарата и миллионов работников бюджетной сферы. И что главное, советские идеологемы, символы, ценности, нарративы, практики популярны в народе, хорошо ему знакомы, народ охотно принимает и поддерживает их, способствуя власти в обретении ею прочной социальной основы и легитимности.

Торможение модернизации, сползание правящих групп к советским практикам, символам и идеологемам наметились еще в девяностые годы (ключевое событие — силовое разрешение политического кризиса осенью 1993 года и последующее принятие суперпрезидентской Конституции). К концу второго десятилетия 2000-х годов эти процессы в основном

завершились. Сформировалась ресоветизированная внутренняя и внешняя идентичность большинства российского общества и правящих элит. Она, в свою очередь, сплавилась в руководящую идеологию правящей группы. Последняя подчинила себе внутреннюю и внешнюю политику Кремля.

Ресоветизированная модель принятия решений. Реабилитация, а после легитимация СССР, победа советского мифа задали широкую идеологическую рамку для динамики во внутренней (движение от неустойчивой демократизации и конституционализации второй половины 1980-х — первой половины 1990-х годов ко все более жесткому авторитаризму 2000-х) и внешней политике России (от попыток конструктивного партнерства и даже выборочной интеграции с Западом до открытой конфронтации с ним и, наконец, империалистической и реваншистской «специальной военной операции» в Украине).

Мало изменилась, а по сути, воспроизведена в основных чертах прежняя советская модель разработки и принятия решений в области внешней политики и безопасности. Способ формирования и реализации внешнеполитического курса следует советским образцам: чрезвычайно узкий круг лиц, принимающих решения, секретность, маргинальность и подчиненное положение парламента, политических партий и экспертного сообщества, широкое пропагандистское обеспечение внешнеполитических шагов.

Как внутренняя, так и внешняя политика безопасности остается исключительной прерогативой высшего политического руководства страны, как и в СССР, где все решало Политбюро ЦК КПСС или даже его небольшая часть, например, при вводе советских войск в Афганистан. Общество не участвует ни в обсуждении, ни тем более в определении курса страны внутри и вовне. Роль парламента и политических партий

имеет декоративный, имитационный характер. От граждан ожидается пассивное согласие с риторикой и действиями властей, осуществляемыми в духе одобряемых народом широких представлений о норме.

Ключевая роль в принятии внешнеполитических решений принадлежит президенту, чьи политические взгляды и черты характера приобретают в этой связи самостоятельное значение. Среди других институтов наибольшим весом обладает администрация президента. В плане полномочий и возможностей она заняла место ЦК КПСС и разместилась в прежнем комплексе зданий на Старой площади в Москве. А также Совет безопасности России, в котором тон задают спецслужбы и военные. Прочие институты и ведомства, включая парламент, правительство и МИД РФ, не имеют политического веса и заняты исполнением решений. Если они и получают право голоса при принятии решений, то на оперативном, а не на стратегическом уровне¹³.

Решения принимаются в закрытом режиме, в обстановке полной секретности, после чего их объявляет народу, элитам и миру сам В. Путин. Он же берет на себя основной труд по объяснению и аргументации решений. Затем исполнение, толкование и популяризация предпринятого шага передаются МИДу, государственной пропаганде, депутатскому корпусу, экспертному сообществу. Последнее в массе своей персонально и институционально тесно связано с государством, материально зависит от него и, как правило, не консультирует власти в процессе подготовки решений, не критикует и не предлагает альтернативы, но посвящает свое время и знания обоснованию, разъяснению, предугадыванию и более или менее изящной концептуализации принятых руководством решений.

Глава 2

Ресоветизация, постсоветская идентичность и последствия для внешней и внутренней политики России

Постсоветская внешнеполитическая идентичность. Процесс ресоветизации, питаемый травматическими последствиями постсоветской трансформации, ошибками реформаторов, целенаправленными авторитарными мероприятиями властей и крепнущей в народе ностальгией по СССР, шел вместе с формированием постсоветской идентичности общества, постсоветской государственности, определяя характер политического режима, содержание и динамику внутренней и внешней политики.

Выделю самые важные составляющие ресоветизированной постсоветской идентичности, относящиеся к окружающему миру и внешней политике.

В течение тридцати постсоветских лет, год за годом эти составляющие укрепляли свои позиции. Вокруг этих представлений организовывались процессы демодернизации в форме ресоветизации. Они же блокировали интеграцию России с Западом и в конце концов сделали российскую внешнюю политику опасной и деструктивной.

1. Величие/великодержавие. Представление о России как о великой глобальной державе. Основные атрибуты, символы и аргументы российского величия — ядерная сверхдержава, громадные размеры и ресурсы страны, Победа СССР в Великой Отечественной войне, достижения СССР в освоении космоса. Величие дает России неоспоримое и законное основание действовать самостоятельно внутри и вовне, не слушая ничьей критики, настаивать на праве решающего голоса в мировых делах.

2. *Исключительность*. Россия не обычная, пусть и очень крупная, страна, но страна поистине исключительная. Мессианская коммунистическая исключительность XX века бесславно обанкротилась, однако остаются в силе военные, культурные, территориальные, природные, географические и ценностные аспекты исключительности. Исключительность содержит в себе идею превосходства над другими. Что в свою очередь делает ненужной или малозначимой потребность учиться у других, заимствовать чужие ценности, практики и институты. Например, внедрять зарубежный опыт или тем более интегрироваться с Западом, перенимать его общественную модель.

3. *Универсализм, глобальные амбиции*. России как великой, исключительной державе недостаточно и скучно заниматься лишь своими внутренними делами. Она «по природе своей» призвана показывать пример, вести за собой если не все человечество (во что верили Ленин и Троцкий и созданный ими Коминтерн), то значительную его часть (в чем преуспели Сталин и его преемники).

4. *Особые права России на постсоветском* («историческая Россия», как часто говорит Путин) *и, возможно, всем восточно-европейском пространстве*. Мыслится, что мирный роспуск СССР при главенстве в этом процессе России не только освободил бывшие советские и «народные» республики, наделив их государственным суверенитетом и свободой выбора, но одновременно породил на этом обширном пространстве «особую ответственность» и «особые права» России. Что подкрепляется в Москве многочисленными военными, историческими, геополитическими, культурными, гуманитарными и экономическими аргументами. Такими как военная безопасность России; связанность частей бывшей единой советской экономики; внезапно разделенные семьи и родственники; рассеянные национальные диаспоры, включая крупнейшую из них — русскую; общая культура; русский язык и проч.

5. *Самобытность, особый путь России.* Великодержавие, исключительность вкупе с великой историей и культурой образуют основу для особого внутреннего устройства России, вообще ее «особого пути», неприемлемости и даже опасности восприятия, а тем более навязывания, рецептов развития и устройства извне, прежде всего с Запада — привычного врага для людей советской формации.

Сложившаяся идентичность способствовала провалу модернизации и оказала негативное влияние на внешнюю политику России. Представления и убеждения россиян, как элит, так и общества, о месте, роли и статусе России в мире повлияли на содержание и развитие господствующего внешнеполитического дискурса и практическую эволюцию российской внешней политики. Идеи об исключительности, уникальности, особом укладе и особом пути России затруднили внутренние реформы. Заикленность на величии, исключительности и универсальной миссии порождает необычайную озабоченность Москвы вопросами статуса и престижа, экстраординарно резкие и эмоциональные реакции на все, что в столице России истолковывают как «обиды». Универсализм и глобальные амбиции влекут за собой готовность расходовать значительные ресурсы, необходимые для внутреннего развития, на проекцию присутствия и влияния в близких и отдаленных регионах мира; как и в советском прошлом, чаще всего деньги тратятся на заведомо убыточные проекты. Вера в особую миссию Москвы на постсоветском или, шире, постимперском пространстве порождает презумпцию неполноценности постсоветских государств и народов, стремление направлять их, если не управлять ими, вмешиваться во внутренние дела. Ведет к острому соперничеству на постсоветском пространстве с другими акторами мировой политики. В итоге последняя идея довела дело до войн за территории и политический контроль над соседями.

Провал модернизации и ресоветизация повлекли тяжелые последствия для внешней политики России, ее роли и авторитета в мире. Чем больше советского возвращалось во внутренние дела, тем более схожей с советской становилась внешняя политика России. Что является закономерностью, а не случайностью.

Во внешней политике постсоветский модернизационный срыв привел не только к отказу от политического союза и интеграции с Западом или хотя бы тесного стратегического партнерства с ним, но после перестройки Горбачева и реформ начала 1990-х к полному пересмотру внешнеполитической стратегии и основ внешнеполитической идентичности. Это демонстрируют итоги эволюции российской внешней политики, ее ресоветизации к концу второго десятилетия XXI века:

а) выход России в 2022 году из Совета Европы и его конвенций, включая Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, тем самым выход из-под юрисдикции ЕСПЧ, принципиально значимый отказ от приоритета защиты прав и свобод человека, правового демократического (конституционного) государства с разделением и подотчетностью властей. В целом — отказ от европейской модели развития и от интеграции с единой Европой, основанной на общих ценностях;

б) возобновление системной бессрочной конфронтации с Западом и его основными институтами — НАТО и ЕС, и одновременно:

в) политическая и экономическая переориентация на страны и регионы, равнодушные к темам защиты прав и свобод человека, как и защиты верховенства права и демократии. Для обоснования такой переориентации разработаны концепции и политика «поворота на Восток», укрепления БРИКС, ШОС и проч. В этом же контексте установление особых привилегированных отношений с авторитарным коммунистическим

Китаем, попытки сколачивания антизападных, т.н. антигегемонистских коалиций;

г) активные усилия Москвы по восстановлению и наращиванию политического и экономического влияния с расчетом на возрождение главенства и контроля на постсоветском пространстве, реализация неосоветского проекта на территории бывшего СССР (гальванизация Союзного государства России и Беларуси, энергичное продвижение проекта евразийской интеграции — ЕАЭС, острая борьба за влияние и даже политический контроль в Украине, Грузии и Молдове); проекция идей величия и имперской правопреемственности России на пространство соседних стран; практические действия по отторжению или даже присоединению военным путем частей соседних государств, признанию независимости их отдельных регионов, поддержка сепаратистов;

д) воспроизведение широкого арсенала конфронтационных методов и практик эпохи холодной войны во вновь победившей логике системного противостояния с Западом: интенсивное обновление и наращивание собственных вооружений, обычных и стратегических, и вооруженных сил; сколачивание если не антизападных, то незападных группировок (на этот раз не антикапиталистических, но антигегемонистских); активный поиск по всему миру антизападно настроенных партнеров; разноплановая подрывная работа внутри самого Запада с целью его ослабления и дезинтеграции (поддержка пророссийских и радикальных популистских политических сил, пропаганда, экономическое давление, подкуп политических элит, кибератаки, вмешательство в выборы и проч.).

За исторически значимыми процессами и результатами постсоветского развития — сменой общего вектора развития России, отказом от демократической модернизации, разрывом с Западом и «поворотом на Восток», установлением внутри

страны авторитарного режима, курсом на самоизоляцию, экспансией на постсоветском пространстве — стоят устойчивые политические и культурно-исторические представления и установки российских лидеров, элит и массового сознания. Повторю: в первую очередь вера в величие, исключительность, глобальную миссию, особые права на постсоветском пространстве, особые модель и путь России. В совокупности все это чаще и настойчивее трактуется в Москве как «отдельная цивилизация»¹⁴, обладающая суверенным правом делать все что угодно как внутри России, так и за ее пределами и одновременно стремящаяся обладать безусловным правом вето при определении правил игры в международной системе.

Нежелание и неспособность преодолеть великодержавные, шовинистические, империалистические руководящие идеи привели к тяжелым последствиям и внутри страны.

В результате неуспеха комплексной модернизации общества, экономики, государственных институтов страна все заметнее отстает от мировых лидеров, включая успешные незападные государства. Уничтожено доверие и разорвано партнерство с Западом, лучшим источником передовых знаний, социальных стандартов и инноваций, навыков, технологий и инвестиций. Против России начиная с 2014 года вводятся невиданные в истории санкции. Страна попала в растущую комплексную зависимость от Китая и других крупных западных игроков, в том числе от Турции и Ирана. Возобновилась разорительная гонка вооружений и милитаризация страны. Попытки нарастить влияние на постсоветском пространстве, найти и поддержать антизападно настроенных друзей по всему миру ложатся тяжелым бременем на бюджет и экономику. В совокупности конфронтация с Западом, гонка вооружений, полицейское государство, дорогостоящие проекты по преимущественно искусственной реинтеграции бывшего советского пространства, поддержке

«друзей» за рубежом структурно воспроизводят ситуацию «имперского перенапряжения», сгубившего в прошлом как Российскую империю, так и СССР.

Усиливается международная изоляция России. На постсоветском пространстве за минувшие двадцать лет безвозвратно испорчены отношения с Украиной, Грузией, Молдовой, не говоря уже о странах Балтии. Растет разочарование Москвой в Ереване и Астане. Заметно стремление большинства государств СНГ осторожно дистанцироваться от Москвы и искать альтернативные России гарантии безопасности и ресурсы развития. Доверие к Москве подорвано даже у ближайших союзников. Интересно наблюдать, как ресоветизация внутри России разрушает остатки советского наследия за ее пределами.

Утверждение идеологизированной ресоветизированной диктатуры ведет Россию к упадку. Не только нет развития, но, напротив, наблюдается деградация экономики, социальной сферы, других областей жизни. Сотни тысяч россиян покинули страну после 24 февраля 2022 года, в ближайшие годы уедут, вероятно, миллионы. Нанесен удар по российской науке, где рвутся международные связи, усиливается отток талантов за рубеж, растет страх ученых перед фабрикацией уголовных дел за «шпионаж» и тому подобное. От вторжения идеологии и пропаганды страдает образование. Множатся случаи увольнений и преследований талантливых ученых, учителей, работников культуры за не соответствующие официальным высказывания и взгляды. Уничтожена свобода слова, зато громадных масштабов достигли пропаганда, кумовство, казнокрадство.

Ресоветизированная диктатура с политикой насаждения государственной идеологии, страха, преследования активных и талантливых, выдвижения вперед лояльных и беспринципных, утверждения повсеместно монополий во главе с лояльными ставленниками день за днем уничтожает человеческий капитал и основы успешного экономического, социального и культурного развития.

Основной национальный интерес России — успешное динамичное развитие. Это требует комплексной модернизации на фундаменте свободы, права, открытости, тесного партнерства с наиболее развитой частью мира, то есть с Западом. Для успеха необходимо утвердить высокие стандарты верховенства права, подотчетности и сменяемости власти, институтов рыночной экономики. Требуется мирная внешняя политика, нацеленная на сотрудничество, а не на конфронтацию. Все это отвергнуто нынешними элитами и значительной частью общества. Внутренняя и внешняя политика строятся на противоположных принципах и преследуют противоположные цели. В конечном счете опирающийся на советский миф политический курс российских властей противоречит национальным интересам России и является антинациональным.

Глава 3

Джордж Кеннан и его классическое объяснение советского внешнеполитического поведения

Для объяснения истоков внешнеполитического поведения постсоветской России я обращаюсь к ранним классическим исследованиям советской политики Джорджа Кеннана. Немногие до и после него проникли столь глубоко в суть советской системы и, кроме того, оказали значительное влияние на мировую политику второй половины XX века. Теоретический и практический подход Дж. Кеннана к анализу истоков советской внешней политики, по моему мнению, применим к современной России. Он продуктивен и для исследования внешнеполитического поведения других современных государств.

В знаменитой статье июля 1947 года «Истоки советского поведения», развивавшей тезисы его же московской «Длинной

телеграммы» от 22 февраля 1946 года¹⁵, советник посольства США в Москве и талантливый историк Дж. Кеннан выводит советскую внешнюю политику из *идеологии* политического режима большевиков-коммунистов и *условий*, в которых они правят. Или из двух ключевых *внутренних факторов*: господствующего комплекса идей и представлений правящей в Москве партии, а также характера страны и самого режима. Взаимодействие этих двух факторов и каждый из них в отдельности формируют в результате линию внешнего поведения Советского государства. Подход Кеннана предоставляет нам теоретическую рамку для исследования истоков российского внешнеполитического поведения.

Итак, согласно Кеннану, для понимания причин того или иного поведения государства, зачастую труднообъяснимого в рамках других теоретических подходов, его реакций на внешние угрозы, вызовы и ограничения, требуется прежде всего исследовать:

- а) содержание господствующих среди политических лидеров, правящих групп и, шире, в обществе идей и убеждений относительно своей страны и окружающего мира;
- б) общее положение страны, характер политической системы и политического режима, способы удержания власти и легитимации, основные политические интересы и руководящие принципы правящих слоев и групп.

Знание ответов на эти вопросы позволяет объяснить внешнеполитическое поведение государств, их ответы на внешние и внутренние угрозы, их понимание безопасности и национальных интересов, а также их внешние действия. Как и сравнительно надежно прогнозировать их поведение.

Следуя сделанному ранее общему выводу о том, что за последние 20–25 лет на фоне провала модернизации произошла ресоветизация России и, соответственно, ресоветизация

русской внешней политики, тем более полезно внимательно взглянуть на острые наблюдения Кеннана семидесятилетней давности.

По Дж. Кеннану, ядром советских (большевистских) представлений о мире являлось представление о непримиримой и непреодолимой (кроме как через неизбежную победу коммунизма во всем мире) враждебности социалистической и капиталистической систем, имманентной несовместимости социалистических и капиталистических стран. Никакое долгосрочное мирное сосуществование, никакое прочное партнерство с враждебными странами невозможно в силу антагонистической природы отношений. Конечная цель большевиков, следовательно, заключается в полном уничтожении враждебной системы, сколько бы времени и сил на это ни ушло. Как пишет Кеннан, «от русско-азиатских предков к ним [большевикам. — В. Р.] перешло неверие в возможность мирного сосуществования на постоянной основе с политическими соперниками. Легко уверовав в свою собственную доктринерскую непогрешимость, они настаивали на подчинении либо уничтожении всех политических противников». Принцип онтологической несовместимости и нетерпимости в равной мере распространяется как на внешних, так и на внутренних врагов.

Исходная посылка о враждебном «капиталистическом окружении», с которым невозможно мирное сосуществование, не говоря уже о сотрудничестве, с необходимостью определяла основные направления советской внешней политики *на официальном уровне*:

а) внутренняя политика, направленная на рост могущества и престижа Советского государства, максимальное развитие вооруженных сил и рост военной промышленности, широкий показ достижений и всеобщая секретность с целью скрыть недостатки;

- б) постоянные усилия по расширению сфер советского влияния, о каком бы регионе мира ни шла речь;
- в) участие в международных организациях, таких как ООН, не для достижения всеобщего мира и всеобщего блага, а исключительно для преследования собственных выгод и интересов; поэтому пока организация служит интересам СССР, он будет в ней оставаться, в противном случае покинет ее без колебаний. Кеннан считал: «Москва не имеет исключительной приверженности идеалам ООН. Ее отношение к организации является прагматичным и носит тактический характер»;
- г) политика СССР в отношении «третьего мира», направленная на подрыв власти и влияния западных держав;
- д) усиление советского представительства и официальных связей в странах, «где существует реальная возможность противостоять западным странам»;
- е) вероятное пренебрежение Москвой принципа свободной торговли в сфере мировой экономики; торговые отношения с зависимыми странами, скорее всего, будут подчинены стремлению к автократии (этот тезис Кеннана можно трактовать двояко: как стремление к экономической автаркии и/или как склонность развивать торговые отношения главным образом с родственными автократиями).

На втором, *неофициальном*, или подпольном, уровне (компартии, спецслужбы, агенты и сети влияния и проч.):

- а) преследование советских интересов через руководство зарубежных компартий;
- б) задействие через инфильтрацию агентами или сторонниками национальных ассоциаций или ведомств, таких как профсоюзы, молодежные лиги, женские организации, национальные сообщества, религиозные организации,

общественные организации, культурные группы, либеральные издательства, журналы и т.д.;

в) использование международных организаций, в которые удастся успешно внедриться. Например, в международное рабочее движение. Построение «международного лобби, способного вынудить правительства предпринимать действия, выгодные для советских интересов в различных странах, и парализовать действия, нежелательные для СССР»;

г) включение в борьбу за интересы СССР Русской православной церкви (РПЦ) и ее зарубежных филиалов;

д) эксплуатация панславизма и других трансграничных национальных движений, основанных на национальных группах в составе СССР;

е) руководство правительствами зарубежных стран или их правящими группами, готовыми подчиниться СССР. «Не только пропагандистский аппарат, но и фактическая политика этих режимов может быть широко предоставлена в распоряжение СССР». И т.д.

Все это, вместе взятое, весь громадный и разветвленный аппарат советского внешнего воздействия должен целенаправленно использоваться для достижения основных практических целей СССР, а именно:

а) ослабление общего политического и стратегического потенциала ведущих западных (капиталистических) держав. В этих странах важно по возможности подрывать национальную уверенность, ослаблять национальную оборону, поощрять экономическую и социальную нестабильность, разобщенность. Недовольное население будет обращаться не к поиску компромиссов, но к разрушению существующих политических и общественных структур. Различные группы населения будут ожесточенно сталкиваться друг с другом;

б) разжигание недовольства среди зависимых и колониальных стран и народов, поощрение в колониях борьбы за независимость, стремления к утверждению просоветских правительств в освободившихся от западных метрополий странах;

в) целенаправленные усилия, приводящие к отставке западных правительств, противостоящих или противоборствующих советской политике, радикализации местных коммунистических оппозиций для достижения искомой цели;

г) политика разрушения «всех форм личной независимости, будь то экономическая, политическая или моральная независимость» в странах, попавших под власть просоветских или прямо коммунистических правительств;

д) «Будет сделано все возможное, чтобы настроить ведущие западные державы друг против друга». Антибританская пропаганда будет распространяться в США, антиамериканская — в Великобритании. Европейцев будут натравливать на англосаксов, и наоборот. «Ни одной возможности не будет упущено для дискредитации и борьбы со всеми попытками, которые грозят привести к любого рода единению или сплоченности среди других, из которых Россия может быть исключена».

Общий вывод Кеннана: «В целом все советские усилия на неофициальном международном уровне будут по своему характеру негативными и разрушительными, предназначенными для уничтожения источников власти, находящихся вне советского контроля. В основе советского мировоззрения лежит идея о том, что не существует компромисса с государствами-соперниками и что конструктивная деятельность может начаться только тогда, когда коммунистическая власть станет доминирующей».

Что касается второго, определяющего внешнеполитический курс фактора (характера и принципов внутреннего

политического режима в СССР), то основная черта советского режима — это его *глубокая неуверенность в собственной прочности и вызванная этим ставка на жестокую диктатуру*, для упрочения которой необходимо уничтожение любой оппозиции, всех внутренних противников, объявляемых врагами партии, народа и государства, превращение общества в аморфную атомизированную массу, для чего требуется запрет какой угодно гражданской самоорганизации (кроме управляемой самими властями).

Власть неустанно борется с врагами внутри и с поползновениями, направленными против нее, извне. После массовых чисток и репрессий, полного уничтожения какого бы то ни было сопротивления внутри СССР «появилась необходимость оправдать сохранение диктатуры тезисом о капиталистической угрозе извне».

В соответствии со сталинской теорией «враждебного окружения» «любые силы внутренней оппозиции в России последовательно выдавались за агентов реакционных иностранных держав, враждебных советской власти. По той же причине настоятельно подчеркивался изначальный коммунистический тезис об антагонизме между капиталистическим и социалистическим миром». Есть все основания полагать, что «тот упор, который делается Москвой на угрозу советскому обществу из внешнего мира, объясняется не реальным существованием антагонизма, а необходимостью оправдать сохранение внутри страны диктаторского режима», — добавляет к своему блестящему анализу еще один ключевой тезис Кеннан.

Таким образом, советское внешнеполитическое поведение имело два главных источника: идеологию и программу партии большевиков, а также ее основополагающий политический интерес по удержанию незаконно захваченной в октябре 1917 года власти. Советская модель взаимосвязи внутренней и внешней политики, структурно порожденная этими причинами, включала в себя два основных элемента:

1. Применительно к внешнему миру руководящий постулат большевиков о непримиримости двух систем, их имманентной враждебности с неизбежностью приводил к выводу о необходимости сколь угодно долгой борьбы на уничтожение с противостоящей системой (игры с нулевой суммой). А следовательно, к реализации огромного перечня конкретных мер по ослаблению, подрыву, разобщению врагов, расширению своего влияния, захвату контроля над все новыми государствами и частями мира. В международной системе после окончания Второй мировой войны все это нашло отражение в конфронтационной двухблоковой структуре холодной войны. В долгом противостоянии с СССР Запад принял предложенную Кеннаном стратегию твердого сдерживания коммунистической экспансии и защиты демократии по всему миру.

2. Внутри СССР марксистско-ленинская «научная» аксиома об историческом превосходстве коммунизма над капитализмом, неизбежности краха империалистических государств, сталинская теория «враждебного окружения» и бессрочного апокалиптического противостояния с миром капитала использовались для культивирования образа страны — «осажденной крепости», обоснования милитаризации СССР и охранительной диктатуры, поддержания постоянной мобилизационной готовности общества и экономики к большой войне.

Наличие неустранимого враждебного окружения и всегдашняя готовность к большой войне порождали «объективную» потребность в бдительности, безостановочном поиске и уничтожении «внутренних врагов». Внутренние враги рассматривались и репрессировались государством не только как противники советской власти («антисоветчики»), но и как непосредственные агенты вражеских государств («диверсанты» и «шпионы»). Власть большевиков сурово пресекала любые попытки внешнего вмешательства во внутренние дела СССР, страна была наглухо закрыта вплоть до эпохи Горбачева.

Подавить сопротивление и диверсии «врагов народа» внутри и успешно разгромить (или сдержать) противника вовне способна только суровая, решительная диктатура. Охранительная репрессивная диктатура выступает необходимым спасительным способом политической организации страны, находящейся во враждебном окружении непримиримо настроенных по отношению к ней извечных недругов.

Глава 4

Кеннановский подход применительно к анализу внешней политики современной России

Теоретический подход, предложенный Дж. Кеннаном, помогает нам ясно увидеть структурное сходство современной модели российской внутренней и внешней политики в ее взаимосвязи с советской моделью.

Идеологические рамки и идентичность. Правы ли те, кто утверждает, что современная Россия абсолютно прагматична и принципиально деидеологизирована?¹⁶ Или же, как полагает И. Крастев, «столкновение между Россией и Западом по своей природе идеологическое»?¹⁷ Думается, что справедливо второе.

Бесспорно, мы не отыщем сегодня в Кремле и близ него ничего похожего на воинствующую и глобалистскую доктрину неизбежной мировой классовой революции марксизма-ленинизма. Однако я уверен, что в наши дни следует определять идеологию более широко, не сводя ее к классическим канонам либерализма, консерватизма, социал-демократии или марксизма, — как устойчивый комплекс идейно-ценностных установок, направляющих поведение людей, социальных групп, целых обществ и отдельных государств. При таком взгляде нельзя не увидеть в современной России наличия основополагающих

идеологических представлений и установок, определяющих в их совокупности и современную российскую идентичность, и идеологию правящих групп. Большинство из них типологически родственны советским и воспроизводят их на видоизмененной, но преемственной идейной основе.

Убежденность значительной части народа и правящих элит в величии России, в ее исключительности, глобальной миссии, особой модели и особом пути развития, особых правах на бывшем имперском пространстве задала эмоциональную и идеологическую рамку поначалу для системного дистанцирования (в 1990-х и начале 2000-х годов), а позднее и для открытого противопоставления России странам и группам стран, отрицающих, по мнению Кремля, или игнорирующих величие, миссию и исключительность России, отказывающихся считаться с нею или применяющих к Западу свои мерки.

В Москве вновь открыто декларируется культурно-цивилизационное превосходство России над подобными странами¹⁸ и в то же время предрекается их неизбежный упадок и разложение. Манифестируется моральное и культурное первенство России перед «загнивающим Западом». Охотно заимствуется и используется для обоснования «естественности» противостояния России с Западом известное положение С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Предается анафеме и подвергается осмеянию утверждение Фукуямы о либерально-демократическом «конце истории», окончательной победе Запада и его ценностей над идеологическими и историческими соперниками. Запад неустанно обвиняют в стремлении разрушить и расчленить Россию, в подготовке в России цветной революции и «смены режима», в подрывной работе внутри страны действиями ангажированных неправительственных организаций, оппозиции и прочих «агентов влияния». Из уст высшего российского руководства звучат зловещие термины «пятая колонна», «национал-предатели» и «агенты влияния». Если в 1990-е

годы праворадикальная, националистическая и охранительная идеологии были ненадолго вытеснены на периферию, будучи уделом таких одиозных в ту пору деятелей, как В. Жириновский, Г. Зюганов или Д. Рогозин, то примерно с 2003–2004 годов прежние идеи постепенно овладели руководящими умами и сформировали господствующий дискурс российской официальной политики, как внутренней, так и внешней.

Идейная матрица системного и бессрочного противостояния России с Западом на этот раз предстала не на марксистско-ленинской, но на культурно-цивилизационной идеологической основе.

В ход идут любые, какие ни попадая, аргументы для оправдания «вечного» конфликта России и Запада. Такие, к примеру, как острое осуждение мнимого «морального разложения» западных обществ, несовместимого, разумеется, с мифической «моральной чистотой» России. Обвинения в стремлении будто бы навязать России западную общественно-политическую модель, якобы органически негодную и опасную для выживания и сохранения страны. Инвективы в адрес отыскиваемого повсюду гегемонизма США и Запада, их нежелания уважать и признавать законные интересы других государств, отрицания и противодействия становлению многополярного мира. Обвинения Запада в наглом и нелегитимном вмешательстве во внутренние дела других государств, неразборчивом и незаконном применении силы. В нарушениях международного права, наращивании непосредственной военной угрозы в отношении России. И бесчисленное множество прочих упреков.

Обвинений и упреков много, и вывод из них неизменно делается один — Кремль вновь определил Запад экзистенциальным извечным недругом России. Запад стремится окружить Россию кольцом вражеских государств и военных баз и в конечном итоге подорвать жизненные силы, развратить общество, возможно, даже расчленить и уничтожить страну.

Из возрожденной установки о бессрочном системном противостоянии с Западом проистекает внешнеполитическое поведение России, очень схожее с поведением СССР.

Внешняя политика современной Москвы также раздваивается на официальную и неофициальную (сейчас принято говорить — «гибридную»).

Первая посвящается наращиванию собственных военных возможностей, расширению территории страны и сфер ее влияния, сколачиванию антизападных (антигегемонистских) альянсов, поиску и поддержке антизападных друзей и партнеров по всему миру, использованию международных организаций для преследования своих целей в контексте противостояния, эксплуатации международных конфликтов для подрыва совокупной силы Запада, переориентации внешней торговли и экономического сотрудничества на дружественные автократии.

Второй, неофициальный уровень внешней политики включает в себя скрытное продвижение российских интересов, понимаемых в логике системного противостояния, через международные организации, дружественные партии и политиков в западных странах, например, через популистские, праворадикальные, евроскептические партии в странах ЕС. Использование в тех же целях НКО, пропагандистских медиа (самое крупное из них Russia Today), социальных сетей, формирование в западных странах пророссийских лобби, стремление дестабилизировать и свалить правительства, проводящие «антироссийскую» политику, руководство правительствами, готовыми подчиниться России, и так далее.

В силу того, что противостояние с западными странами основывается не только на реальной оценке военных угроз или геополитическом соперничестве в пространстве совместного соседства, но и включается в более широкую рамку цивилизационных, культурных и политических различий, это противостояние все более принимает форму перманентного,

рассматривается как бессрочное и непримиримое, направленное в конечном итоге на взаимное если не уничтожение, то на слом, преодоление или подчинение враждебной системы.

Часто обсуждается вопрос: возможно ли воспроизводство классической холодной войны России и Запада в современных условиях?

В рамках международной системы холодная война с участием России и Запада не возродится уже в силу несопоставимого потенциала сторон, количественно и качественно иного состава противников. Немодернизированная, все более отстающая и слабеющая Россия не в состоянии выступить даже относительно равнозначным противовесом Западу. Ей не удастся собрать вокруг себя заметное число союзников или сателлитов, чтобы вновь разделить мир на два враждующих лагеря. Культурно-цивилизационная идеология Москвы сильно уступает марксистской в универсальности и привлекательности, она мало кого способна увлечь.

Однако холодная война — 2, несомненно, будет «опрокинута» внутрь России для внутреннего потребления ее властями и обществом. Пропаганда представит и уже активно презентует устрашающую картину глобального бессрочного противостояния двух антагонистических систем — с неизменными успехами России и позорными провалами Запада. Для внутренней аудитории в качестве широкого круга союзников по антизападной коалиции сгодятся Минск, Астана, Бишкек, Ереван, Тегеран, Пекин, Пхеньян, Дамаск, Каракас и, возможно, Стамбул. Пусть даже большинство этих столиц на деле отвергнут лидерские амбиции Москвы и саму идею возрождения блокового противостояния со странами Запада.

Внутренний режим ресоветизирован. Вся полнота власти собрана в руках несменяемого президента В. Путина и его администрации (включая Совет безопасности). Парламент, партии, в том числе партия власти «Единая Россия», суды,

региональные и местные власти встроены во властную вертикаль и исполняют функции, обслуживающие высшую власть. Система власти унифицирована и строго иерархична. Немногие из уцелевших альтернативных СМИ вскоре после начала военного вторжения в Украину в феврале 2022 года были закрыты («Новая газета», «Эхо Москвы», телеканал «Дождь» и др.), заблокированы тысячи новостных сайтов в интернете. В условиях полного запрета независимых СМИ агрессивная государственная пропаганда обрела информационную монополию, громадную силу и, как и в СССР, круглосуточно промывает мозги народу.

Приняты многочисленные уголовные законы, позволяющие криминализировать практически любую оппозиционную деятельность, публичные высказывания с критикой власти, особенно антивоенные. Структурно и по своим функциям репрессивные законы аналогичны статьям 70 и 190 УК РСФСР 1960 года «Антисоветская агитация и пропаганда» и «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Если конкретнее, приняты новеллы Уголовного кодекса России о «дискредитации армии», о сотрудничестве с «нежелательными организациями», новая версия закона о гражданах и НКО — «иностранцах», новая версия закона о гражданах и НКО — «иностранцах». Новая версия позволяет объявить «агентом» всякое лицо, СМИ или неправительственную организацию, не только получивших любые иностранные деньги, но и «находящихся под иностранным влиянием». Расширены и намеренно размыты составы таких уголовных преступлений, как государственная измена, шпионаж, сотрудничество с «недружественными государствами». Официальный список «недружественных государств» появился в мае 2021 года и по состоянию на июль 2022 года включал 49 стран, в первую очередь, разумеется, США, Канаду и страны ЕС. В списке все страны Запада, а также многие западные союзники.

Политические репрессии быстро расширяются. Не следует забывать и о том, что поправки к Конституции 2020 года поразили в правах миллионы граждан России, имеющих гражданство других стран, вид на жительство или зарубежные банковские счета. Обновленной Конституцией взят курс на самоизоляцию России.

В рамках борьбы с зарубежным влиянием из России изгнаны почти все зарубежные общественные организации и фонды, включая немецкие. В частности, Фонд имени Генриха Белля объявлен «нежелательной организацией», теперь за сотрудничество с ним россиянам грозит уголовное наказание. Запрещена или крайне затруднена работа большинства международных неправительственных организаций.

Атака на Украину привела к быстрому внедрению тоталитарных практик. Приведу в качестве примеров запреты концертов нелояльных исполнителей и увольнение артистов и художников, выступивших против войны. А также изъятие из магазинов книг нелояльных авторов, закрытие «неправильных» театральных спектаклей, принуждение ректоров, директоров, ученых и проч. к подписанию коллективных писем в поддержку нападения на Украину. А также закон о возрождении Всероссийской детско-юношеской организации во главе с Путиным — аналог советской пионерии и комсомола, изъятие из школьных учебников истории упоминаний Киевской Руси и в целом политизация истории, ее активное переписывание в едином пропагандистском ключе, появление в школах заместителей директоров «по воспитанию» — идеологической индоктринации школьников, проведение «патриотических акций» в детских садах и многое другое.

Таким образом, советская (большевистская) модель тесной взаимосвязи идеологизированной внутренней и внешней политики при определяющей роли первой к 2022 году восстановлена.

Выдвинуто коренное положение о несовместимости особой российской цивилизации и цивилизации западной, о превосходстве первой над второй и неизбежном ослаблении, загнивании и разложении Запада. Декларировано и институционализировано новое «враждебное окружение» (понятно, что «гегемонистское») под водительством США. Оно состоит из широкого круга «недружественных государств» и стремится как минимум ослабить Россию, сломить ее волю к самостоятельности и величию. Как максимум — сокрушить, расчленив Россию и отправить ее в историческое небытие.

Россия и враждебные государства рассматриваются как находящиеся в состоянии системной конфронтации, не сводящейся к вопросам безопасности, борьбы за сферы влияния и защиты национальных интересов (как по инерции продолжают думать многие международники-реалисты), но основанной на более глубоком фундаменте культурных и цивилизационных различий. Российская культура и цивилизация постулируются как более совершенные и морально здоровые. Они противостоят смертоносному «гниению», стремящемуся проникнуть с увядающего Запада. В силу всех обстоятельств никакие, даже крупные, договоренности в области безопасности и международной политики не способны снять системные противоречия столкнувшихся цивилизаций и культур. Антагонизм имеет принципиальный и бессрочный характер, развиваясь в безжалостной логике «кто кого».

Чтобы одержать верх в экзистенциальной борьбе, Россия вынуждена решать три взаимосвязанные задачи, не имеющие ни начала, ни конца во времени и пространстве: а) наращивать военную мощь и всегда быть готовой к большой войне; б) расширять влияние в приграничье и во всем мире, искать повсюду друзей и союзников для ослабления Запада и подрыва его глобального потенциала; в) проводить подрывную работу внутри самого Запада, используя его просчеты, противоречия

и слабости для дискредитации, разобщения и дестабилизации системного противника.

В ресоветизированной картине мира Россия опять рискует оказаться во враждебном окружении и стать «осажденной крепостью». Вековой противник богат, коварен, хитер и могущественен. Он все ближе придвигает свои до зубов вооруженные легионы к древним стенам священной российской цитадели. Внутри крепости у него полно скрытых поклонников и прямых агентов. Одна лишь жесткая власть во главе с сильным и решительным лидером в состоянии защитить и спасти Россию от угрозы извне, от измены внутри. Необходимо принять все возможные, притом срочные и чрезвычайные, меры по укреплению власти, вооружению крепости, выявлению и пресечению деятельности внутренних врагов, пятой колонны, «агентов влияния». Бессрочная внешняя угроза, исходящая от вражеского окружения недружественных стран, делает бессрочную диктатуру сильного лидера единственно обоснованным решением для защиты страны от военного поражения, морального разложения и физического исчезновения.

Действительно ли внешнеполитическое поведение России непредсказуемо? Подход Дж. Кеннана при выявлении внутренних причин и истоков российского внешнеполитического поведения позволяет удовлетворительным образом объяснить российские внешнеполитические решения и шаги. Включая многое из того, что наблюдатели нередко рассматривают как странности или своего рода девиантное поведение, с разумной (реалистической) точки зрения очевидно вредящее самой России. Странности не являются странными, а девиации выступают как нормальное российское поведение, если верно понимать их внутренние предпосылки. Приведу пару характерных примеров.

Первый. Легендарная обидчивость России. Известно, что Россия скрупулезно и даже маниакально отыскивает повсюду

мельчайшие обиды и раздувает на этой почве несусветные оглушительные скандалы. Что чаще всего вредит ей самой — партнеры пугаются, дистанцируются от скандалиста, ослабляют нормальное рабочее взаимодействие. Истерики рушат доверие и плодят недовольных.

Гипераллергенные реакции Москвы очевидным образом наносят России урон. Как же в таком случае объяснить их систематическое повторение?

Обычно подобные иррациональные и самовредящие реакции Москвы относят к извечной российской озабоченности статусом и престижем и/или стремлением так сильно запутать и затерроризировать партнеров, чтобы они всегда и заранее панически боялись обостренной реакции «страшной, непредсказуемой России» на всякое действие или даже слово.

Такие объяснения недостаточны. Глубинная причина сверхобидчивости и сверхскандальности заключена, если применить подход Кеннана, в руководящих идеях и политических интересах правящих в Москве групп. Великодержавная и мессианская идеология требует ежеминутного всеобщего внешнего признания величия и исключительности России. По этой причине она истерически воспринимает отсутствие такового признания, а уж тем более любое отрицание величия и уникальности великой державы. Для правящих же групп всякая реальная или мнимая (а таких большинство) «обида» — важный инструмент пропаганды, ее ничем не заменимое топливо, необходимое прежде всего для поддержания и эскалации основополагающего мифа о системном противостоянии России и Запада, окружении России недружественными, русофобскими, вражескими государствами. Мифа, оправдывающего диктатуру внутри России, милитаризацию, засилье спецслужб, состояние несвободы, нужной для защиты и спасения страны от обидчиков.

Второй, противоположный пример. Эпоха перестройки, гласности и нового политического мышления Михаила

Горбачева труднообъяснима с позиций реализма¹⁹. Почему Советский Союз вдруг отказался от «доктрины Брежнева» и «отпустил на волю» народы Центральной и Восточной Европы? Зачем Горбачев и его политбюро шли на «односторонние уступки» по вопросам сокращения стратегических и обычных вооружений и по другим стратегически важным темам? Почему руководство КПСС добровольно отказалось от монополии на власть и отвергло большевистскую политику террора в отношении собственного народа и политических оппонентов? Почему Горбачев не применил силу против национальных сепаратистских движений, похоронивших в итоге советскую империю?

В отношении Горбачева и его поразительной внутренней и внешней политики обычно приводят два объяснения.

Во-первых, ослабление диктатуры большевиков и крах их имперского государства выводят из сугубо материального фактора — торможения, а потом коллапса крайне неэффективной советской плановой экономики в начале и середине 1980-х годов. Экономика рухнула на фоне резкого снижения нефтяных цен, непосильного для экономики СССР нового витка гонки вооружений и непомерного имперского перенапряжения, включая расходы на неудачную и расточительную войну в Афганистане. Резкое ослабление СССР и сокращение его потенциала заставило руководство Советского Союза панически отступать на мировой арене, бросая зоны своего влияния, оставляя союзников и пасуя (делая уступки) перед лицом наступающего противника — Запада.

Во-вторых, бесхитростно и прямолинейно постулируется якобы персональная слабость Горбачева как политика и государственного деятеля. Сократившиеся ресурсы принудили СССР отказаться от глобального противостояния с Западом, а личная слабость, метания, отсутствие ясной стратегии довели Горбачева до потери власти, страну — до распада.

Важное значение первого фактора не вызывает сомнений, о втором можно долго дискутировать. (Лично я не согласен и нахожу лидерские качества Горбачева экстраординарными.) Однако подобные объяснения созданы постфактум и не дают ответа на ключевые вопросы. Могла ли история пойти иным путем, если бы на месте Горбачева оказался другой советский лидер? Почему в мир вошли революционные идеи перестройки и нового политического мышления, изменившие не только Советский Союз, но и весь мир?

История могла быть другой. СССР испытывал трудности серьезные, но не катастрофические. Мифология глобального противостояния с миром капитализма и полный контроль КПСС и КГБ над страной позволяли системе существовать еще неопределенно долго (примеры тому Куба и Северная Корея, где коммунисты по-прежнему находятся у власти, несмотря на многолетние чудовищные экономические проблемы).

Все решил революционный *комплекс идей*, которые принесли в главный кабинет на Старой площади Михаил Горбачев и его сотрудники (первенство среди них принадлежит Александру Яковлеву). А также *общее состояние страны и политические интересы правящей горбачевской команды*. Горбачев и его соратники стремились к легитимации и упрочению своей власти, утверждая новую руководящую советскую идеологию. Горбачевская идеологическая революция стала четвертой и последней в истории СССР в рамках советского проекта. Три предыдущих — ленинский НЭП начала 1920-х годов, сталинская теория построения социализма в одной отдельно взятой стране в условиях враждебного капиталистического окружения конца 1920-х, теория мирного сосуществования и ускоренная программа строительства коммунизма в СССР Никиты Хрущева в 1950–1960-е годы.

Горбачев не был антисоветчиком. Напротив, он предложил амбициозную программу быстрого вывода СССР из

трудностей под популярными лозунгами экономического «ускорения», возвращения к «подлинному Ленину» и передачи всей власти Советам. Эти лозунги вкупе с обаянием и демократичностью Горбачева сделали его на время необыкновенно популярным, любимым в народе политиком. Отказ от гонки вооружений и контроля над востоком Европы, договоры по сокращению стратегических и обычных вооружений также были направлены на укрепление силы и престижа СССР, повышение благосостояния советских граждан за счет смелого снижения издержек имперского перенапряжения. Крутая смена идеологии и стратегии развития в рамках и во имя сохранения советской системы нужна была Горбачеву и для победы во внутрипартийной борьбе — так ему удалось в короткие сроки полностью обновить высшее руководство КПСС и СССР и укрепить свой контроль над ними.

Горбачев развил и двинул вперед прежние советские идеи о мирном сосуществовании двух систем и о разрядке международной напряженности. Он пошел неизмеримо дальше Хрущева, во многом следуя идеям Андрея Сахарова о конвергенции социализма и капитализма. Горбачевская программа внутренних и внешних преобразований была созвучна сахаровской²⁰. Горбачев был приверженцем представлений о величии и уникальности Советского Союза, неоспоримых преимуществах советской общественной модели перед капиталистической. Он видел будущее мира как гармонию двух отказавшихся от системного противостояния принципиально различных, но равно великих систем — демократического социализма и демократического капитализма.

Экономические трудности СССР, личные ошибки Горбачева и его команды по-прежнему сохраняют значение при анализе причин крутого внутривосточного и внешнеполитического разворота СССР в середине и второй половине 1980-х годов и его последствий. Но все же правильным объяснением «чуда

перестройки» является решающее значение идейно-политической революции, совершенной Горбачевым, а также стратегия Горбачева-политика и его команды по укреплению и удержанию власти. И в этом случае метод Кеннана дает более точное и глубокое понимание сути событий.

Ограничусь пока этими примерами. В дальнейшем, рассматривая более подробно траекторию постсоветской российской внешней политики, формирование господствующих внешнеполитических нарративов и изменений в них, я выявлю причины прочих крупных поворотов внешней политики Москвы. Здесь я только еще раз укажу на действенность кеннановского теоретического подхода, позволяющего установить решающую связь между господствующими в стране идеями, общим состоянием дел, интересами и планами высшего политического руководства и внешнеполитическим поведением государства.

Подытожу свои размышления о теоретическом подходе к анализу истоков российского внешнеполитического поведения. Добавлю, что выявленная Дж. Кеннаном определяющая роль руководящей идеологии в сочетании с внутренними условиями и интересами правящих групп в формировании характера и направленности внутренней и внешней политики присуща далеко не только России.

Реалистические школы изучения международных отношений обычно исходят из представлений о том, что международные отношения движутся по своим объективным законам, не зависящим или незначительно зависящим от внутренней политики государств или тем более идеологий. Что международные отношения всецело определяются балансом сил, постоянными и неизменными национальными интересами государств, которые, в свою очередь, замкнуты на поисках гарантий безопасности. Что, наконец, внешняя политика государств доминирована структурой международной системы и движется неизменными однородными интересами государств вне

зависимости от их внутреннего устройства. Однако реалисты нередко испытывают немалые сложности при объяснении феноменов современности²¹.

Из свежих примеров подобных затруднений приведу неожиданный и крайне неприятный для ЕС консервативный и авторитарный откат Венгрии, ее евроскептическое и антилиберальное скольжение под руководством партии В. Орбана. Схожие процессы в последние годы наблюдаются в Польше под управлением партии «Право и справедливость» (ПиС). Родственные явления — коррупция, подъем этнического национализма, изоляционизма и ксенофобии, махинации на выборах, напряженность по ряду принципиальных вопросов внутри ЕС и проч. — так или иначе проявляют себя в большинстве посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы²². Оставаясь на позициях реализма, не представляется возможным убедительно объяснить, почему различные страны в схожих обстоятельствах (даже будучи включенными в рамки сильных и сплоченных военно-политических и интеграционных структур), взявшие на себя обязательства, в том числе юридические, разделять общие ценности, следовать общим правилам, соблюдать общее законодательство (в частности, в рамках НАТО, Европейского союза и Совета Европы), ведут себя или подобно друг другу, или по-разному. Нередко они поступают иррационально и даже деструктивно. Почему британцы вдруг проголосовали за невыгодный им экономически и внешнеполитически Брекзит? Почему Германия при всей своей бесспорно возвышающейся мощи внутри ЕС всячески избегает конвертации совокупной силы в расширение политической и иной власти в Европейском союзе? Лучше всего поведение Венгрии, Польши, Великобритании, Германии и др. можно объяснить, прибегнув к изучению национальной идентичности, идеологии правящих партий и стратегии последних по удержанию власти.

Или еще: почему на другом конце света могучий Китай все еще продолжает вести себя благоразумно и сдержанно, удерживая под контролем свои громадные силы и возможные скрытые глобальные амбиции? Не потому ли, что в Пекине преобладающей *идеологией* остаются *идеи* Дэн Сяопина о приоритете экономической и социальной модернизации перед достижениями во внешней политике, а компартия следует прежней стратегии сохранения у власти за счет ежедневной демонстрации экономического подъема, а не бряцания оружием в Тихом океане?

Точно так же плохо объяснимы в рамках реалистической парадигмы мирный и внезапный распад СССР, радикальный разрыв М. С. Горбачева с политикой блокового и идеологического противостояния с Западом, выдвижение *идей* «общечеловеческих ценностей», «общеевропейского дома», нового политического мышления, завершение советским руководством холодной войны. Как и неоднократные резкие перемены в российской внешней политике последних тридцати лет, порой напоминающие движение качелей (курс на тесное партнерство с Западом внезапно сменяется кризисом в отношениях, затем снова случаются нормализация, кризис, потепление, кризис — и так неоднократно).

Нелегко постичь с реалистической точки зрения сближение вот уже на протяжении тридцати пяти лет России и Китая. Притом что «объективно» (с позиций реализма) обе эти поднимающиеся после краха коммунизма (в Китае — радикального коммунизма модели Мао) великие ядерные державы должны были бы все более ожесточенно соперничать друг с другом и бороться за влияние и господство в Евразии. Тем более беря во внимание их обширное и потенциально конфликтное общее соседство в Центральной (Средней) Азии.

Выход из многочисленных сложностей подобного рода видится во включении в наши аналитические инструменты при

исследовании истоков внешнеполитического поведения государств кеннановской посылки о решающем значении внутриполитической динамики, господствующего дискурса и нарративов, особенностей национальной идентичности, а также специфики мировоззрения, мышления и поведения лидеров и правящих групп, их основных политических интересов и стратегий удержания власти. Именно так, на мой взгляд, можно приблизиться к лучшему пониманию, объяснению, теоретизации и прогнозированию внешнеполитического поведения государств.

Глава 5

Краткий обзор основных этапов российской внешней политики, причин изменений ее поведения

Внешняя политика СССР эпохи перестройки, новой России в 1990-е годы, а затем путинская внешняя политика определялись, во-первых, господствующими в элитах и обществе идеями и их видоизменениями, во-вторых, общим состоянием страны и политическими интересами ее руководства.

Комплекс руководящих идей, обеспечивающих направленность и динамику внутренней и внешней политики, претерпел за период с 1985 года громадные изменения. Однако ядро национальной идентичности, наследующей советскую, а скорее всего, и более ранние слои культуры, в основном сохранилось, перенеся все испытания. Можно сказать, что социал-демократические наслоения горбачевской перестройки и либерально-демократические идейные покровы 90-х годов были сметены ветром истории в 2000-е, обнажив на удивление прочные скальные породы основополагающей великодержавной российской политической культуры и государственности.

Социал-демократические реформы М. Горбачева и либерал-демократические преобразования Б. Ельцина неизменно наталкивались на громадное непонимание и сопротивление политической оппозиции, нереформированного госаппарата, силовых структур и значительной части народа. Противники модернизации обращались к старым идеям и традиционной идентичности, сумев в конечном итоге одержать верх. Их идейными и политическими вождями в 2000-е годы выступили в итоге Владимир Путин и его группа.

Содержанием демодернизационного отката стала ресоветизация России. Формой — восстановление идеологизированной диктатуры, претендующей на глобальную великодержавную роль. Цель правящих групп — бессрочное господство над Россией. Этой основной цели служит довлеющий внутриполитический и внешнеполитический нарратив о системном противостоянии России и Запада, их несовместимости, кольце внешних врагов, врагах снаружи и внутри, для борьбы с которыми необходима сильная власть (диктатура). Господствующие нарративы воспроизводятся прежде всего самими властями, подхватываются и концептуализируются зависимым экспертным сообществом, внедряются в общественное сознание государственной пропагандой и системой образования. Внешнеполитические акции и в целом внешняя политика направляются руководящей идеологией, используются для закрепления довлеющих нарративов и внутриполитического употребления властями.

Как отмечалось ранее, ядро российской внешнеполитической идентичности включает пять идей/убеждений: великодержавие, превосходящую других исключительность, универсализм, особые права на постимперских территориях, особую модель/особый путь России. При глубочайших изменениях официального внутриполитического и внешнеполитического дискурса за тридцать лет новой

государственности великодержавное идейное ядро уцелело. Его аксиоматическая сила, как якорь, удерживала Россию от глубоких внутренних реформ, интеграции с Западом, способствовала ресоветизации и привела Россию туда, где она оказалась. В том числе к полномасштабной военной атаке на Украину 24 февраля 2022 года.

Проиллюстрирую все это в кратком обзоре эволюции российской внешней политики и господствующих внешнеполитических нарративов последних тридцати пяти лет. Во второй части очерка рассмотрю тему детальнее.

Внешняя политика России от эпохи перестройки до наших дней пережила ряд различных этапов. Каждый из них характеризовался своеобразной оценкой международной обстановки, угроз и возможностей для России. На каждом этапе государство преследовало отличные друг от друга основные цели. Каждый этап сопровождался особым набором обоснований и основных понятий, специфическими нарративами. При этом сохранялась преемственность ядра советской/российской идентичности, что придавало российскому поведению в мире цельность при всех изменениях, даже самых ярких. В этой части ограничусь сравнительно кратким определением специфики каждого этапа, основными составляющими доминирующего официального дискурса и ведущими причинами (следуя подходу Кеннана), вызвавшими то или иное российское внешнеполитическое поведение в конкретной исторической ситуации.

***Первый этап.** Последняя советская эпоха. Перестройка и новое политическое мышление Михаила Горбачева. Окончание холодной войны, роспуск восточного блока, распад СССР (1985–1991 гг.).*

Начну с эпохи перестройки, так как российская внутренняя и внешняя политика берут начало в том исключительном времени.

М. Горбачев пришел к власти в КПСС и стране в марте 1985 года. Им двигало прежде всего осознание глубокого кризиса и исторического тупика, в котором оказался к тому времени Советский Союз. Ответом нового генерального секретаря Коммунистической партии на вызовы стало выдвижение революционных идей по глубокому и всестороннему реформированию политической системы, общества и экономики СССР, советской внешней политики. Цели и задачи перестройки и нового политического мышления — ускорение развития СССР, рост благосостояния народа, укрепление советской мощи и международного престижа, необходимый для этого отказ от непосильных военных расходов и их сокращение, урезание поддержки промосковских режимов в Восточной Европе и во всем мире.

Идеи и основанные на них действия Горбачева и его команды за несколько лет кардинально изменили СССР и международную систему. Холодная война была завершена прежде всего перестроечной Москвой. Десятки народов и стран обрели суверенитет и свободу. Стартовал процесс радикального сокращения вооружений и вооруженных сил. Была снята угроза ядерной войны. Что касается политических интересов нового советского руководства, то своими радикальными решениями Горбачев планировал высвободить громадные ресурсы для задач внутреннего развития и тем самым укрепить собственную власть и популярность в советском обществе.

Доминирующий официальный дискурс эпохи перестройки — демократизация, пацифизм, гуманизм, антисталинизм, гласность, отказ от идеологического противостояния, разоружение во имя мира, стабильности и развития, глобальная ответственность всех государств за судьбы мира, сотрудничество на основе общечеловеческих ценностей. В Европе — строительство «общеевропейского дома», отказ от устаревших блоковых структур безопасности. СССР — великая

социалистическая, демократическая и миролюбивая держава, сохраняющая и развивающая собственную модель развития и одновременно готовая служить общемировому благу на условиях взаимного уважения и доверия, сотрудничества и невмешательства государств во внутренние дела друг друга.

Второй этап. *Новая демократическая Россия — неотъемлемая часть и союзник сообщества ведущих демократических государств (1992–1996 гг.).*

Первый президент России Борис Ельцин обрел полноту власти после августовского 1991 года путча ГКЧП в Москве. По его инициативе в декабре 1991 года был распущен СССР (т.н. Беловежскими соглашениями России, Украины и Беларуси). Б. Ельцин противостоял союзному центру во главе с М. Горбачевым как политик с более радикальной программой преобразований. Он получил массовую поддержку в России благодаря лозунгам полного разрыва с обанкротившимся коммунистическим и советским наследием, радикальной демократизации и построения рыночной экономики, строительства национального Российского государства, решительно покинувшего обременительную для России советскую империю.

Идеология радикальных демократических и рыночных реформ определила внешнюю политику Москвы первой половины 1990-х годов. Курс на самое тесное сотрудничество с США и Западом в целом как необходимое условие для успешности реформ. Декларация общих с Западом ценностей демократии, свободы и прав человека, союзнических отношений с США и Западом. Внешняя политика в первую очередь ориентировалась на поиск внешних ресурсов для стабилизации и модернизации экономики, поиск инвестиций и инвесторов, скорейшее вступление России в ведущие международные организации и институты (МВФ, Совет Европы, Всемирный банк, «Большая семерка» и др.). Основным дискурсом того периода: Россия навсегда отказалась от коммунизма,

ненужного бремени советской империи, встала на путь радикальных реформ. Россия строит демократическое правовое государство европейского типа. Решительно созидает открытую рыночную экономику, которая обеспечит изобилие и рост уровня жизни. Россия делает все это в тесном союзе с самыми передовыми демократическими странами мира и стремится вскоре стать одной из них. В то же время Россия остается одной из двух великих ядерных держав с правом вето в Совете Безопасности ООН, играет особую роль в мире и несет особую ответственность за постсоветское пространство. Великодержавный статус России подчеркивают особые отношения с другой великой державой — США, выражающиеся среди прочего в частых регулярных саммитах двух президентов. Прекращение существования великой державы СССР не означает отказа России от статуса великой державы. Напротив, дает импульс утверждению великодержавного статуса России на новой основе — национальной и демократической.

Третий этап. Многополярный демократический мир, Россия как один из его полюсов (1996–1999 гг.).

Идеология и внутренняя политика Б. Ельцина и его администрации начали серьезно меняться уже в 1993 году. Осенью того года острое противостояние с депутатами Съезда народных депутатов России завершилось указом президента о роспуске парламента. Несогласных парламентариев, оставшихся в здании Белого дома в Москве, обстреляли из танков, лидеров оппозиции ненадолго арестовали. В декабре 1993 года принята новая Конституция. Она готовилась, редактировалась в Кремле и учредила режим суперпрезидентской республики. Вопреки политической победе Ельцина над парламентом, триумфаторами на первых выборах в новый парламент — Государственную думу (декабрь 1993 года) — оказались не либеральные реформаторы Е. Гайдара, а коммунисты Г. Зюганова с программой реставрации СССР и радикальные националисты-имперцы

В. Жириновского с обещаниями реставрации империи и защиты русских. В декабре 1994 года Ельцин отдал приказ о начале военной операции против мятежной Чечни. Ельцин быстро терял поддержку в стране и в стремлении сохранить власть принялся менять внутреннюю и экономическую политику на более авторитарную и дирижистскую. Руководящая идеология сдвинулась в сторону державности, централизации (чеченская война играла в этом идеологическом повороте важную роль), дистанцирования от западных партнеров. Это привело к серьезным изменениям во внешней политике.

В январе 1996 года новым министром иностранных дел был назначен Е. М. Примаков, вместе с Ельциным осуществивший поворот к новой внешней политике. Москва отказалась от идеи полной интеграции с Западом и провозгласила целью построение многополярного мира и признание России как великой державы одним из полюсов этого мира. Москва стала резко оппонировать Западу по ряду вопросов (прежде всего по событиям в Югославии и планам расширения НАТО). Внешняя политика приобрела многовекторный характер. Внешнеполитический разворот помог стабилизировать политический режим Б. Ельцина, и летом 1996 года он был переизбран президентом на второй срок.

Возникшая двойственность внешней политики — активное сотрудничество с Западом и США и одновременно последовательное оппонирование им — сохранялась вплоть до 2014 года. Основной внешнеполитический дискурс второй половины 1990-х годов: Россия — великая держава; она продолжает рыночные и демократические реформы, но так, как сама их понимает; Россия готова и хочет тесного сотрудничества с США и Европой, однако требует уважения ее особенностей внутри и законных интересов вовне; Россия — глобальная держава и имеет друзей и интересы во всех частях мира, Россия поддерживает формирование многополярного мира и проводит

многовекторную внешнюю политику. В отношениях с Европой Россия выступает за бóльшую политическую самостоятельность Европейского союза, экономическую и технологическую взаимодополняемость Европы и России. Политически более самостоятельная Европа должна предоставить России технологии и знания, Россия Европе — природные ресурсы, большой рынок и таланты народа. Так усилятся обе стороны. При этом Европа не вправе излишне настойчиво навязывать России свои представления о внутреннем развитии.

Четвертый этап. *Россия — великая держава, готовая к «большой сделке» с Западом (2000–2004 гг.).*

Весной 2000 года вторым президентом России избирается В. Путин, предложенный на этот пост Б. Ельциным. Путин приобретает огромную популярность в России благодаря решительной борьбе с терроризмом на Кавказе и начавшемуся быстрому экономическому росту. Его программа — восстановление сильного государства (в форме вертикали власти и «диктатуры закона»), быстрое развитие рыночной экономики и рост благосостояния граждан (экономическая модернизация), активная защита суверенитета и национальных интересов страны в международной системе. В соответствии с этими идеями корректируется внешняя политика Москвы.

Россия официально провозглашается великой державой, отвергает идею политической интеграции с Западом. Страна объявляется евроазиатской державой с глобальными амбициями и интересами. Одновременно происходит прагматическое сближение с США вокруг общей задачи борьбы с терроризмом (после событий 11 сентября 2001 года) и с ЕС для целей модернизации экономики. Россия готова на самое тесное сотрудничество с Западом по двум вопросам: экономического и технологического сотрудничества и создания совместной системы безопасности. Но при условии невмешательства в ее внутренние дела, учета ее жизненных интересов

в энергетической сфере и на постсоветском пространстве, отказа от акцента на общих ценностях (прежде всего демократии и правах человека).

Суть «большой сделки» (Д. Тренин) с Западом, как она виделась из Москвы: сближение с Западом и даже секторальная интеграция с ним в области экономики, инвестиций, технологий, науки, даже образования, культуры и юстиции, совместная система безопасности. При этом взаимный согласованный отказ от сближения политических систем (демократия и права человека), от критики внутренней политики Кремля и вмешательства во внутренние дела России, учет интересов Москвы на постсоветском пространстве. Более того: «Россия была готова согласиться с мировым лидерством США в обмен на статус одного из главных союзников Вашингтона, наделенного особой ответственностью (читай: гегемонией) на постсоветском пространстве»²³. Казалось, если Запад может о чем-то подобном столкнуться с Китаем или Саудовской Аравией, то почему не с Россией? Такие идеи и намерения объясняют, в частности, странный с точки зрения реализма факт, что вторая волна расширения НАТО в 2002–2004 годах почти не встретила резкого отпора из Москвы. Все это вместе определялось как деидеологизированный прагматизм.

Ведущий дискурс того времени: Россия быстро набирает мощь, «встает с колен», преодолевает «хаос 90-х», государство крепнет, экономика находится на подъеме, возводится вертикаль власти; сепаратизм и терроризм на Кавказе разгромлены; Россия вновь встала вровень с США как великая держава; она готова тесно сотрудничать с Западом и помогать ему в трудных ситуациях, но взамен требует уважения своего статуса, суверенитета, жизненных интересов в экономике и на постсоветском пространстве, невмешательства во внутренние дела.

***Пятый этап.** Россия — великая самостоятельная держава, отвергающая американоцентричный и западноцентричный миропорядок. Ревизионизм возвышающейся Москвы (2004–2008 гг.).*

К 2004 году В. Путин в основном завершил консолидацию своей власти. Заменял ельцинскую реформаторскую команду на собственную, в основе своей силовую, установил контроль над правительством, силовыми структурами и регионами, основными федеральными СМИ, сформировал доминантную «партию власти» «Единая Россия» и с ее помощью завладел подавляющим большинством в парламенте, а значит, и законодательным процессом. В марте 2004 года Путин переизбран на второй президентский срок с поддержкой 71% голосов избирателей. Это годы быстрого и уверенного экономического роста, роста благосостояния россиян, улучшения качества их жизни.

25 октября 2003 года силовики арестовали совладельца крупнейшей частной нефтяной компании «ЮКОС» М. Ходорковского. Вскоре он был осужден за «экономические преступления» и провел в заключении 10 лет. ЮКОС национализировали и включили в состав государственной компании «Роснефть». Часть высшей элиты выступила против гонений на Ходорковского и национализации ЮКОСа, после чего премьер-министр реформатор М. Касьянов лишился своего поста.

«Дело ЮКОСа» ознаменовало крупный поворот во внутренней политике с далеко идущими последствиями. Кремль взял курс на сильное авторитарное государство с необходимым для этого подавлением альтернативных политических сил (партий, региональных элит, олигархов). Администрация Путина окончательно отказалась от построения европейского демократического конституционного государства. Расширились практики политических преследований оппонентов, противодействие, вплоть до запрета участия оппонентов в качестве кандидатов на выборах, фальсификации выборов, передел

собственности от нелояльных собственников к лояльным. В экономике наметился поворот к монополистическому госкапитализму.

Новая руководящая идеология строилась вокруг концепции «суверенной демократии». В ее основе отказ от западной модели общества и государства, обоснование особой модели и особого пути России, персоналистской власти. Новая идеологическая основа режима, политика правящей группы по укреплению власти авторитарными методами привели к крупным изменениям во внешней политике. Отношения с Западом приобретали все более конфликтный характер.

После ужасного теракта в школе Беслана в начале сентября 2004 года Путин отменил выборы в Государственную думу губернаторов и депутатов по одномандатным округам. В обращении к нации 4 сентября 2004 года президент обвинил третьи страны в поддержке террористов в России, в том, что они стремятся «оторвать кусок пожирнее», ослабить Россию. «А слабых — бьют. <...> Это нападение на нашу страну», — драматически заключил Путин²⁴.

Весной 2003 года западная коалиция во главе с США вторглась в Ирак, добившись поражения режима С. Хусейна и его свержения. Осенью того же года случилась «революция роз» в Грузии, приведшая к власти прозападного политика М. Саакашвили. А в декабре 2003 года президентские выборы в Украине проиграл В. Янукович, кандидат, поддержанный Путиным; верх взял считавшийся прозападным В. Ющенко. На фоне острой западной критики «дела ЮКОСа», нарушений прав человека и авторитарных тенденций в России Кремль усмотрел во всех этих событиях не только курс США и Запада на вторжение в зону традиционных российских интересов — постсоветское пространство и Ближний Восток, но и опасность подготовки цветной революции в самой России, непосредственную политическую угрозу для самого В. Путина и его группы.

Идеология «суверенной демократии» включила в себя темы внешней угрозы, недружественного западного поведения и окружения, защиты особой модели и особого пути России, принятия масштабных мер по повышению обороноспособности России, более активной защиты ее безопасности — внешней и внутренней.

Квинтэссенция содержания этапа, обозначившего наметившийся поворот российской внешней политики от двойственности в отношениях с Западом (партнерство и соперничество) к противостоянию, содержалась в широко известном выступлении В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности 10 февраля 2007 года²⁵. Мюнхенскую речь многие в тот же день небезосновательно расценили как начало новой холодной войны между Россией и Западом. Путин обрушился на однополярную модель мира во главе с США, незаконные односторонние действия, в том числе силовые, Америки и ее союзников. Потребовал, чтобы военные акции в мире проводились только с санкции Совбеза ООН, где у России право вето. Дал понять, что Кремль самостоятельно будет решать, какого рода внутреннюю политику проводить, не допустит вмешательства извне, включая финансирование из-за рубежа российских НКО.

Нарративы этого переломного для России этапа строились вокруг ключевых тем построения и защиты от угроз «суверенной демократии» изнутри и извне; борьбы с терроризмом, в т.ч. поддерживаемым извне; дальнейшего укрепления власти и государства; мобилизации и сплочения народа; констатации процессов ослабления Запада и подъема России и восточных гигантов; России как «энергетической сверхдержавы»; неприемлемости и опасности расширения НАТО и приближения натовских сил и средств к границам России; обороны от внешнего вмешательства и «национализации элит».

Данный этап стал для российского внутреннего развития и внешней политики переломным. Внутри завершилось

формирование авторитарного персоналистского режима. Вовне — вплотную приблизился политический разрыв с Западом, была сделана заявка на ревизию международного порядка, сложившегося после окончания холодной войны и распада СССР, на пересмотр положения и роли в этом порядке России и других крупных незападных держав.

Шестой этап. Президентство Д. Медведева. Ограниченная модернизация и неудача «перезагрузки» отношений с Западом (2008–2012 гг.).

С мая 2008 по май 2012 года третьим президентом России являлся Д. Медведев, близкий соратник Путина, им же выдвинутый на высший пост и активно поддержанный. Рассматриваемое четырехлетие не поменяло общего вектора на ресоветизацию России, однако несколько замедлило темпы демодернизации и привнесло новые акценты в политику и риторику Москвы. Реальная власть сохранялась в руках В. Путина, взявшего себе второй по значимости пост премьер-министра. Возник необычный для России властный тандем Медведев — Путин. В его рамках Д. Медведев получил некоторую автономию в вопросах внешней политики и безопасности, что отразилось на внешнеполитическом курсе государства.

Идеология медведевского президентства отличалась своеобразием. Приоритетом его администрации стала «модернизация России». Громко прозвучала фраза нового главы государства: «Свобода лучше, чем несвобода». В список первоочередных задач попали четыре «и»: развитие институтов, инфраструктуры, инноваций, инвестиций. Медведев стремился к технологическому развитию страны, огромные усилия государства направлялись на развитие интернета и цифровизацию услуг.

Модернизация понималась Медведевым как преимущественно экономическая и технологическая, но не социально-политическая. Даже столь узкая трактовка модернизации потребовала нормализации отношений с Западом, что было

отчасти достигнуто. Медведев указывал на необходимость тесного сотрудничества с Западом и активного включения России в мировые политические и экономические процессы. При этом неизменно подчеркивал статус России как самостоятельной великой державы, твердое отстаивание национальных интересов. Д. Медведев официально заявил о наличии у России «привилегированных интересов» в регионах традиционных связей, давних исторических отношений (речь шла о постсоветском пространстве и не только).

Корректировка великодержавной идеологии кремлевского руководства, некоторое смягчение внутреннего режима и ослабление внешнеполитической напористости принесли практические результаты. В отношениях с США по инициативе Вашингтона была объявлена «перезагрузка». Был подписан новый Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений. Улучшились отношения с Украиной. С Европейским союзом согласовали «Партнерство для модернизации», оставшееся, правда, на бумаге. В целом идеология правящих кругов была прежней — великодержавной и авторитарной.

Официальный дискурс медведевского президентства выглядел так: молодой энергичный президент стремится к ускоренному экономическому и технологическому развитию России на основе технократической эффективности. Он развивает современные институты, инфраструктуру, инновации, привлекает инвестиции. Ему по душе свобода (частная, но не политическая) и неформальный стиль в политике. Президенту удалось быстро к славе России купировать кризис на Кавказе (пятидневная война с Грузией 2008 года). Договориться с американцами о сокращении стратегических вооружений и с европейцами о совместной программе модернизации. Оказалось под силу отразить и преодолеть даже глобальный финансовый и экономический кризис 2008–2009 годов. Медведев — удачный лидер модернизации. Россия под его руководством

подтверждает статус великой державы и не отдает никому ни пяди своих интересов.

***Седьмой этап.** Системная конфронтация с Западом. «Поворот на Восток» и активность на постсоветском пространстве. Внешняя экспансия. Реваншизм Москвы (2012 г. — настоящее время).*

Осенью 2011 года В. Путин объявил о решении вернуться в Кремль в качестве президента. Произошла «рокировка» двух лидеров (Медведев после переизбрания Путина занял пост премьер-министра). В конце 2011-го — начале 2012 года в Москве и по всей стране прокатились самые массовые в новом веке акции протеста против фальсификаций на думских выборах и путинско-медведевской «рокировки». Протесты были вызваны ростом общественного недовольства экономической стагнацией (после резкого падения в 2009 году экономика практически перестала расти) и перспективой возвращения в Кремль лидера, от которого устали. В конце 2011 года доверие к Путину достигло минимума за все годы его пребывания у власти.

Протесты интерпретировались Кремлем как организованные и поддержанные из-за рубежа в рамках американской политики «распространения демократии», поддержки цветных революций и «смены режимов». Ответ Путина — дальнейшее ужесточение внутреннего режима и переход к системной конфронтации с Западом.

Руководящей идеологией Путина и его администрации после 2012 года стало укрепление государства, мобилизация общества вокруг защиты «традиционных ценностей», милитаризация, антизападничество, сдвиг к автаркии, объединение россиян вокруг власти и идеи величия России, борьба с пятой колонной, защита русских и русской культуры за пределами страны, борьба с «фальсификациями истории», «поворот на Восток» в целях развития зауральской России и создания ассоциации незападных центров силы.

Немедленно были приняты новые репрессивные законы об «иностранных агентах» (НКО, а позднее — СМИ и физических лицах), «нежелательных организациях», цензуре в интернете, упрощенной процедуре закрытия СМИ, «запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» и другие. В 2020 году многочисленные идеологические, запретительные и «моральные» нормы вошли в новую редакцию Конституции.

Попытки упрочить популярность и легитимность обращением к архаическим ценностям и антизападничеству поначалу не дали ожидаемого результата, поддержка В. Путина в 2012–2013 годах продолжала медленно снижаться. В этих условиях и в ответ на драматические события в Киеве на рубеже 2013–2014 годов было принято решение присоединить к России украинский Крым. А также предпринять первую, не вполне удавшуюся попытку поддержать сепаратистов и оторвать от Украины русскоязычную и предположительно (так полагали в Кремле) ориентированную на Россию юго-восточную часть Украины, т.н. Новороссию. Резкие поступки Москвы были вызваны как острым восприятием украинских событий в контексте кремлевских представлений об экспансии Запада в зоны жизненно важных интересов России, включая темы безопасности, так и стремлением укрепить поддержку Путина в стране.

Решения по Крыму и Донбассу в самом деле позволили Путину упрочить свой режим. Популярность президента достигла рекордного уровня. В обществе сформировались «крымский консенсус» и «крымская эйфория» — едва ли не единодушное одобрение действий властей.

В ответ на Крым и Донбасс Запад впервые ввел против Москвы серьезные экономические и технологические санкции, Россия потеряла место в «Большой восьмерке», были заморожены отношения с ЕС и НАТО. Тогда Москва провозгласила стратегический «поворот на Восток» (первые шаги были

сделаны еще в 2012 году) — курс на замещение политических, экономических, технологических, торговых связей с Западом новыми союзами, связями и рынками на востоке и юге — прежде всего в Китае, Индии, Иране. Восточный поворот означал отказ от либерализации и вестернизации Российского государства, выбор азиатского авторитарного типа развития. Сверх того, Путин заметно активизировал усилия по реинтеграции постсоветского пространства. Последнее помогало смягчать экономические трудности и вместе с тем укрепляло поддержку президента в обществе, будучи в глазах россиян проектом восстановления разрушенных связей и российского влияния на «нашей» (в прошлом СССР) территории — «исторической России».

Санкции и острую критику со стороны Запада Путин и его администрация умело использовали для подкрепления возродившегося советского нарратива о безусловном антагонизме России и Запада, западной русофобии, невозможности достижения компромисса.

Реставрационная идеология Кремля окончательно приобретает ресоветизированный вид. Сложился господствующий внешнеполитический нарратив наших дней. Великая Россия, наследующая блеск и мощь СССР и Российской империи, противостоит извечным недругам на Западе, твердо отстаивая суверенитет, исторические и геополитические интересы государства. Россия — носительница особой высокой культуры, подлинных нетленных традиционных ценностей. Запад же находится в историческом упадке и морально деградировал, лелея ложные ценности. Могучая высокодуховная Россия, ориентир и надежда для всего мира, нестерпима для него. Враг, как и в эпоху холодной войны, пытается сдерживать Россию извне и подрывать ее изнутри методами наращивания военной угрозы, окружения, санкций и подпитки внутренней пятой колонны. К счастью, в трудный час само Провидение, что

охотно и дисциплинированно подтвердит РПЦ, даровало России сильного, решительного лидера, наследующего лучшие традиции славного советского и российского прошлого, способного твердой рукой как управлять страной, так и отбросить Запад, отстоять и спасти Родину. Если Запад посмеет сунуться на жизненно важные для России культурно и исторически связанные с ней территории («историческую Россию»), Россия не замедлит жестко ответить, в том числе военным путем. Если потребуют обстоятельства, Россия вправе забрать обратно то, что утратила по причине глупости или предательства прежних горе-руководителей. В своей справедливой борьбе Россия не одинока — плечом к плечу с ней за более справедливый мир стоят многие могущественные и малые государства мира, также не приемлющие западного господства и диктата, выступающие за многополярный мир.

Ресоветизированная идеология определяет внутреннее и внешнее поведение путинской России. От осторожного ревизионизма Кремль перешел к решительному реваншизму, включая готовность силой перекроить постсоветские границы, переделать правила игры в международной политике.

Нападение на Украину 24 февраля 2022 года стало, по-кениановски, с одной стороны, результатом устойчивого комплекса представлений путинской администрации о системном противостоянии с Западом, неудержимом наступлении Запада на Россию, на ее безопасность, жизненные интересы и «исторические права». Наступлении, в котором Украина в наши дни главное поле сражений и наиболее ценный приз. В этой картине мира Россия не нападает, но защищается.

С другой стороны, агрессия стала, как в других подобных случаях, способом найти решение внутренних проблем путинской администрации. Рейтинг поддержки Путина устойчиво падал начиная с середины 2018 года, когда президент принял крайне непопулярное решение о повышении пенсионного

возраста. К апрелю 2020-го одобрение деятельности В. Путина на посту президента сократилось до 59% (с 82% в апреле 2018 года, сразу после избрания на четвертый срок). А неодобрение, напротив, выросло с 20 до 36% — почти вдвое. Падению поддержки способствовали также неприятные ограничения, введенные в период пандемии коронавируса. Путин ответил на неблагоприятную тенденцию резко: внезапными поправками к Конституции, по содержанию антилиберальными, популистскими и нацеленными на ностальгирующую по СССР и крайне консервативную аудиторию, а немного позднее — вторжением в Украину. Рейтинг поддержки Путина после февраля 2022 года (как после грузинского конфликта в 2008 г. и Крыма в 2014 г.) взлетел до почти рекордных показателей. В июле 2022 года доверие президенту высказывали 83% опрошенных, недоверие — 16%²⁶.

Внешняя политика была и продолжает оставаться отражением руководящей идеологии и внутреннего положения страны, а также инструментом обеспечения политических интересов правящих групп.

Заключение к первой части

Идеи, политические интересы и внешняя политика России

Российская внешняя политика прошла путь от тесного взаимовыгодного партнерства и декларирования общих ценностей с демократическим миром к нападению на Украину, системной конфронтации с Западом, разрыву с Европой и ориентации на Восток. Это явилось следствием провала постсоветской модернизации и поэтапной реставрации советского во многих основных чертах государства и общества.

Две решительные попытки перестроить СССР/Россию на принципиально новых демократических началах — перестройка М. Горбачева и радикальные реформы Б. Ельцина — закончились неудачей из-за постоянно нараставшего сопротивления старых элит и значительной части народа, равно приверженных прежнему порядку и страдающих от крутых перемен. Реформаторы не устояли перед лицом крепнущего сопротивления их политике и неудач радикальных преобразований. В результате они или потеряли власть (Горбачев), или поменяли политику (Ельцин). Вполне возможно, что, реализуя Запад тогда, во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х годов, программу масштабной помощи российским реформам (упомянем часто обсуждаемый гипотетический «план Маршалла — 2»), этого бы не случилось. И мир счастливо избежал бы новой конфронтации, большой войны в Европе и возрождения угрозы ядерной катастрофы. Хороший урок на будущее.

Растущее сопротивление изменениям питалось бременем тяжелых реформ и нежеланием большинства в элитах и народе отказываться от привычной, советской в основе, картины мира и привычного образа жизни. Ошибки реформаторов, экономические неурядицы, хаотизация жизни формировали сильные коалиции недовольных и усиливали давление на

реформаторов. Горбачев в начале 1991 года попробовал частично заменить команду преобразователей на консерваторов, Ельцин в декабре 1992 года согласился с отставкой Е. Гайдара и поменял в январе 1996 года А. Козырева на Е. Примакова, возглавившего МИД. Вместе с политическим отступлением реформаторов отступала модернизация. И восставали из пепла советский миф и советский образ жизни.

Даже такие громадные по историческим меркам предприятия, как перестройка и радикальные реформы 1990-х, не сумели всерьез поколебать основы российской политической культуры и идентичности — веру в величие, исключительность и превосходство России, потребность в единоличной сильной власти, готовность безоговорочно подчиняться и служить государству, некритично воспринимать пропаганду, глубокое недоверие к Западу с его либеральной демократией, высокомерное отношение к соседним народам, входившим некогда в Российскую/советскую империю.

По мере того как реформы терпели неудачи, а мощь коалиций их противников превосходила возможности коалиции реформаторов, старые советские идейные и культурные комплексы восстановились и подчинили себе внутреннюю, а вслед за ней и внешнюю политику России. Воскресли основные идеологические установки старого режима преимущественно в знакомых и привычных мифологизированных советских формах. Реставрация старого порядка приняла форму ресоветизации. Ресоветизация мировоззрения элит и общества повлекла за собой ресоветизацию государства, общества и внешних отношений.

Для собственного выживания политические режимы позднесоветской и постсоветской России внимательно прислушались к настроениям в элитах и народе. Данные социологических опросов приобрели в 90-е годы небывалое значение. Политическая заинтересованность в удержании и укреплении

власти вместе с ренессансом советской идеологической картины мира со временем сделала руководство государства самым активным и влиятельным деятелем ресоветизации. Ведь легитимность ресоветизации счастливым образом наделяла политиков неограниченной властью.

Восстановление отношений государства и общества советского типа сформировало авторитарное государство с интенцией перерастания в тоталитарное. Идеологическое место марксизма-ленинизма заняла причудливая компиляция из восславления «всего лучшего в СССР», элементов архаичного православного и этнического национализма и великодержавного империализма сталинско-романовского толка.

Для обоснования авторитарного правления и подавления свобод используется идейный и политический инструментарий СССР. Страна изображается властями как носитель более высокой культуры и морали, чем на Западе, на нее с надеждой глядят многие народы мира, отвергающие гегемонизм Запада, западные ценности и западную общественную модель. Россия становится все более мощной и привлекательной и потому неизбежно сталкивается с враждебным окружением. Враги — коллективный Запад, примирение с которым практически невозможно. «Цель [Запада] прежняя — уничтожить Россию» (Д. Медведев, август 2022 года)²⁷. Запад переживает закономерный исторический и на этот раз окончательный упадок, но все еще смертельно опасен.

На кону, стало быть, стоит не что иное, как само существование России, что оправдывает и делает необходимыми самые жесткие меры по противостоянию Западу вовне и изничтожению оппозиции внутри. Противники власти — агенты враждебных государств и неприятели России. Они должны быть нейтрализованы. Жесткая авторитарная власть, диктатура — вынужденная мера для защиты страны, за которой правда и будущее.

Во внешней политике вернулось представление о бессрочном противостоянии с Западом, подлинное примирение с которым и даже стабильное мирное сосуществование недостижимы. Положение дел требует громадного комплекса усилий и мероприятий официального и неофициального характера. Все они должны преследовать одну цель — ослабление враждебного Запада, разрушение его единства, подрыв его экономики, политических систем и ценностей. По всему миру и в самих западных государствах следует находить противников Запада и западных режимов, помогать им, спланировать в союзы и коалиции, содействовать победе России и ее союзников над гегемонизмом Запада.

Если и возможна временная «большая сделка» с Западом, то только на условиях Москвы. А именно: признание полной свободы рук Кремля во внутренней политике, сфер влияния Москвы на постимперском пространстве, отказ от экономических санкций и создание условий для развития экономики, обязательный учет интересов России в других регионах мира. Тогда два непримиримых лагеря смогут создать предпосылки для более или менее прочного «холодного мира». Но не для подлинного мира, основанного на общих ценностях.

Длинная тень СССР легла на современную Россию, определяя ее мышление и поведение. Ресоветизация пользуется широкой поддержкой населения. Если 35 лет назад основным требованием масс было «Так жить нельзя!» и радикальный отказ от советского застойного проекта, то ныне самое востребованное ожидание противоположное: «Назад в великий, могучий СССР!» Власти целенаправленно возрождают советский тип отношений государства и общества. Во-первых, они сами привержены ему, оставаясь советскими людьми, пусть и сказочно разбогатевшими. Во-вторых, советская система необычайно выгодна правителям, даря им неограниченную, бесконтрольную и бессрочную власть с опорой на идеологизированную пропаганду и насилие.

Истоки российского внешнеполитического поведения, как верно показал Дж. Кеннан применительно к политике советской, и в наши дни следует искать в руководящей идеологии властей, а также в условиях, в которых правят господствующие группы, в их политических интересах. Действенность кеннановского метода подтверждается в ходе изучения различных этапов позднесоветской и российской внешней политики.

На каждом этапе внешняя политика Москвы определялась прежде всего идеями, господствующими в головах руководства страны и ее элит, состоянием государства и экономики, а также политикой руководителей по удержанию и укреплению власти.

Всякий раз позднесоветское и российское руководство действовало в соответствии со своей идеологией как «системой взглядов, идей, характеризующих социальную группу, класс, политическую партию, общество» (словарь Ожегова). Для Горбачева и Ельцина руководящей идеологией была вера в необходимость революционных преобразований СССР/России, глубокой модернизации страны, подлинной демократизации, союза с развитыми демократиями планеты в интересах в том числе и международного мира. Идеология Путина поначалу заключалась в убежденности в правильности авторитарной модернизации в тесном партнерстве с Западом на условиях прагматической «большой сделки». Однако вскоре, в 2004–2007 годы, идеология режима поменялась на авторитарный антизападный традиционализм, реставрацию государства и общества советского типа, консолидацию государства и общества на великодержавной, шовинистической, антизападной и антилиберальной основе.

Внешние вызовы и угрозы играли в развитии внешней политики России второстепенную роль. Они выступали в качестве внешних импульсов, сильных или слабых, способных вызвать более быстрое или медленное возрождение советских

комплексов и фобий, дать преимущество во внутренней политической борьбе тем или иным группам, способствовать перераспределению ресурсов, стать необходимым материалом для госпропаганды. Не внешние обстоятельства меняли внешнюю политику России. Российским поведением двигали внутренние процессы, прежде всего развитие идей и представлений о России и ее месте в мире в сочетании с политическими интересами правящих групп и общим состоянием дел в России. Успехи в экономике неизменно приводили к более наступательной внешней политике, а демократические изменения в соседних государствах влекли за собой ужесточение авторитаризма в России.

Оценка международной обстановки осуществляется в Кремле не на основе рационального объективного анализа, вряд ли возможного в принципе, а исходя из идеологической картины мира и внутренних задач по укреплению политического режима. Внешние угрозы либо измышляются, либо намеренно раздуваются для того, чтобы обосновать ужесточение внутреннего полицейского режима, расширение полномочий структур внутренней безопасности, рост расходов на армию, полицию и вооружения. Как точно писал по этому поводу Дж. Кеннан: «Есть все основания полагать, что тот упор, который делается Москвой на угрозу советскому обществу из внешнего мира, объясняется не реальным существованием антагонизма [с капиталистическим миром. — В. Р.], а необходимостью оправдать сохранение внутри страны диктаторского режима».

Одна из главных особенностей российской внешней политики минувших 35 лет заключается в том, что, пережив три крупные и сильно отличавшиеся эпохи — тесного сотрудничества с Западом (1985–1996), двойственности и балансирования (1996–2007), соперничества и позднее конфронтации (с 2007 г. по наши дни), — она продолжала опираться на неизменное

ядро национальной постсоветской идентичности. Это ядро включает в себя необыкновенно устойчивые идеи величия, исключительности, глобальной миссии, специальных прав на постимперском пространстве и особого цивилизационного пути (читай: полной свободы рук властей внутри страны).

В эпоху тесного сотрудничества с западными демократиями этот комплекс идей воздвиг высокий барьер на пути интеграции с Западом и помешал комплексной модернизации. В эпоху балансирования — поисков многополярности — он перенаправил Россию на авторитарный путь, поиски незападных партнеров и незападных рецептов развития. В эпоху соперничества и конфронтации он расцвел в полную силу. И через реставрацию в форме ресоветизации подвел страну к установлению диктатуры, перерастанию ревизионизма второй эпохи в реваншизм третьей, применению силы за пределами России, агрессии, попыткам сколачивать антизападные коалиции и блоки, системной политике дестабилизации и подрыва Запада.

Понимание подлинных истоков российской внешней политики помогает в поиске пригодных инструментов для ее анализа и прогнозирования. А также ответов на ключевой вопрос о том, возможно ли достичь устойчивого мирного сосуществования Запада с Россией в ее нынешнем виде. К примеру, на основе достижения договоренностей в духе *Realpolitik* добиться прочных гарантий мира и безопасности для соседей Москвы и Европы в целом; позитивных изменений ее общего внешнеполитического курса. Не забегая далеко вперед, отмечу главное: до тех пор, пока над Россией нависает длинная тень СССР и ресоветизация определяет ее внутренний и внешний курс, надеяться на это нет никаких оснований²⁸.

Примечания

¹ Цит. по: Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2010. С. 151.

² Явлинский Г. Причины // Официальный сайт Г. Явлинского. 2022. 30 июня. <https://www.yavlinsky.ru/article/prichiny/>

³ Гудков Л. Д., Дубин Б. В., Зоркая Н. А. Постсоветский человек и гражданское общество. М.: Московская школа политических исследований, 2008.

⁴ Левада Ю. А. От мнений к пониманию. М.: Московская школа политических исследований, 2000.

Гудков Л. Д. Возвратный тоталитаризм. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

⁵ Лукин В. П. Внешнеполитический курс постсоветской России: в поисках идентичности // Международная жизнь. 2017. № 1. <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1796>

⁶ Все это нашло свое отражение в путинских поправках к Конституции России, принятых в 2020 году.

⁷ Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. С. 7.

⁸ Гордость и идентичность. Пресс-выпуск «Левада-центра» от 19 октября 2020 г. <https://www.levada.ru/2020/10/19/gordost-i-identichnost/>

⁹ Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе. Пресс-выпуск «Левада-центра» от 24 марта 2020 г. <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetskom-soyuze/>

¹⁰ Послание президента России В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>

¹¹ Путин назвал распад СССР трагедией и «распадом исторической России» // РБК. 2021. 12 дек. <https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947689a33f5fe>

¹² Новый текст Конституции России с поправками 2020 года.
<http://duma.gov.ru/news/48953/>

¹³ Аверков В. Принятие внешнеполитических решений в России // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 2 (29). С. 111–124.

¹⁴ Путин назвал Россию отдельной цивилизацией // РБК. 2020. 17 мая.
<https://www.rbc.ru/society/17/05/2020/5ec1334d9a79478470930e9f>

¹⁵ “X” (Kennan G.). The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. July 1947. Vol. 25. No. 4. P. 566–582.

«Длинная телеграмма» посольства США в Москве № 511, отправленная Джорджем Кеннаном в Вашингтон 22 февраля 1946 г.
<http://www.coldwar.ru/bases/telegramm.php>

¹⁶ Так, например, Д. Тренин писал в 2008 году, что Москва отвергла «любую идеологию как путы, сковывающие ее действия» и исповедует теперь исключительно прагматизм. См.: Тренин Д. Одинокое плавание / Д. Тренин; Московский Центр Карнеги. М.: Изд-во Р. Элинина, 2009. С. 53 и др.

¹⁷ Цит. по: Шевцова Л. Одинокая держава... С. 137.

¹⁸ Острая критика «морального упадка» Европы содержалась, например, в «валдайской» речи Путина 19 сентября 2013 г.
<http://kremlin.ru/events/president/news/19243>

¹⁹ О значении перестройки Горбачева для изменений в теории международных отношений и критики реализма см.: Бордачев Т. В. [и др.]. Теория международных отношений в XXI веке: учебник. М.: Международные отношения, 2015. С. 13.

²⁰ Сахаров А. Д. Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе. Июнь 1968 г. Текст взят с сайта Сахаровского центра в Москве. <https://www.sakharov.space/lib/razmyshleniya-o-progresse-mirnom-sosushchestvovanii-i-intellektualnoy-svobode>

²¹ Обзор различных теорий международных отношений и трудностей, с которыми сталкиваются объяснения с позиций различных вариантов реализма, см.: Бордачев Т. В. Указ. соч.

²² Мадьяр Б., Мадлович Б. Посткоммунистические режимы. В 2 т. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

²³ Тренин Д. Одинокое плавание... С. 167.

²⁴ Обращение президента России Владимира Путина 4 сентября 2004 г. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22589>

²⁵ Выступление президента России Владимира Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

²⁶ Одобрение институтов, рейтинги партий и политиков. Пресс-выпуск «Левада-центра» от 29 июля 2022 г. <https://www.levada.ru/2022/07/29/odobrenie-institutov-rejtingi-partij-i-politikov-5/>

²⁷ Дмитрий Медведев: не сомневаюсь в правильности решения о вводе войск: интервью Дмитрия Медведева ТАСС // ТАСС. 2022. 8 авг. <https://tass.ru/interviews/15416443>

²⁸ Объяснение истоков российского внешнеполитического поведения является одним из центральных вопросов при изучении внешней политики Москвы. Различные школы по изучению международных отношений дают на него различные ответы. См. обзор некоторых теоретических подходов, напр.: Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior: Theory and Practice. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2016.

Часть вторая

От гуманизма и модернизации — к великодержавной экспансии и диктатуре.

История развития российского внешнеполитического мышления, приведшего к реваншизму и войне

Во второй части эссе рассмотрю подробнее, как перемены в руководящих идеях политического руководства и правящих элит России, общие изменения в стране и обществе, ход политической борьбы, перемены в стратегии удержания власти изменяли внешнюю политику России, доведя в конечном итоге до военного вторжения в Украину в феврале 2022 года. Как провал модернизации в форме ресоветизации породил войну и идеологизированную диктатуру.

Глава 1

Идентичность, идеология и политика

Ядро постсоветской российской международной и внутриполитической идентичности выглядит по итогам минувших 30 лет необычайно преемственным (в сравнении с советским) и устойчивым. Постсоветская идентичность, как я писал выше, включает в себя прежде всего идеи величия (великодержавия), исключительности, глобальной миссии, особого пути развития и привилегий («исторических прав») Москвы на постимперском пространстве.

Сформированная вокруг этих идей идентичность задает широкие и одновременно руководящие рамки для внутренней и внешней политики России. Выстроилась своего рода

идейная «клетка», внутри которой политика может значительно варьироваться. От демократической перестройки Горбачева и радикальных реформ Ельцина — до авторитаризма и внешнеполитического реванша Путина. Даже в наиболее модернизаторские периоды 1980–1990-х годов базовый комплекс идей воздвигал, как показала практика, барьеры на пути модернизации страны.

После распада СССР российские элиты и общество в процессе стихийных дебатов и острой политической борьбы, в которых довольно скоро начали преобладать привычные советские идеи и мотивы, сформировали следующий общий ответ на вопрос, *что есть новая Россия*:

а) Россия — правопреемник и наследник (правопродолжатель) СССР как великой глобальной державы; Россия прежде всего великая держава;

б) величие России далеко не сводится к обладанию огромным ракетно-ядерным арсеналом, правом вето в Совбезе ООН, богатыми природными ресурсами и громадной территорией. Великая всемирная русская культура и богатое духовное наследие Византии — Москвы — Третьего Рима, как и достижения передового советского проекта: Победа в Великой Отечественной войне, первенство в освоении космоса, уникальная гармония многонационального и поликонфессионального народа, приверженность традиционным ценностям — все делает Россию подлинно исключительной, во многих отношениях превосходящей иные, даже экономически более развитые и богатые нации;

в) в силу своего величия и исключительности Россия (как и СССР) стремится и даже призвана играть глобальную и универсальную роль, будучи ориентиром для многих народов, не принимающих неокOLONиальные претензии Запада на лидерство и универсальность;

г) величие, история и культура определяют особый путь развития России. Особый строй государства с сильным лидером во главе, особый тип общества — солидаристский и встроенный в государственные интересы, особый тип гражданина — не анархиста, индивидуалиста или бунтаря, даже не законопослушного гражданина, но прежде всего дисциплинированного патриота, беззаветно преданного государственному и общенациональному долгу;

д) Россия в своем великом прошлом защитила, собрала, организовала и цивилизовала множественные соседние народы (бывшие части СССР и Российской империи). Теперь, когда многие из них делают первые нетвердые шаги на пути собственной государственности, Россия не может допустить, чтобы они совершали детские ошибки, не вправе позволить им сбиться с верного пути, отбиться от семьи и уж тем более попасть в дурную компанию. Москва сохраняет моральный и исторический долг направлять и воспитывать взрослеющих «детей». Если понадобится — предупреждать и наказывать их. И даже силой возвращать в отчий дом для перевоспитания.

Правящие элиты России являются носителями идей и практик советского типа, а также их распространителями. Значительная часть народа с готовностью подхватывает язык и политику ресоветизации в силу сильной ностальгии по СССР, гражданской незрелости и разочарования в демократических реформах. Советская великодержавная музыка слишком многим ласкает слух. Правящие группы политически заинтересованы в реванше государства и общества советского типа. Советские способы политического контроля обеспечивают полную и неподотчетную власть над страной, ее несменяемость. Дополнительно — возможности для сказочного обогащения в богатой ресурсами державе.

Обращение властей к описанному ядру национальной идентичности путем создания, продвижения и использования

соответствующих дискурсов и нарративов и одновременно при выборе политики исторически прошло две различающиеся стадии. Приобретая при этом две специфические метафоры: *поначалу курса на модернизацию СССР/России* (1985–2004 годы), а после *курса на возрождение великодержавия* (2004-й — настоящее время).

В обоих случаях выбор, конструирование и внедрение господствующей картины мира и рассказ об этом осуществляли правящие круги и лица совместно с мейнстримовскими экспертными и пропагандистскими сообществами, исходя как из их собственных убеждений (в основе своей советских), так и основополагающего политического интереса по удержанию и укреплению власти.

Первая стадия (1985–2004 годы). В конце советской и в начале новой российской истории возобладала идея необходимости глубоких реформ застойного и зашедшего в тупик советского порядка.

Идея радикальной модернизации (демократической в рамках социализма для Горбачева и рыночно-капиталистической для Ельцина) рассматривалась как подходящая не только для успешного и необходимого реформирования государства, экономики и общества, но также для надежного удержания власти. Идея радикальных реформ органично сочеталась при этом с представлениями о величии СССР/России, особых правах в мире (в том числе особых правах на получение масштабной западной помощи стране, покончившей с коммунизмом и холодной войной). Об особых правах СССР/России на всем советском/постсоветском пространстве, праве СССР/России самостоятельно определять модель развития.

Приоритет модернизации по определению диктовал необходимость тесного сотрудничества с передовым Западом, а также управляемых и лимитированных демократических реформ. Равно как и необходимость сокращения внешнеполитических

амбиций, но не отказа от них, в т.ч. на постсоветском пространстве. Тем более что не кто иной, как сам Ельцин, распустил СССР на встрече в Беловежской пуще 8 декабря 1991 года.

В силу этого такие аспекты базовой идентичности, как великодержавие, исключительность, особые права на постсоветском пространстве, в период модернизации отошли на второй план (хотя оставались видимыми и значимыми). На первый план выдвигалось новое политическое мышление, реформы, приватизация, демократизация, многопартийность, конкурентные выборы. Что дало повод Западу признать со всеми оговорками СССР Горбачева и Россию Ельцина демократическими государствами, вставшими на верный путь. Включить Россию в международные структуры, в т.ч. преимущественно или целиком западные, такие как G8, МВФ, Всемирный банк, Совет Европы, ВТО и другие. Считалось в те годы, что СССР/Россия вступили в клуб демократий и никогда больше не будут представлять опасности для Запада и соседей.

Политический кризис в России 1992–1993 годов закончился разгромом антиреформаторской оппозиции и победой президента Ельцина. Оппозиция Ельцину объединяла пеструю коалицию старых коммунистических и военно-промышленных элит, националистов, часть демократов-идеалистов. Ельцин же объявил себя решительным защитником демократии и реформ, европейского пути России. Запад без колебаний встал в конфликте на стороне Ельцина.

Разгромив противников, Борис Ельцин добился принятия Конституции (декабрь 1993 года) с суперпрезидентскими полномочиями. Тем самым был заложен политико-правовой фундамент постсоветского авторитаризма.

Для сохранения и расширения социальной базы, сильно сократившейся в результате травматических экономических реформ, Ельцин все охотнее прислушивался к голосам державников, государственников, силовиков, советских

хозяйственников, требовавших вернуться к политике дистанцирования от Запада и особого пути развития. Этот сдвиг нашел отражение в изменении состава правительства и назначении Е. Примакова новым министром иностранных дел в начале 1996 года. Политика ориентации на Запад сменилась проповедью многополярного мира. А после бомбежек НАТО Югославии в 1999 году в Москве утвердился дискурс обид, наполненный обвинениями Запада в экспансии, нарушениях международного права и односторонних приобретениях в ущерб интересам и безопасности России.

Однако вплоть до 2004 года приоритет модернизации, пусть и все более затухая, оставался в силе.

Вторая стадия (2004-й — настоящее время). В 2000-е годы дискурс величия, исключительности, глобальных амбиций, особого пути и «законных» привилегий на постсоветском пространстве окончательно взял верх и отправил приоритет модернизации страны на свалку.

Утверждение величия России («вставание с колен» и заодно консолидация авторитарной власти) стало основным содержанием новой эпохи. Модернизацию принесли в жертву величию и автократии.

Россия отвернулась от Запада и развернулась к Югу и Востоку. Определился курс на бóльшую закрытость страны и ужесточение авторитаризма. Развернулась масштабная программа перевооружения и реформы армии. Игра на чувствах пережитых унижений и вновь обретаемого величия стала важнейшим инструментом поддержания легитимности власти и ее популярности. Не случайно поддержка Кремля в народе достигала максимума после пятидневной войны с Грузией в 2008 году, присоединения Крыма в 2014-м и начала вторжения в Украину в феврале 2022 года.

Политический режим легитимируется теперь не в ходе демократических выборов и не демонстрацией экономических

успехов модернизации, но на основе неосоветской идеологии противостояния с Западом, защиты России — «осажденной крепости», сохранения традиционных ценностей, собирания «земель русских» на постсоветском пространстве. Эта одновременно имперская, националистическая, геополитическая и мессианская программа воспроизводит в основных чертах советскую модель идеологической легитимации власти. Она же определяет внешнюю политику России — политику империалистического реванша, «цивилизационного» противостояния, геополитического соперничества и системного подрыва принципиального противника — Запада.

Внешнеполитическое мышление и поведение позднего СССР и постсоветской России поражает *сочетанием неизменности и резкой переменчивости*.

Объясняется парадокс наличием прочного ядра национальной идентичности, задающего широкую рамку для политики. И вместе с тем политики, способной широко варьировать, интерпретировать и использовать основные мотивы идентичности в зависимости от убеждений и политических приоритетов правящих групп, а также настроений широких слоев населения. В результате СССР/Россия пережили эпоху демократической модернизации, а потом возрождения великодержавности и авторитаризма, сохраняя в обоих случаях фундаментальную самоидентификацию как великой державы, наделенной исключительными качествами, правом на особый путь развития и место в мире, привилегии на постсоветском пространстве.

Выбор той или иной линии поведения правящими элитами делается и зависит от их картины мира и убеждений, а также от их представлений о наилучшей политике, пригодной для укрепления властных позиций. Можно, к примеру, посчитать наилучшим политическим решением радикальную модернизацию в тесном сотрудничестве с Западом. Или, напротив, сделать ставку на возрождение великодержавия и диктатуры

советского типа в противостоянии с Западом. В обоих случаях не обойтись без опоры на существующую национальную идентичность, что требует искусной и настойчивой интерпретации реальности, создания нужных нарративов для широких масс и элит.

Глава 2

Могла ли сформироваться другая идентичность как основа иной политики?

Модернизация могла бы преуспеть, внутренняя и внешняя политика России выглядели бы сегодня совсем иначе, если бы постсоветская идентичность сложилась на ином, отличном от советского идейном фундаменте. Однако для этого правящим элитам, советским по происхождению, и всем россиянам понадобилось бы сознательно отвергнуть российское и особенно советское великодержавное и имперское наследие, одновременно радикально преобразовав старые опорные идеи, придав им новые смыслы. Легитимность и прочность новой идентичности опиралась бы на историческую преемственность, а ее продуктивность — на глубокие инновации в комплексе традиционных идей.

Как мог бы выглядеть эскиз такого рода перемен в идейных основах российского социума? Предложу свое видение гипотетической демократической (назову это так) российской идентичности:

1. Россия — новое демократическое многонациональное правовое государство в форме Федерации, созданное на территории «исторической России» (что важно — в границах 1991 года) волей народа, избравшего путь демократического конституционного развития. При этом:

— Россия не является правопреемником и правопродолжателем ни императорской России, ни ленинско-сталинского СССР (за исключением принятых на себя внешних договорных обязательств);

— учредительные события и акты нового государства — Декларация о государственном суверенитете России от 12 июня 1990 года и референдум о принятии новой Конституции России 12 декабря 1993 года;

— новая демократическая Россия не наследует обе формы имперской государственности, но опирается на многовековую отечественную традицию борьбы за свободу. И в силу этого исторически легитимна. Россия не империя, но демократическое национальное федеративное государство. Истоки российской свободы обнаруживаются, начиная от вольностей Киевской Руси и ганзейского Великого Новгорода до декабристов, великой демократической литературы XIX века, «Великих реформ» Александра II, конституционализма начала XX века, демократической и конституционной программы Февраля 1917-го, программы А. Сахарова и других великих борцов за свободу;

— демократическая Россия возникла и строится не на пустом месте. Она ценит и бережно хранит огромное историческое, культурное и духовное наследие прошлого — от древних домонгольских церквей Великого Новгорода и русских летописей до казанских мечетей и поэзии Пушкина и Пастернака.

2. *Величие России*, которое вытекает из ее размеров, потенциала, культуры и истории, в целом не оспаривается, однако заключается при этом не в атрибутах и институтах великодержавности (авторитарного и имперского государства), но в настойчивом следовании приоритету внутреннего развития, процветания и свободы. Великая Россия — свободная, правовая и богатая страна. Демократическая Россия в тесном сотрудничестве с

другими государствами, в особенности с демократиями, несет значимую ответственность за поддержание мира во всем мире, совместное решение глобальных проблем, соблюдение международного права.

В военном строительстве Россия проявляет сдержанность и применяет принцип разумной достаточности.

Россия выражает свое величие в успехах и достижениях модернизации и не тратит ресурсы на внешние проявления величия, сакрализацию и возвеличивание власти.

3. Занимаясь внутренним развитием на основе свободы¹ как главным делом, Россия, будучи влиятельным государством, *осознает свою ответственность за глобальные дела*. Она принимает активное участие в них при тесном сотрудничестве с другими государствами в рамках ООН, иных международных организаций и на основе международного права. В этом отношении она не уклоняется от ответственной глобальной роли крупной демократической державы, как и другие подобные державы.

4. *Россия развивает собственную национальную модель демократии*. В государственно-общественном строительстве она опирается на громадное разнообразие российских народностей и регионов, исторический опыт отечественных реформ, от реформ Сперанского, Александра II, Витте (в правление Николая II), Февраля 1917 года до преобразований эпох Горбачева и Ельцина. Российская модель демократии и конституционализма обеспечивает свободу каждому и свободное развитие всех, защищает разнообразие и сохранение культурных и региональных отличий, гарантирует верховенство права. Созданием своей модели демократии Россия вносит вклад в развитие демократии и свободы в мире.

У России нет «особого пути» и «особой демократии», тем более выдуманной «суверенной демократии». У страны

национальная модель демократии, душа которой — гарантии свободы, разделения властей, верховенства права, федерализма, самоуправления и всяческого разнообразия и плюрализма.

5. Россия не может относиться к народам, бывшим с ней когда-то в составе одного государства (Российской империи и СССР), так же, как ко всем прочим. Хорошо известно, что некоторые из бывших глобальных империй после распада сохраняют и развивают особые отношения бывших метрополий с бывшими колониями. По-разному вопросы сохранения традиционных культурных и экономических связей решаются в рамках Содружества наций (бывшее Британское Содружество), Франкофонии, ежегодных Иbero-американских саммитов. Во всех случаях отношения строятся на принципах безусловного уважения государственного суверенитета, равноправия, свободы выбора, невмешательства во внутренние дела. Любые проявления неокOLONIALИЗМА признаются недопустимыми. Ассоциации государств являются добровольными, с правом свободного участия или выхода из них. Упор делается на культуру, экономическое развитие, уважение, взаимопомощь и взаимопонимание. При этом широко признается польза и даже необходимость сохранения некоторого широко понимаемого сообщества суверенных государств.

Применительно к государствам и народам, бывшим когда-то в составе Российской империи и СССР, подобный подход означает, что Россия неизменно обязана относиться к ним самым добрым образом, оберегая уважение, доверие и сердечность в отношениях. Россия считает само собой разумеющимся и крайне важным наличие у них полноты государственного суверенитета и полной самостоятельности во внешних и внутренних делах. Россия не обижается, если кто-то из близких соседей больше ориентируется на других партнеров. Никогда не использует язык давления и угроз. Россия всемерно содействует развитию экономических, торговых, культурных связей

и приходит на помощь в случаях обращения к ней за помощью, ничего не требуя взамен. На основе полной свободы выбора может предложить строить взаимовыгодную экономическую и культурную региональную интеграцию, структуры совместной безопасности.

Политика уважения суверенитета и самостоятельности, равноправия, доброжелательности и добрососедства наилучшим образом способствует сохранению культурных, исторических и иных связей, межгосударственного и международного доверия.

Равноправный, уважающий, деликатный и надежный сосед на общем историческом просторе — лишь такой может быть роль России на исторически постсоветском (постимперском) пространстве.

Как я постарался показать в этом кратком наброске, вполне возможно представить себе альтернативную нынешней постсоветской самоидентификацию России как демократического правового государства, наследующего традиции не авторитарной империи, но российской истории свободы; страны, великой своей свободой и успешным внутренним развитием; державы, несущей часть ответственности за надлежащее и солидарное управление мировыми делами; страны с оригинальной моделью живой демократии; доброжелательного, ответственного соседа на бывшем имперском пространстве.

Нация с таким представлением о себе обрела бы необходимый идейный фундамент для успешной модернизации. Во-первых, для строительства демократического конституционного федеративного государства, способного уверенно развиваться экономически. Во-вторых, для мирной внешней политики, ставящей целью создание благоприятных условий для внутреннего развития и борьбу с рисками и угрозами развитию. В тесном сотрудничестве с другими ведущими государствами мира и тем более с ближними соседями.

Демократическая российская идентичность сохранила бы необходимые для ее органичности и устойчивости привычные мотивы российского мировоззрения. Такие как величие, исключительность, глобальность, особая модель, особое отношение к постимперским народам и государствам. Однако интерпретированные совершенно иным образом, эти крайне опасные идеологемы утратили бы смертоносный яд и способны были бы послужить целям внутренней модернизации и мирной внешней политике.

Далее я приступлю к более подробному рассказу об истории постсоветской российской внешней политики и покажу, как ее направляла эволюция руководящих идей, общее состояние страны и интересы правящих групп.

Глава 3

Новое политическое мышление Михаила Горбачева: демонтаж тоталитарной системы и шанс для всего мира (1985–1991)

«*Политика должна строиться на реальностях*», — писал советский лидер Михаил Горбачев в программной книге 1987 года «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира»². Смелая ревизия идеологических стереотипов прошлого и трезвая оценка реальности со стороны нового генсека и его команды (вместе с готовностью решительно действовать) породили всемирно значимый феномен *перестройки*.

Целью перестройки для Горбачева была глубокая реформа СССР на социалистических, подлинно ленинских принципах. В первую очередь путем раскрепощения инициативы масс, демократизации, гласности, новой внешней политики. Горбачев верил, что «в результате перестройки, демократизации страна станет богаче и сильнее»³. Он инициировал радикальные

реформы в СССР в надежде спасти социалистический проект от системного кризиса, укрепить престиж Москвы в мире, упрочить собственное политическое положение. Таковы были его убеждения и ведущие мотивы внутренней и внешней политики.

Вопреки расхожему клише, перестройка не являлась утопическим, оторванным от реальности проектом. Напротив, революционные преобразования Горбачев основывал на необычайно смелом и трезвом анализе частью руководства КПСС реальной ситуации в СССР и в мире. В этом отношении перестройка разрывала с традицией большевиков всецело подчинять внутреннюю и внешнюю политику теории и идеологии марксизма-ленинизма и интересам партии, зачастую мало считаясь с реалиями.

Новое мышление означало поворот Москвы к трезвому, рациональному анализу ситуации в стране и за рубежом, преимущественно освобожденному от идеологических штампов. Горбачевская внешняя политика была несравнимо более осторожной, рациональной и реалистической, чем прежняя классовая и мессианская политика СССР, а позднее политика постсоветской России в период возрождения великодержавия.

Перестроечное руководство СССР отдавало себе отчет в системных проблемах, накопившихся в стране к концу 1970-х годов, в эпоху так называемого застоя⁴: снижение темпов роста экономики почти до нуля, падение ее эффективности, тотальные дефициты и диспропорции «народного хозяйства», растущее технологическое отставание, удушение творческой инициативы, в целом — экономический тупик. Отставание социальной сферы, снижение качества квалификации работников. Деградация общественной морали, веры в партию и государство, в социализм. Осознав это, «партия нашла в себе силы и мужество, чтобы трезво оценить обстановку, признать необходимость кардинальных изменений и преобразований»⁵.

Ожидания перемен широко распространились в те годы в советском обществе. Перестройка на первом этапе получила огромную поддержку советских людей. Тогда же Горбачев сформулировал максимум: «Перестройка — это революция». И еще одну: «Больше демократии — больше социализма».

Не менее реалистическим и в то же время смелым оказался подход Горбачева и его команды к вопросам безопасности, обороны, внешней политики, военных расходов.

Радикальное изменение внешнеполитического курса Горбачев прямо увязывал с идеями и задачами перестройки, внутренними преобразованиями в СССР: «Органическая связь внешней политики каждого государства с внутренней становится особенно тесной и практически значимой в переломные периоды. Смена внутреннего курса неизбежно влечет за собой и новый подход к внешнеполитической проблематике. Поэтому сейчас в условиях перестройки, как никогда, наглядно и конкретно проявляется единый смысл нашей деятельности внутри страны и на мировой арене. Новая концепция советской внешней политики, ее программные установки и практические шаги — все это прямое и непосредственное выражение философии, программы и практики перестройки»⁶.

Переосмысление положения дел в стране и мире привело советское руководство к выводу о явной избыточности накопленных арсеналов ядерного и обычного вооружения, непосильном бремени военных расходов для экономики и бюджета СССР. По оценке М. Горбачева, продукция ВПК составляла тогда 20% ВВП, до 40% бюджета шло на оборонные цели. Из 25 млрд общего финансирования НИОКР 20 млрд направлялись на военные темы⁷. Было сделано заключение о разорительности и неперспективности продолжения войны в Афганистане, чрезмерной силовой и экономической поддержки промосковских режимов в Восточной Европе и по всему миру. Итогом анализа стало выдвижение Москвой целого ряда

важнейших инициатив в области разоружения, безопасности и внешней политики: от всеобщего ядерного разоружения и радикального сокращения ядерных арсеналов до роспуска военных блоков и формирования единой Европы как «общего европейского дома».

В сущности, М. Горбачев и его соратники сделали обоснованный вывод о крайнем имперском перенапряжении, с которым столкнулся СССР к середине 1980-х годов. Мессианский коммунистический проект Маркса/Ленина задохнулся, Советский Союз был истощен противостоянием Западу и гонкой вооружений. Общее перенапряжение и вызванное им истощение остановили поступательное развитие Советского Союза, усугубили проигрыш в экономической и технологической гонке с западными странами. В Москве осознали тупиковость экономической и управленческой модели, созданной Сталиным в 1930-е годы и дошедшей практически неизменной до конца 1970-х. СССР все больше сталкивался с кризисными явлениями, нехваткой ресурсов, отсталостью и неэффективностью, невозможностью улучшить жизнь советских людей.

Горбачеву достало мужества открыто взглянуть на неприглядные факты и сделать соответствующие, притом реалистические, выводы. Было принято решение о быстром и радикальном сокращении имперского бремени с целью высвобождения ресурсов для нужд внутреннего развития, о глубокой реформе экономической и социально-политической системы СССР. Перестройка как революционная модернизация СССР стала подлинным кредо, делом всей жизни Михаила Горбачева. Приоритет внутренней модернизации подчинил себе внешнюю политику Советского Союза, подвергнув ее революционным изменениям на основе комплекса идей *нового политического мышления*. В результате *идея перестройки* до неузнаваемости изменила СССР, его внешнюю политику и весь мир.

Основными составляющими революционного *нового политического мышления* М. С. Горбачева в мировой политике стали:

- признание *общечеловеческого интереса* по сохранению планеты Земля и человечества в целом основой понимания и построения мировой системы и международных отношений; общечеловеческий интерес формулируется в виде *общечеловеческой идеи*, стоящей над центробежными силами и конфликтами;
- признание общечеловеческого интереса логически ведет к признанию приоритета *общечеловеческих (не национальных, классовых или любых иных) ценностей*;
- для обеспечения мира и спасения человечества существует *необходимость отказа всех государств от применения силы или угрозы применения силы*;
- отказ от представления о мире как об анархии, признание роста взаимозависимости и целостности мира, необходимости *«общечеловеческого консенсуса в движении к новому мировому порядку»*;
- *приоритет сотрудничества* для решения общих проблем «независимо от идеологических и прочих различий»;
- *невмешательство во внутренние дела стран и народов*;
- *принцип свободы выбора* каждым народом своей политической и экономической системы, внешнеполитической ориентации;
- *признание многовариантности общественного развития разных стран*, что требует уважения, терпимости, готовности учиться у других, открытости; «самоутверждение многоликости мира» делает неуместными поучения других или навязывание им своих представлений или критериев; мир необходим как «единство в многообразии»;

— *деидеологизация межгосударственных отношений*. Отличия социализма и капитализма сохраняются, борьба идеологий продолжается, но она не переносится на сферу межгосударственных отношений, где в ходе диалога и сотрудничества решаются общие проблемы;

— для спасения человечества от гибели необходимо: *ядерное разоружение с перспективой полного запрета ядерного оружия; запрет и уничтожение других видов оружия массового уничтожения (химического и биологического); запрет милитаризации космоса; запрет на проведение ядерных испытаний; развитие мер доверия и контроля над вооружениями;*

— *демократизация и гуманизация мира, интернационализация диалога и переговорного процесса;*

— *приоритет соблюдения международного права и главенства ООН в мировых делах; «наш идеал — мировое сообщество правовых государств, которые и свою внешнеполитическую деятельность подчиняют праву»;*

— *объединение Европы, «общеевропейский дом»⁸.*

Новое политическое мышление Горбачева стало кардинальным разрывом с большевистской идеологией антагонистической борьбы с миром капитализма, классовой борьбы, войны на уничтожение, игры с нулевой суммой, борьбы за влияние во всем мире и создание «сфер влияния» и контроля. Михаил Горбачев предложил совершенно новую философию мировой политики, в центр которой помещались не пролетарии и классовая борьба, но человек с его правами и само человечество, нуждающееся в спасении от катастрофы ядерной войны и гибели экосистемы Земли.

Постулирование общечеловеческого интереса и приоритета общечеловеческих ценностей не только покончило с диктатурой внутри СССР, со сталинской системой, но и с

идеологическим противостоянием двух непримиримых блоков, с холодной войной.

Идеи, родившиеся в Москве, за несколько лет ошеломляюще изменили мир. «Утопическая» программа Горбачева произвела невероятные реальные результаты, сделав мир несравненно безопаснее и лучше.

Новое мышление явилось примером «рационального идеализма» — идейной политики, основанной на трезвом анализе реалий и способной предложить нестандартные прорывные решения, меняющие как картину мировой политики, так и само мышление тех, кто принимает решения. Принципы нового мышления «превратили Москву из столицы “империи зла” в источник надежды на создание нового рационального мирового порядка»⁹.

А. Адамишин, работавший заместителем министра в горбачевском МИДе (1986–1990 годы), следующим образом отмечает главные международные достижения Горбачева и его команды:

- ликвидация идеологической конфронтации между Западом и Востоком, упразднение «образа врага» в общественном сознании и политике;
- прекращение холодной войны, демонстрация того, что она не является неизбежностью;
- остановка наращивания вооружений, первое реальное сокращение ядерного и обычного оружия;
- окончание девятилетней советской войны в Афганистане;
- помощь в урегулировании ряда региональных конфликтов (Ангола, Никарагуа, Кампучия, Ближний Восток и др.);
- нормализация отношений СССР с Китаем; начало осознания смещения центров силы к Азиатско-Тихоокеанскому региону;

- восстановление дипотношений с Израилем и начало сотрудничества с ним;
- содействие воссоединению Германии и историческое примирение с ней;
- освобождение восточноевропейских стран от контроля Москвы;
- превращение Европы из полигона будущей войны в зону сотрудничества;
- нормализация отношений с Югославией;
- подъем значимости прав и свобод человека, что подняло престиж самого СССР;
- открытие внешнего мира для СССР и СССР для мира, свобода перемещения граждан, отказ от многодесятилетней изоляции и самоизоляции;
- отказ от многомиллиардного бремени по поддержке национально-освободительных и коммунистических движений;
- наведение порядка в военной области: «Армия и ВПК были лишены монопольного права на определение оборонной политики»¹⁰.

Международные достижения нескольких лет перестройки и нового политического мышления феноменальны. В 1990 году М. Горбачев совершенно заслуженно получил Нобелевскую премию мира.

История успеха перестройки и нового политического мышления в международных отношениях доказывает, что идеи способны играть определяющую роль в мировой политике (на самом деле всегда играют), делая второстепенными традиционные расчеты баланса сил. Горбачеву удалось не только полностью изменить внешнеполитическое поведение СССР, но и увлечь своими идеями и реформами бывших злейших врагов

на Западе, переменить мышление всего человечества, запустить процессы глубоких изменений в различных регионах Земли.

«Перестройка коренным образом улучшила международное положение страны, в разы уменьшила вероятность ядерного конфликта. Все это за неполные семь лет», — справедливо заключает А. Адамишин¹¹.

Кульминацией формулирования и реализации нового политического мышления М. Горбачева стала Парижская хартия для новой Европы, принятая лидерами государств и правительств на встрече СБСЕ в Париже 19–21 ноября 1990 года¹². В ней в концентрированном виде собрано и приняло характер нормативных обязательств государств то новое, что привнес М. Горбачев в мировую политику.

Хартия торжественно возвестила *наступление новой эры — демократии, мира и единства*. Эпоху конфронтации и раскола Европы (холодной войны) в Париже объявили законченной. В фундамент международных отношений с этого момента заложены дружба, взаимное уважение и сотрудничество.

Мир в Европе и во всем мире отныне зиждется *на трех главных принципах*: а) твердой приверженности всех государств и народов демократии, построенной на соблюдении прав человека и соблюдении принципов основных свобод; б) процветании через экономическую свободу и социальную справедливость; в) равной и неделимой безопасности для всех стран.

Лидеры 34 государств, включая глав сверхдержав СССР и США, обязались сделать демократию на основе прав человека «единственной системой правления в наших странах». Подробно были определены критерии прав человека, принимаемые всеми, и их гарантии. Таким образом, декларировалось сближение, если не унификация общественно-политических систем бывших противников на единой ценностной основе — на основе демократии и прав человека (общечеловеческих

ценностей из идейного арсенала нового политического мышления).

Это соответствовало кантианскому либеральному определению основы вечного мира: «Гражданское устройство в каждом государстве должно быть республиканским». Т. е. включающим личную свободу людей, верховенство права, равенство всех в рамках закона (трактат И. Канта «К вечному миру»).

Другие статьи Хартии также следовали рекомендациям Канта. Подтверждался полный отказ от применения силы или угрозы силой против территориальной целостности или политической независимости государств, любых других подобных действий. Принималось урегулирование споров только мирными средствами. В области безопасности за каждым признавалось право выбора. В то же время «безопасность неделима и безопасность каждого государства-участника неразрывно связана с безопасностью всех остальных». Отсюда вытекали обязательства по укреплению доверия и безопасности между государствами, контролю над вооружениями и разоружением. Для укрепления возможностей СБСЕ по решению этих задач были реформированы и расширены структуры и полномочия совещания.

Как уже отмечалось выше, *новое политическое мышление* Михаила Горбачева в международной политике напрямую вытекало из идей и стратегии перестройки внутри СССР.

Перестройка являлась планом системной модернизации Советского Союза во всех областях. Предполагалось создать новую политическую систему социал-демократического типа со свободными выборами, многопартийностью, разделением властей и верховенством права, гарантиями прав и свобод человека. Но одновременно с сохранением общего социалистического вектора развития СССР.

Намеревались перестроить сталинскую плановую мобилизационную экономику в социальную рыночную экономику.

Аппетиты и политическое влияние военно-промышленного комплекса ограничивались, высвобожденные при сокращении военных расходов и поддержки промосковских режимов ресурсы предполагалось направить на стимулирование экономического развития, рост уровня и качества жизни советских граждан. В целом «то была великая и мужественная попытка *вытащить Россию из авторитарной матрицы*, восходившей еще к монгольскому игу»¹³.

Международная репутация СССР в результате продвижения перестройки и нового политического мышления быстро стала превосходной. СССР не только вышел из международной изоляции начала 1980-х годов, но и стал прогрессивным лидером человечества. Горбачев заслуженно приобрел славу наиболее популярного политика планеты. Качественное улучшение отношений с бывшим противником — Западом — должно было стать одним из ключевых факторов успеха перестройки/ модернизации.

Многие из целей и принципов нового политического мышления в мировой политике к началу 1991 года или уже были достигнуты, или имели реальную перспективу воплощения в жизнь. Включая такие немыслимые сегодня аспекты, как всеобщее ядерное разоружение, роспуск военных блоков, превращение их в политические организации (или даже полная ликвидация), политическое и экономическое объединение Европы. Горбачев и мощь его идей увлекли за собой западных лидеров, делая почти возможным невозможное. Могло показаться, что материализация кантовского «вечного мира» не за горами.

Однако внезапный и быстрый крах СССР, потеря Горбачевым власти и позже провал модернизации в России оставили Парижскую хартию для новой Европы прекрасным, но по сей день не осуществленным проектом.

Парижскую хартию для новой Европы принимали в момент, когда внутри СССР Горбачев столкнулся с быстро разраставшимся системным кризисом экономики и государства. Через год после одобрения Хартии СССР окончательно распался на 15 новых независимых государств, включая Россию.

Споры о причинах краха СССР будут продолжаться еще многие годы. Отмечу лишь основные, на мой взгляд:

1. Национальный вопрос. СССР большевики собирали воедино преимущественно военно-политическим путем, единство этого поразительно неоднородного, громадного, многонационального государства (от Таджикистана до Эстонии) удерживалось идеологическими, военными и политическими методами в условиях советской тоталитарной диктатуры. СССР являлся идеологизированной, закрытой, милитаризованной, тоталитарной империей. Демократизация и гласность, инициированные Горбачевым, быстро породили могучие центробежные националистические, сепаратистские и религиозные движения. Отказ Горбачева от масштабного применения силы для их подавления разорвал Советский Союз изнутри, разбил сверхдержаву на куски из отделившихся от Москвы бывших союзных республик.

2. Экономический вопрос. В ходе реформ выяснилось, что простого сокращения военных расходов и отказа от поддержки прокоммунистических режимов далеко не достаточно для улучшения дел в экономике. Быстрого и легкого способа переделки сверхмилитаризированной плановой экономики в социальную рыночную не существует. Падение доходов от экспорта энергоносителей, неэффективные импортные закупки и быстрый рост внешнего долга, отсутствие подготовленного слоя предпринимателей, хаотические и часто ошибочные меры правительства привели к коллапсу экономики, всеобщему дефициту, введению карточной системы, обвальному падению

доверия властям. Экономические трудности усугубили и подтолкнули политическую дезинтеграцию страны.

3. Политический вопрос. Как только Горбачев приступил к глубокой политической реформе, выяснилось, что невероятно сложно строить демократию в стране с почти полным отсутствием демократической традиции, гражданского общества, опытных политических партий, ответственных политиков и граждан. Отстраняя шаг за шагом от власти КПСС и КГБ, передавая власть Советам и их исполнительным органам, Горбачев обнаружил, что верх во многих из них легко взяли политики популистского толка, обращавшиеся в первую очередь к националистическим, сепаратистским, ортодоксально сталинистским, радикально рыночным и иного рода радикальным лозунгам и программам. Умеренный центристский курс советского президента потерялся на фоне активности множества радикальных конкурентов и фатальных экономических проблем.

Отказ Горбачева от большевистских методов сохранения власти и империи (прежде всего от применения насилия), взрыв национального сепаратизма, экономический провал и давно мертвая коммунистическая идея подвели Советский Союз к гибели.

25 декабря 1991 года Михаил Горбачев в телеобращении объявил об отставке с поста президента СССР. Над Кремлем в Москве был спущен флаг СССР. Советская история завершилась. Но, как выяснилось позднее, не завершилась история советской модели государства и общества.

Распад СССР и потеря М. Горбачевым власти «поставили на паузу» (после оказалось, бессрочную) реализацию целей и принципов Парижской хартии 1990 года. Западу предстояло разобраться с принципиально новой политической, военной и политико-географической ситуацией на востоке Европы и на постсоветском пространстве.

На первый план вышли не вопросы «вечного мира» и «общеевропейского дома», а противодействие расползанию советского ядерного оружия, проблемы профилактики новых межгосударственных конфликтов, закрепления и правового оформления вновь образовавшихся государств и государственных границ, гуманитарной помощи народам новых государств, оказавшихся в отчаянном материальном положении.

Могли ли нормы и требования Парижской хартии в эпоху перестройки и нового политического мышления стать реальностью и обеспечить тем самым кантовский «вечный мир»? Думается, что такая возможность существовала, если говорить о странах СБСЕ (теперь ОБСЕ), то есть о регионе Большой Европы и Северной Америки.

Достижение кантовского «вечного мира» в этой части планеты означало бы полное преодоление конфронтации и исключение возврата к идеям и практикам холодной войны. Гарантировало бы безопасность и территориальную целостность всех государств СБСЕ (ОБСЕ). Прежние военные блоки утратили бы свое значение и назначение, были бы реформированы или вовсе распущены. Возникла бы единая система европейской безопасности во главе со структурами ОБСЕ в более широких рамках ООН.

Для успеха Парижской хартии и мирного порядка, на ней основанного, были необходимы: а) победа перестройки в СССР и, возможно, сохранение самого Союза в новой правовой и демократической форме; б) соблюдение всеми государствами требований Хартии применительно к их внутренней и внешней политике.

Оба условия оказались невыполнимыми. В 1991 году развалился СССР, тогда же стартовал распад Югославии, продолжительный и кровавый. Что касается выполнения внутривнутриполитических критериев Парижской хартии, то большинство из 15 государств, образовавшихся на пространстве бывшего

СССР, тотчас или позже отказались от первого же необходимого критерия — демократии и прав человека, без реализации которого идеал единой Европы неосуществим.

Михаил Горбачев был полон решимости довести перестройку и утверждение во всем мире нового политического мышления до конца. Но не сумел справиться с разрушительными процессами внутри СССР. Крах советского реформатора и страны, им возглавляемой, не поставил крест на идеалах и требованиях Парижской хартии, но поставил их в зависимость от судьбы и поведения новых субъектов мировой политики — России и других постсоветских государств. И от поведения Запада.

Возможно, крах СССР и политическое поражение Горбачева можно было бы предотвратить, если бы тогдашние лидеры Запада сумели оценить огромную важность проекта перестройки для мира и самого Запада. Если бы существенно поддержали реформы в СССР и облегчили процессы формирования там демократии и рыночной экономики. Преобразованный СССР мог бы соответствовать основным требованиям Парижской хартии: демократия, рыночная экономика, стремление к неделимой равной безопасности на основе доверия.

Однако «западные лидеры не были готовы помочь Горбачеву, когда началась дезинтеграция Советского Союза. <...> Получался замкнутый круг: Запад боялся и не хотел падения СССР, но и не был готов вложиться ни в его сохранение, ни в его реформирование». В июле 1991 года, за полгода до краха Советского Союза, Горбачев впервые приехал на встречу «Большой семерки» в Лондоне и настойчиво просил о срочной помощи в проведении реформ. Однако лидеры Запада (прежде всего президент США Дж. Буш-старший) проявили непонимание, равнодушие и отказали ему в этом. У Запада в начале 1990-х не оказалось идей, тем более плана по работе с необычайными переменами, происходящими в Москве¹⁴.

Сегодня невозможно оценить, какими были бы реальные шансы успеха перестройки в СССР в случае своевременной и масштабной помощи Горбачеву. Вполне возможно, что проблемы при распаде советской империи, включая национальные, экономические и политические, были столь велики, что никакая помощь извне, даже продуманная и щедрая, не помогла бы излечить патологии ленинско-сталинского детища. Однако ясно, что только успех перестройки обеспечил бы победу нового политического мышления. Лишь политическая победа Горбачева и его реформ привела бы к созданию в СССР политической, общественной и экономической системы, комплиментарной с западной и закладывающей основу для подлинного доверия, сотрудничества и, возможно, даже союзничества.

Исторический шанс упустили все. Михаил Горбачев не справился с внутренними проблемами. А Запад не смог оказать на высоте положения, последовательно содействуя революционным преобразованиям в СССР.

Внутреннюю и внешнюю политику СССР двигали смелые идеи М. Горбачева о перестройке и новом мышлении. Эти идеи и замечательная энергия советского лидера за семь лет преобразили СССР, Европу и мир. Человечество заговорило не на циничном деловом языке реализма, но на языке перестройки. Демократия, права человека, разоружение, доверие, общие интересы, сотрудничество, отказ от конфронтации и антагонизмов, деидеологизация международных отношений, сдача в архив игр с нулевой суммой — поистине новое мышление вдохновило и позитивно преобразило человечество.

Перестройка и новое политическое мышление открывали принципиально иную перспективу — отказ СССР, включая Россию, от большевистской монополии на власть и истину, от диктатуры внутри и мессианской экспансии вовне. Подобная возможность появилась впервые после прихода большевиков

к власти в 1917 году. Появился шанс на формирование в СССР совершенно новой общественно-политической системы, основанной на свободе выбора, правах человека и верховенстве права.

Однако история пошла другим путем.

При всей смелости и великолепии мировоззрение и политическая программа Горбачева и его команды оставались внутренне противоречивыми. Не ставился под сомнение и поддерживался статус СССР как великой державы, равновеликой США. При декларировании общечеловеческого интереса, общечеловеческих ценностей и собственных обязательств по соблюдению демократических норм в то же время говорилось о праве всех наций на специфические модели развития, об идеологическом плюрализме, о продолжении движения Советского Союза по социалистическому пути. В одно и то же время постулировалось принятие общечеловеческих ценностей и продолжение особого пути развития СССР.

Вера Горбачева в социализм означала, что он не просто остается марксистом, но верит в преимущества социалистического пути развития в сравнении с капиталистическим.

Маловероятно, чтобы одобренный принцип самоопределения, свободы выбора равным образом распространялся Горбачевым на народы СССР (кроме, возможно, трех Прибалтийских республик). Горбачев всеми силами стремился сохранить Советский Союз, пусть и качественно обновленный.

Внешняя политика СССР оставалась универсальной и глобальной, затрагивая все регионы мира. СССР отступил, но ниоткуда не ушел окончательно. Новое политическое мышление рассматривалось в Кремле как новая идеология, пришедшая на замену сталинско-брежневской и способная по-прежнему обеспечить лидерство СССР в мировых делах. Мессианство оставалось важной чертой перестройки и нового мышления¹⁵.

Принцип «равной и неделимой безопасности» также понимался в Москве и западных столицах неодинаково. Для Кремля он означал самоочевидную симметрию действий, равноправие и обязательный учет мнения Москвы, близкий по смыслу к праву вето. В ответ на роспуск Варшавского договора в июле 1991 года ожидалось если не расформирование НАТО, то его демилитаризация, превращение в политическую организацию. И уж конечно, не последовавшее расширение НАТО на восток.

На Западе же делали акцент на положении Парижской хартии о «полном уважении сохраняющейся за каждым свободой выбора в этой области» (области безопасности). Согласно такой трактовке, страны Центральной и Восточной Европы, преобразуясь в демократические правовые государства и присоединяясь к ЕС и НАТО, не только не нарушали положения Хартии, но, напротив, точно соблюдали ее букву и дух, не создавая при этом никаких угроз для соседей, включая СССР/Россию.

Как можно видеть, даже в глубоко преобразованном новым политическим мышлением виде ключевые темы советской/российской идентичности и политики — величие, превосходство национальной модели, особый путь, глобальные амбиции, особые права на имперском пространстве — сохраняли свое присутствие и политическое значение.

Дальнейший политический выбор относительно путей развития и внешнеполитического поведения предстояло сделать руководству и народу Российской Федерации, выделившейся из состава упраздненного СССР в декабре 1991 года.

Примечания

- ¹ Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004.
- ² Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Издательство политической литературы, 1988. С. 2.
- ³ Там же. С. 13.
- ⁴ Прекрасное описание системных проблем СССР накануне перестройки и осознания этого частью высшего руководства страны см.: Grachev A. Gorbachev's Gamble. Soviet Foreign Policy and the End of the Cold War. Cambridge: Polity, 2008. Chap. 1. P. 9–42.
- ⁵ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление... С. 2–4.
- ⁶ Там же. С. 32.
- ⁷ Аганбегян А. Воспоминания о перестройке М. Горбачева. В кн.: Горбачев. Урок свободы. Сборник статей / Отв. ред. Р. С. Гринберг. М.: Изд-во «Весь Мир», 2021. С. 23.
- ⁸ Выступление М. С. Горбачева в Организации Объединенных Наций 7 декабря 1988 г.
https://www.gorby.ru/userfiles/file/vystuplenie_v_oon.pdf
- ⁹ Грачев А. Грандиозное дело. В кн.: Горбачев. Урок свободы. Сборник статей / Отв. ред. Р. С. Гринберг. М.: Изд-во «Весь Мир», 2021. С. 132.
- ¹⁰ Адамишин А. Сама судьба поощряет Вас, Михаил Сергеевич. В кн.: Горбачев. Урок свободы. Сборник статей / Отв. ред. Р. С. Гринберг. М.: Изд-во «Весь Мир», 2021. С. 28.
- ¹¹ Там же. С. 29.
- ¹² Парижская хартия для новой Европы, 19–21 ноября 1990 г.
<https://www.osce.org/files/f/documents/3/4/39520.pdf>
- ¹³ Адамишин А. Сама судьба поощряет Вас... С. 29.
- ¹⁴ Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2010. С. 18–19.
- ¹⁵ Grachev A. Gorbachev's Gamble... P. 233.

Глава 4

Борис Ельцин — курс на радикальные реформы и тесную дружбу с Западом (1991–1995)

Борис Ельцин стал первым всенародно избранным главой России (тогда еще союзной республики в составе СССР) 12 июня 1991 года. Его политическая звезда начала восходить в 1987 году. Тогда первый секретарь партийного комитета Москвы и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС встал на путь внутрипартийной оппозиции, все более резко и публично критикуя методы и медленные темпы перестройки. К 1991 году Ельцин превратился в самого популярного политика России и СССР, а смелое и победоносное противостояние с антигорбачевскими путчистами в Москве в августе 1991 года вознесло его славу на недостижимую высоту.

После подавления августовского путча сторонников реставрации прежнего СССР Ельцин немедленно запретил деятельность КПСС в России и национализировал обширное партийное имущество. Тогда же Съезд народных депутатов России наделил его чрезвычайными исполнительными полномочиями. Ельцин принялся решительно и быстро перехватывать контроль над союзными министерствами. Михаил Горбачев после провала путча практически утратил реальные рычаги власти в СССР. 8 декабря 1991 года в Беловежской пуще в Беларуси лидеры трех советских союзных республик Б. Ельцин (Россия), Л. Кравчук (Украина), С. Шушкевич (Беларусь) подписали соглашение о прекращении существования СССР и о создании на его месте Содружества Независимых Государств (СНГ). 25 декабря президент СССР М. Горбачев сложил президентские полномочия. Завершилась история СССР, и началась история новой независимой России.

Борис Ельцин получил массовую поддержку и приобрел обширную власть, выдвинув радикальную политическую программу.

Политические обещания нового лидера носили популистский характер. Ельцин остро критиковал Горбачева за медлительность, нерешительность, непоследовательность, компромиссность. Этими качествами политики отца перестройки и нового политического мышления он объяснял провалы в экономике, дефицит товаров и продуктов.

Радикальная программа Бориса Ельцина и его сторонников в начале 1990-х годов сводилась к четырем главным позициям: 1) слом монополии на власть КПСС, решительная демократизация СССР и России; 2) быстрый переход к рыночной экономике, основанной на частной собственности; 3) роспуск тоталитарной советской империи, поддержка независимости бывших советских республик; 4) ориентация на дружбу с Западом как, с одной стороны, принципиальное отрицание советского периода конфронтации и советской системы государства и общества, принятие западной демократической модели, с другой — способ получения западной помощи для ускоренной модернизации.

В 1990–1991 годах программа Ельцина ложилась на благоприятную общественную почву. Провалы в экономике и всеобщий дефицит, карточная система распределения товаров и продуктов делали Горбачева и КПСС легкой мишенью для уничтожительной критики. Рыночная экономика рисовалась в дебатах волшебным средством для мгновенного разрешения экономических и социальных проблем. Республики СССР описывались как «сидящие на шее у России», идею избавления от них охотно поддерживали массы. Курс на Запад народ понимал, скорее всего, как способ приобщиться к западному типу потребления (товарное изобилие), а не к сообществу сложно организованных демократий и правовых государств.

Радикально-реформаторский дискурс Б. Ельцина, его команды и десятков миллионов сторонников был кратко сформулирован в инаугурационной речи первого российского президента 10 июля 1991 года. Приведу ее основные тезисы.

Радикальный разрыв с традицией диктатуры, переход к демократическому государству с подотчетностью властей народу. Ненасильственный, демократический, правовой способ движения вперед. В основе развития — человек, его права и свободы, предприимчивость.

Курс на радикальные реформы как основа политики: «Суть президентского курса — радикальные реформы».

Отказ от имперских амбиций: «Россия возвращается в мировое сообщество с чистыми помыслами для того, чтобы обрести друзей, а не врагов, наладить честные и цивилизованные отношения с государствами мира»¹.

В еще более резкой и отчетливой форме стратегический курс нового российского руководства был представлен в восторженно принятой на Западе речи Б. Ельцина перед обеими палатами Конгресса США (Вашингтон, 17 июня 1992 года).

На Капитолийском холме Б. Ельцин возвестил, что Россия навсегда сделала выбор в пользу свободы и демократии. Объявил, что эпоха конфронтации великих держав осталась позади: «Следующий день будет мирным!» Коммунистический идол рухнул навеки: «На нашей земле мы не дадим ему воскреснуть». Российский народ окончательно разрушил тоталитарную государственную машину.

Россия покончила с имперской политикой и первой признала новые независимые государства на пространстве бывшего СССР.

Ельцин сообщил сенаторам и конгрессменам, что после сокрушения коммунизма в России его главный политический приоритет — радикальные экономические и политические реформы в России. И предупредил Запад: в случае, если реформы

в России провалятся, Западу придется заплатить сотни миллиардов долларов, чтобы компенсировать эту потерю (в этом он оказался прав. — В. Р.).

Ельцин заверил американцев, что цель реформ — навсегда предотвратить возвращение тоталитарной диктатуры. Поэтому Россия просит США и весь Запад оказать всю возможную помощь в российских рыночных и демократических преобразованиях во имя создания «демократического мира». «Партнерство и дружба двух крупнейших демократических государств для укрепления демократии — это воистину великая цель!»

Президент подчеркнул: Россия никому больше не будет навязывать свою идеологию или образ жизни. Но сохранит свою индивидуальность.

В завершение энергичной речи Ельцин настойчиво призвал Запад всемерно помочь России с реформами. Призвал Запад еще раз открыть «второй фронт» (как было в годы Второй мировой войны), на этот раз для поддержки демократических и рыночных изменений в России².

В общем виде официальный дискурс первых лет независимой России включал в себя ключевые темы антикоммунизма, антиимпериализма, поддержки мирного роспуска СССР и признания независимости новых государств, децентрализации России в форме федерализации, приоритета радикальных рыночных и демократических реформ, ориентации на Запад с целью вхождения в круг ведущих демократий и получения необходимой поддержки реформ со стороны Запада.

Ошибочно трактовать, что часто делается, политический курс Б. Ельцина первых лет президентства как в чистом виде реформаторско-демократический и прозападный³. Такая трактовка упрощает и искажает реальную картину.

Антикоммунистическая и антисоветская одержимость Ельцина не означала его неприятия принципа сильной единоличной

власти. Вероятно, даже наоборот. Уже в бытность председателем Верховного Совета РСФСР (1990–1991) Ельцин небезуспешно сосредоточивал в своих руках все более значимую власть и успешно добивался непрерывного расширения властных полномочий. После разгрома августовского путча в 1991 году президент запросил и получил от российских депутатов чрезвычайные полномочия для проведения радикальных экономических реформ и политической стабилизации страны. Тогда же президент лично возглавил реформаторское правительство. Его первым заместителем, ответственным за реформы, стал Егор Гайдар.

Общую интенцию к сосредоточению основных рычагов власти в президентских руках Ельцин закрепил в первой российской Конституции, подготовленной в Кремле и принятой по итогам всенародного голосования 12 декабря 1993 года (после острого конфликта с парламентом, который был распущен и разогнан с помощью войск). Баланс властей в Конституции был намеренно сильно смещен в пользу главы государства. Конституция наделила президента Ельцина более широкими полномочиями, чем имелись у генерального секретаря и первого президента СССР Горбачева.

Если краткий турбулентный период с августа 1991 по сентябрь 1993 года чаще всего характеризуют как период двоевластия и острой схватки за власть между президентом Ельциным и Съездом народных депутатов России под руководством Р. Хасбулатова, то после разгрома съезда и принятия новой Конституции следует говорить об установлении в России сильного президентского режима с заметно ослабленным парламентом и судебной системой.

Лилия Шевцова небезосновательно считает 1993 год поворотным пунктом истории постсоветской России. «1993 год был годом принятия ельцинской конституции, которая создала каркас новой персоналистской власти»⁴. Впоследствии

авторитарные тенденции в российской внутренней политике лишь усиливались, что в период правления Путина привело к установлению поначалу авторитарного режима, а позднее — персоналистской диктатуры.

Авторитарные интенции, характерные для российского руководства с первых дней существования новой России, изначально ставили под сомнение прочность ориентации Москвы на вхождение в состав клуба ведущих демократических государств и следование высоким идеалам Парижской хартии.

Внешнеполитический курс Ельцина и его первого министра иностранных дел Андрея Козырева также нельзя трактовать как однозначно и безоговорочно прозападный. Курс в основном был ориентирован на тесное партнерство с Западом, но далеко не сводился к прозападному вектору. И уже тогда сопровождался заметными оговорками и ограничениями в отношениях с западными партнерами.

Ельцин и команда реформаторов не могли игнорировать общественные настроения и настроения элит, основанные на самовосприятии страны как великой державы с особой духовностью и культурой, особенным авторитетом и правами в мире. Как и наследие глубокого недоверия и даже враждебности по отношению к Западу, воспитанное десятилетиями идеологического противостояния.

Западное направление как основное направление внешних сношений естественным образом вытекало из ельцинских приоритетов — необходимости радикальных реформ, веры в демократию, пусть и понимаемую своеобразно. Модернизация требовала свободного доступа на мировые рынки, активного участия западных компаний и западного капитала в развитии страны. Россия находилась в отчаянном положении из-за громадного внешнего долга, незначительных доходов бюджета и валютных запасов, нуждалась в прямой финансово-экономической помощи Запада для спасения от коллапса

экономики и финансов. Курс на дружбу с Западом рассматривался в Москве как единственно правильный, безальтернативный и одновременно вынужденный.

Даже в таких непростых условиях Кремль резервировал для себя важные оговорки, необходимые для учета мнения недовольных и подозрительных слоев общества и кругов элиты. Это тем более имело политическое значение при сокрушительном падении рейтинга доверия Ельцину в первый же год радикальных экономических реформ (1992-й). Если в начале 1992 года рейтинг одобрения деятельности президента составлял около 70%, то к концу года гиперинфляция и разрыв хозяйственных связей понизили его до 50%. И далее рейтинг Ельцина продолжал в тенденции только снижаться: к середине 1995 года до 8%, а к концу его президентства в 1999 году и вовсе до 2%.

Стремясь сохранить массовую опору в обществе, удержать власть и по этим причинам чутко учитывая живучесть традиционных имперских, мессианских настроений, сознания национальной исключительности в обществе и элитах, Ельцин на всех этапах реформ в своих выступлениях и практической политике придерживался, пусть и в сглаженном виде, великодержавных мотивов.

Например, в уже цитированной президентской инаугурационной речи 1991 года, отвергая возврат к идеологическому диктату и гарантируя свободу совести, президент одновременно отметил «особое место» религии в духовном раскрепощении человека. Что было среди прочего отсылкой к желанию РПЦ и других традиционных религиозных организаций не только восстановиться после советских запретов и репрессий, но и занять влиятельное место в социуме и политической системе.

Инаугурационная речь выделяла особую роль русского народа: «Велик созидательный потенциал народов республики, русского народа». Подчеркивалась значимость «богатейшей

самобытной русской культуры, неустанной проповедницы добра, гуманизма и справедливости». Удивительная русская культура, «как и прежде, стремится постичь таинства человеческой души, связь времен и судеб». Да и величие России вовсе не было обойдено стороной: «Великая Россия поднимается с колен!»

Россия обязательно станет процветающим, демократическим, миролюбивым, правовым и суверенным государством. «И главная роль в этом *святом* [выделено мной. — В. Р.] деле будет принадлежать российскому народу!»⁵

23 апреля 1993 года Ельцин подписал подготовленную МИ-Дом А. Козырева первую российскую Концепцию внешней политики, полно отражавшую руководящие идеи и политические интересы Кремля того периода⁶. Этот во многом беспорядочный и эклектичный документ тем не менее позволяет понять идеологию и политические интересы Ельцина и команды реформаторов в первый ельцинский президентский срок (1991–1996).

Первым делом закреплялось представление о России как о *временно ослабленной, но великой державе*. Статус России как великой державы неоднократно подчеркивается в Концепции, соотносясь с наличием таких признаков, как ядерный статус, место и полномочия постоянного члена Совета Безопасности ООН, огромная территория, стратегическое геополитическое положение и др. Цель внешней политики, помимо возрождения России как демократического, свободного государства, — полноправное и естественное включение России «в мировое сообщество как великой державы с многовековой историей, уникальным геополитическим положением, достаточной военной мощью, значительным технологическим, интеллектуальным и этическим [так в тексте. — В. Р.] потенциалом».

Во-вторых, документ устанавливал преемственность нового политического мышления Горбачева в части завершения

холодной войны, отказа от конфронтации, разоружения, тесного сотрудничества в интересах мира и модернизации страны. Но тут же дистанцировался от него как от утопического и пораженного стереотипами двухблокового мышления. Вместо этого Концепция Ельцина — Козырева обещала *полный отказ от идеологизации внешней политики и старых стереотипов*, переход к защите исключительно национальных интересов через реальное взаимодействие с Западом, «а не шараханье от конфронтации к утопиям». Помимо национальных интересов, обещалось также отстаивание «*наших ценностей*» (без пояснения, о чем именно идет речь).

В-третьих, внешняя политика подчинялась центральной задаче демократических и особенно рыночных преобразований России. Исходя из приоритета радикальных реформ, выстраивалась иерархия внешнеполитических приоритетов Кремля: а) ближние соседи; б) высокоразвитые государства Запада; в) новые индустриальные страны в различных регионах мира.

В-четвертых, даже сразу после распада СССР и образования новой России в крайне тяжелой финансово-экономической ситуации политическое руководство страны определяло для России глобальную миссию: «обеспечение за Россией роли в мировом балансе влияния, в многосторонних процессах по регулированию мирового хозяйства и международных отношений, соответствующей статусу великой державы». Концепция ставила амбициозные задачи для российской дипломатии по всей планете, включив в себя отдельные разделы по СНГ, глобальной безопасности и разоружению, США, Европе, Азиатско-Тихоокеанскому региону, Южной и Западной Азии, Ближнему Востоку, Африке, Латинской Америке, реформе ООН и проч. Ясно, что большинство из этих задач остались в те годы на бумаге в силу общей слабости страны и недостатка ресурсов. Однако важно отметить интенцию: даже в годы наибольшей слабости и наиболее прочной ориентации на Запад

Москва не отказывалась от универсальных, глобальных притязаний. Пусть на этот раз на заявленной деидеологизированной основе, на основе защиты национальных интересов.

В-пятых, уже тогда именно политика на постсоветском пространстве была поставлена на первое место среди основных направлений внешнеполитической деятельности. Декларировалось прежде всего уважение суверенитета соседей, их территориальной целостности, нерушимости границ, равноправие в отношениях. Одновременно с этим Россия резервировала за собой особую ответственность за недопущение и разрешение конфликтов на постсоветском пространстве, проведение миротворческих операций под эгидой СНГ, ООН, СБСЕ и даже ЕС. Неотложной была названа задача защиты внешних границ СНГ. А также, что знаменательно, укрепления «единого военно-стратегического пространства».

Интересно также, что Концепция 1993 года указывала на то, что «ведущие демократические государства мира заинтересованы в обеспечении стабильности на геополитическом пространстве бывшего СССР и признают роль России и ее политики в поддержании такой стабильности, более того, сознают необходимость укрепления этой роли». Таким образом, уже в ту пору постулировалась особая роль и ответственность России за ситуацию на постсоветском пространстве, хоть и при гарантиях равноправия, суверенитета и территориальной целостности соседей. Само пространство бывшего СССР квалифицировалось как «геополитическое».

Анализ содержания Концепции-1993 и реальных действий России позволяет сделать вывод о том, что даже в начале 1990-х годов внешняя политика России не являлась в чистом виде прозападной, как чаще всего утверждается. Россия настаивала на своем великодержавном статусе. Заявляла о наличии интересов во всем мире, во всех регионах. Претендовала на участие в определении правил игры в мировой системе.

Считала себя вправе играть определяющую роль на постсоветском пространстве. А Конституция 1993 года учредила государственную систему, весьма отличную от западных образцов («особую»). Ключевые элементы устойчивой российской идентичности проявили себя с первых дней существования независимой России. Нет сомнений, что акценты переносились на радикальные рыночные реформы, демократизацию, союз с Западом. Но и традиционные советские/российские мотивы внутривластного и внешнеполитического мышления продолжали жить в элитах и народе. Что отражалось в доктринальных текстах и практической политике.

Первые годы Россия следовала курсу, определенному в Концепции Ельцина — Козырева. В современном российском внешнеполитическом дискурсе начало 1990-х описывается как время слабости, неоправданных уступок и неоправдавшихся надежд на тесное сотрудничество с Западом. Наивными объявляют расчеты объединиться с Западом на базе общих ценностей и даже возможность вступить в ЕС и НАТО. Звучат упреки в том, что российское руководство излишне ориентировалось и полагалось на Запад, забросив многих старых (советских) друзей и партнеров, лишив их привычной помощи. В том, что руководство России не противилось должным образом распаду Югославии и немедленно признало независимость вновь возникших там государств. В наивности — дескать, верили, что новый мировой порядок будет основан на принципах равенства, отказа от применения насилия, поощрения развития национальных моделей демократии и проч., а на деле «в Вашингтоне однозначно полагали, что именно США вышли победителями в противостоянии двух систем, подтвердили свою роль “вождя мировой демократии” и отныне имеют все основания определять тот формат международного порядка, который они сочтут соответствующим их взглядам и интересам». Ельцина и Козырева упрекают, если не обвиняют в

«сдаче» Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и чуть ли не в потакании продвижению концепции однополярного мира во главе с США. В непротивлении наращиванию присутствия США в Восточной Европе и других бывших зонах влияния СССР под лозунгами «расширения демократии»⁷.

Говорится и о том, что вместо дальновидного противодействия фронтальному наступлению Запада российское руководство близоруко проводило курс на сотрудничество с НАТО в военно-политической сфере и с ЕС в экономической. Внутренние демократические реформы рисуются сегодня как в немалой степени навязанные извне, осуждается вмешательство США во внутренние дела России (консультирование по вопросам экономических реформ, политического строя и проч.). В целом статус России в те годы оценивают как положение «послушного младшего партнера», неспособного противостоять вмешательству Запада в собственное внутреннее развитие и западному наступлению на традиционные сферы интересов России в Восточной Европе и на постсоветском пространстве⁸.

Одним словом, нынешний господствующий внешнеполитический дискурс оценивает внешнюю политику Ельцина — Козырева как слабую и ошибочную, не отвечающую национальным интересам России.

Преобладающая негативная оценка внешней политики Ельцина — Козырева в 1991–1996 годах является ретроспективной и доминирована ресоветизированным дискурсом, взявшим верх в 2000-е годы. Причем со всеми его основными мотивами: военно-политическое, цивилизационное и геополитическое противостояние с Западом, необходимость обороны от непрерывно расширяющегося НАТО, борьба с вмешательством во внутренние дела России, защита традиционных сфер интересов, Русского мира и проч.

Однако период начала 1990-х годов должен быть оценен высоко. При очевидной материальной слабости тогдашней России и громадном числе острейших проблем, с которыми она столкнулась, внешняя политика оказалась в целом адекватной, реалистичной, продуктивной во многих практических аспектах. Главное — она на практике способствовала созданию максимально благоприятных условий для модернизации страны. И в полной мере отвечала национальным интересам России.

Политическое руководство России во главе с Борисом Ельциным сумело добиться впечатляющих результатов.

Доверие в отношениях с бывшими противниками на Западе, достигнутое до этого М. Горбачевым, перешло к новой России, вставшей на путь демократии и реформ. В отношениях России и США продолжало сохранять силу новое политическое мышление. Это позволило России сразу и без проблем получить статус правопреемника СССР в Совете Безопасности ООН и других международных структурах, а немного позднее при поддержке США собрать на своей территории советское ядерное и стратегическое оружие. Россия сумела создать ситуацию практически полного отсутствия внешних военных угроз.

Страна при поддержке Запада вошла в состав ведущих международных организаций и учреждений, таких как МВФ, МБРР (1992), Совет Европы (1996). Были установлены прочные привилегированные отношения с США (сначала с администрацией Дж. Буша-старшего, потом Б. Клинтона). В 1993 году с США подписан Договор о дальнейшем сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). В 1994-м началось системное партнерство с НАТО. В том же году с ЕС достигнуто политически и экономически важное Соглашение о партнерстве и сотрудничестве.

В рамках СНГ был подготовлен и принят Договор о коллективной безопасности (1992). Россия сыграла ключевую или

значимую роль в охлаждении, урегулировании или замораживании конфликтов на территории бывшего СССР — в Приднестровье, Южной Осетии, Абхазии, Таджикистане, Закавказье, а также на территории бывшей Югославии. В силу высокого доверия России сами постсоветские государства и весь мир восприняли это в основном позитивно. Мало кто усматривал в миротворческих усилиях России имперские устремления или попытки закрепить за собой «сферы интересов». Действия совершались прозрачно и в рамках международного права. Важная и конструктивная роль Москвы на постсоветском пространстве в целом не оспаривалась и даже поощрялась Западом.

В результате удалось согласованно с партнерами стабилизировать пространство СНГ, институционализировать связи и отношения с его государствами. С большинством стран Содружества были налажены хорошие, конструктивные отношения, включая Украину. Россия сумела добиться сохранения военного присутствия (базы и технические объекты) в ряде важных для обеспечения ее безопасности и профилактики конфликтов регионов — в Армении, Азербайджане, Грузии, Молдове, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане. А также договорилась с Украиной о долгосрочном базировании российского Черноморского флота в Севастополе. Удалось частично восстановить порушенные экономические и торговые связи на просторах СНГ.

Были сделаны серьезные шаги в налаживании отношений с азиатскими странами, прежде всего с Китаем, Японией, Южной Кореей.

Западная помощь российским реформам поступала все более масштабно, куда быстрее и охотнее, чем Горбачеву. После некоторой заминки на рубеже 1991–1992 годов западные лидеры принялись наращивать объемы помощи и отлаживать механизмы этой помощи. Наиболее активно выступали за это

Гельмут Коль (ФРГ), Джон Мейджор (Великобритания), бывший президент США Ричард Никсон. После избрания президентом США убежденным лидером поддержки российских реформ стал демократ Билл Клинтон. Россия начала получать многомиллиардную помощь по линии МВФ, Всемирного банка в финансировании дефицита бюджета, закупках продуктов и управлении огромным долгом, доставшимся от СССР. В середине 1990-х Россия превратилась в крупнейшего заемщика МВФ. Западные государства и организации консультировали российское правительство по вопросам экономических реформ и реформы государственного управления. Между США и Россией была сформирована эффективная межправительственная комиссия Гор — Черномырдин (вице-президент США и премьер-министр России). Она занималась наращиванием экономического сотрудничества и содействием реформам⁹.

Благодаря тесным связям с Западом и западному содействию реформам, а также решительным действиям первых реформаторских кабинетов министров (прежде всего команды Е. Гайдара и затем В. Черномырдина) за несколько первых лет новой государственности успешно созданы основы рыночной экономики и ее открытости миру, что явилось базой для быстрого экономического роста, начавшегося в конце 1990-х годов.

Избранная Ельциным политика радикальных преобразований выдвигала на первый план рыночные реформы, а не демократизацию и создание правового государства. Напротив, считалось, что только сильная президентская власть способна справиться со сложностями реформ, преодолеть сопротивление политических консерваторов и общества, удержать власть в бурных волнах рыночной «шоковой терапии». Так возникло парадоксальное сочетание стремительного продвижения капитализма в условиях если не авторитаризма, то сильно ограниченной демократии. Парламент и политические партии

оставались слабыми, судебная реформа, призванная создать независимую судебную систему, отложена на неопределенный срок. Армия, правоохранительные органы и спецслужбы остались практически unreформированными.

Такое положение дел противоречило заявленной цели движения к демократическому правовому государству современного типа и больше походило на модель авторитарной модернизации латиноамериканского или восточноазиатского толка. На то имелись политические причины. Почти с первых дней болезненные реформы встретились с сильнейшим общественным неприятием и сопротивлением со стороны политических противников Ельцина. Гиперинфляция 1992 года, задержки с выплатами зарплат и пенсий, резкое падение и без того низкого жизненного уровня, остановка предприятий дискредитировали реформы и реформаторов. Большинство в парламенте скоро перешло в оппозицию к президенту и его кабинетам. Депутаты все громче требовали отставки Е. Гайдара. Сильнейшей критике подвергался внешнеполитический курс Ельцина — Козырева. Его атаковали как курс чрезмерно прозападный, не отвечающий национальным интересам России, нередко даже как предательский.

Рубежными стали первые выборы нового парламента России — Государственной думы и Совета Федерации. Они состоялись 12 декабря 1993 года одновременно с голосованием по новой Конституции. Администрация Ельцина и правительство сформировали пропрезидентский либеральный предвыборный блок «Выбор России» во главе с Е. Гайдаром и помогли ему провести масштабную предвыборную кампанию. Ожидалось, что «Выбор России» победит на парламентских выборах и обеспечит Ельцину прочную опору в законодательном органе. Однако сенсационную победу одержали антиреформаторские силы. Лидером гонки стала ЛДПР скандального правого популиста В. Жириновского (23%). Лозунги Жириновского носили

реваншистский, националистический и имперский характер. Третье место заняли коммунисты Г. Зюганова с 12% голосов. Программа коммунистов сводилась к лозунгу реставрации СССР и вообще всего советского. Еще 8% получили близкие союзники КПРФ — Аграрная партия России, лоббисты государственной поддержки села и плановой экономики.

Таким образом, на первых же своих парламентских выборах Ельцин не смог справиться с силами, требовавшими вернуться к прошлому, прежде всего советскому и имперскому.

Пропрезидентские, демократические и либеральные силы («Выбор России» с 15,5%, «Женщины России» с 8,3%, «Яблоко» с 7,9%, ПРЕС с 6,7%, Демократическая партия России с 5,5%) получили в сумме 43,9% голосов. Противники реформ и курса на союз с Западом — 43,3%. Обозначился примерный паритет сторонников и противников радикальных реформ и приоритетных отношений с Западом. Президенту приходилось теперь иметь дело с сильным противодействием реформам в парламенте со стороны наиболее популярных политических партий. И куда заметнее соотносить свою внешнюю политику с переменившимися настроениями в стране и политическом классе.

Как констатирует сегодня ельцинский министр иностранных дел Андрей Козырев, «мы так и не стали демократической страной и недолго стремились оставаться настоящим, искренним союзником Запада. Оттого и не стали»¹⁰. Практически немедленно после неудачных парламентских выборов 1993 года, показавших быстрое разрушение базы поддержки Б. Ельцина, его внутривнутриполитического и внешнеполитического курса, стартовали корректировки внутренних реформ и внешней политики.

В январе 1994 года Егор Гайдар покинул пост министра экономики в правительстве В. Черномырдина и перешел на работу депутатом Государственной думы. Курс экономических

преобразований стал более осторожным, их темпы замедлились. По словам А. Козырева, «начиная с 1994 года Борис Николаевич целиком замкнулся на удержании власти, начал вести чисто оппортунистическую политику, и случился аппаратный реванш»¹¹.

Под ударами сокрушительной внутренней критики внешней политики Ельцин и Козырев принялись все чаще и громче обозначать несогласие с Западом. Так они старались упрочить политическое положение внутри страны, замедлить эрозию легитимности власти в глазах элит и населения. Тотчас после думских выборов А. Козырев заявил об изменении внешнеполитического курса Москвы в соответствии с выраженной на выборах волей избирателей. «Козырев провозгласил, что эти изменения будут включать объявление бывшего советского региона сферой российских жизненных интересов, а также продолжение военного присутствия в регионах, где Россия традиционно доминировала. Российские лидеры отказались также сотрудничать с НАТО». Москва отвергла поначалу участие в программе партнерства во имя мира с НАТО, которая создавалась с целью сохранения сотрудничества военных России и других посткоммунистических стран с военными альянса¹².

В ответ на решение Б. Клинтона о расширении НАТО на восток Европы, бывшую зону советского контроля, Москва (январь 1994 года) немедленно выразила свое несогласие. В дальнейшем противодействие расширению НАТО, утверждение восприятия альянса как непосредственной военной угрозы, осуждение расширения блока станут центральной темой российского антизападного нарратива. В декабре 1994-го на сессии СБСЕ Ельцин, выступая против расширения НАТО на восток, предупредил об опасности наступления «холодного мира» в Европе. Тогда же в речах и текстах Ельцина и Козырева впервые отчетливо зазвучали «геополитические» мотивы и аргументы¹³.

Утром 11 декабря 1994 года по решению Ельцина регулярные российские войска с трех сторон вошли в Республику Чечня, началась долгая и кровопролитная первая чеченская война. Она имела громадные последствия для внутренней и внешней политики России.

Внутри России Ельцин стремился демонстрацией силы и политической решимости укрепить политические позиции, пошатнувшиеся в результате непопулярных экономических реформ и ухудшения жизни россиян. Намеревался сыграть на националистических и имперских чувствах россиян, требующих защитить единство страны, наказать сепаратистов. Объединить общество «вокруг флага», добиться всплеска патриотизма и поддержки властей. Чеченская война вернула в центр национальной идентичности образы сильного государства, сильной армии, жестких силовых действий в ответ на угрозы суверенитету и целостности государства.

Во внешнем мире чеченская война подорвала авторитет и имидж России, породила серьезные сомнения в том, что страна продолжает двигаться по правильному пути. В частности, в ряде стран ЕС была заморожена ратификация недавно подписанного Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с Россией.

В 1994 году внешнеполитический курс Ельцина — Козырева изменился в сторону большего внимания и учета критики со стороны коммунистов, державников-имперцев и умеренных государственников. Оппоненты президента и его министра иностранных дел быстро усиливались политически на трудном фоне радикальных рыночных реформ, ухудшивших жизнь людей, и в условиях сокращения общественной поддержки президента и его курса. Несмотря на заметные корректировки политики, сердцевина политического курса Ельцина оставалась неизменной. Уступки критикам носили преимущественно тактический характер. Ельцин продолжал верить в союз с Западом для модернизации, оставаясь приверженным

ценностям демократии, антикоммунизма, рыночной экономики, свободы слова, федерализма. Политическая стратегия ельцинского Кремля по удержанию власти состояла все в том же жестком противопоставлении себя коммунистам (главной оппозиционной силе) как лидера реформ и гаранта невозврата к коммунистическому тоталитарному прошлому. Ельцинская стратегия оказалась успешной, позволив ему выиграть вторые президентские выборы у лидера коммунистов Г. Зюганова летом 1996 года. В целом в действиях Ельцина было немало оппортунизма и политического цинизма, но куда больше убежденности и решительности.

Несмотря на заметное изменение тональности внешнеполитических заявлений Кремля и негативно воспринятую на Западе войну в Чечне, тесное сотрудничество с Западом продолжалось. Весной 1995 года Москва возобновила диалог с НАТО и присоединилась к программе «Партнерство ради мира». В декабре 1994-го Россия участвовала в работе «Большой семерки». Критика действий Запада понималась в Москве как законное право бороться за национальные интересы и открыто заявлять позицию. Конфронтация с Западом отвергалась как противоречащая новым российским ценностям и курсу на модернизацию страны. Никакие из проводимых коррекций внешнеполитического курса «не проистекали из принципиальной переоценки стратегических убеждений, которые лежали в основе курса западников»¹⁴.

Внешняя политика Бориса Ельцина в первые годы президентства всецело определялась его убеждениями и политическими интересами в сложных условиях России после распада СССР.

Ельцин пришел к власти в жесткой борьбе с коммунистами и номенклатурой КПСС и воплощал собой отрицание всего коммунистического и советского. Его идеалом была великая демократическая Россия во главе с сильным всенародно

избранным президентом. В отношениях с Западом Ельцин видел себя мощным союзником США и Европы, полноправным участником передовой западной коалиции. Ельцин не воспринимал Запад как угрозу. Приоритетом президента являлось радикальное реформирование России — быстрая и всесторонняя модернизация страны при поддержке Запада. Курс на интеграцию с Западом не был прозападным — он был модернизационным.

Ельцин стремился преодолеть сильное сопротивление реформам внутри страны и верил, что сильная президентская власть необходима для преобразований и при этом совместима с демократией. В значительной мере это было так. Ельцин никогда не преследовал свободу слова и был искренне привержен идейному плюрализму, многопартийности, свободным выборам, федерализму и местному самоуправлению. Он уважал права и свободы человека. При нем не было политических репрессий и политзаключенных. В то же время президент дважды не остановился перед применением вооруженной силы: осенью 1993 года против парламента в Москве и зимой 1994-го в Чечне. Необыкновенную власть при нем обрели российские нувориши — олигархи, выросшие при поддержке самого государства.

Стратегия удержания власти Ельциным, согласно Конституции 1993 года, заключалась в создании сильной президентской власти, идеологическом и политическом противопоставлении себя коммунистам и советской системе, а также в расчете на быстрый материальный успех радикальных рыночных реформ. Эта политическая ставка, а вовсе не слабость России, как многие полагают, вместе с антикоммунистическими демократическими убеждениями предопределила стратегию политического и экономического союза с Западом.

Традиционные мотивы российской идентичности приобрели в этот период своеобразное звучание. Величие России

утверждалось как величие страны, победившей в себе коммунизм и вставшей вровень с великими демократиями Запада. Для успеха реформ требовалась особая модель демократии во главе с сильным президентом. Глобальные амбиции продолжали повестку нового политического мышления (глобальная безопасность, защита общих интересов, участие в разрешении конфликтов и проч.). Не было никаких сомнений в особой роли и ответственности России на постсоветском пространстве. Но в ту пору роль эта понималась исключительно как позитивная — помочь, уберечь от опасностей, купировать конфликты, обеспечить мирное становление новых независимых и дружественных государств.

Как и в случае с Горбачевым, столь многообещающая внешняя стратегия была подорвана внутренними факторами. Огромная социальная цена радикальных реформ, ухудшение жизни миллионов россиян сказались на поддержке реформаторов и дискредитировали реформы. Снижение доверия Ельцину наполнило паруса флотилий политической оппозиции, где в первых рядах оказались сторонники реставрации СССР (коммунисты) и имперцы-националисты (Жириновский). Коммунисты и имперцы атаковали с двух сторон Ельцина, Гайдара, Черномырдина и Козырева, отвергая и радикальные экономические реформы, и курс на союз с Западом. В этом же направлении подталкивали Кремль влиятельные государственники — представители высшей бюрократии, военно-промышленный и внешнеполитический истеблишмент. Это заставило Ельцина поменять состав правительства на более умеренный, тактически сменить внешнеполитическую риторику, отчасти переориентировать направления внешнеполитической активности на просторы СНГ, на Юг и Восток.

Тем не менее Борис Ельцин неизменно подтверждал приверженность курсу на реформы, прежде всего экономические, отвергал восстановление коммунистической советской модели

государства и оставался сторонником самого тесного сотрудничества с Западом, хотя и все чаще остро критиковал его действия.

Примечания

¹ Ельцин Б. Н. Текст выступления после принесения президентской клятвы 10 июля 1991 г. <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/9678>

² Выступление президента России Б. Н. Ельцина в Конгрессе США 17 июня 1992 г. <https://theblueprint.ru/culture/history/elcin-kongress-speech>

³ Например, А. Сергунин пишет, что в 1991–1992 гг. «ельцинская внешняя политика была в чистом виде прозападной»: Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior: Theory and Practice. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2016. P. 84.

⁴ Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2010. С. 15.

⁵ <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/9678>

⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Распоряжением Президента РФ Б. Н. Ельцина от 23 апреля 1993 г. <https://www.russiamatters.org/sites/default/files/media/files/1993%20Foreign%20Policy%20Strategy%20RUS.pdf>

⁷ Внешняя политика России. 1991–2016: колл. монография / Под общ. ред. акад. А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 23–30.

⁸ Там же. С. 31–32.

⁹ Шевцова Л. Одинокая держава... С. 23–29.

¹⁰ Андрей Козырев: настоящий камикадзе: интервью А. Коха и П. Авена с Андреем Козыревым // Форбс. 2011. 28 сент. <https://www.forbes.ru/ekonomika/lyudi/74501-andrei-kozyrev-nastoyashchii-kamikadze>

¹¹ Там же.

¹² Tsygankov Andrei P. Russia's foreign policy: change and continuity in national identity. 3rd edition. Rowman and Littlefield Publishers, 2013. P. 79.

¹³ Tsygankov Andrei P. Russia's foreign policy... P. 70.

¹⁴ Ibid. P. 79.

Глава 5

Курс на многополярный мир. Начало стратегического расхождения с Западом (1996–1999)

Как я отмечал выше, российская внешняя политика начала заметно меняться после болезненной неудачи Ельцина и реформаторов на первых выборах в Государственную думу в декабре 1993 года. Под растущим давлением коммунистов, националистов и влиятельных государственников политика Кремля преображалась во все более государственническую. То есть более критическую (но не конфронтационную) по отношению к Западу, активную на пространстве бывшего СССР, нацеленную на выстраивание более тесных отношений с государствами на Глобальном Востоке и Юге.

Второе послание Федеральному собранию, с которым Б. Ельцин выступил в феврале 1995 года, отразило эти изменения. Само название документа «О действенности государственной власти в России» отсылало к любимым идеям государственников. Если послание 1994 года делало основное ударение на демократических реформах, правах человека и свободах, то послание-1995, оглашенное в условиях разгара первой чеченской войны, — на *укреплении государства*.

Во внешнеполитическом разделе послания-1995 появился новый нарратив, получивший дальнейшее развитие в будущем. Раздел готовился прежде всего МИДом во главе с А. Козыревым и отразил эволюцию взглядов и политических интересов как Кремля, так и Смоленского бульвара.

Впервые из уст президента прозвучали обвинения в адрес неназванных «сил за рубежом», «которые опасаются восстановления могущества России на основе демократического рыночного реформирования». Эти неназванные силы не

отказываются от соблазна потеснить Россию «с исторических рубежей», «принизить международную роль нашей страны». Они же пытаются помешать интеграционным процессам на территории СНГ. В то же время центральная задача внешней политики формулировалась Кремлем и МИДом по-прежнему — содействие внутреннему развитию и достижение достойного места среди наиболее развитых стран мира. Приоритетность модернизации и, соответственно, тесного партнерства с Западом, интеграции в мировые рынки, международные организации и институты под сомнение не ставилась.

Заявлялась важная глобальная и региональная роль России, ее ответственность за процессы миротворчества, прежде всего на территории СНГ. Президент призвал активнее противостоять «двойным стандартам» при урегулировании конфликтов на территории СНГ. Впоследствии критика «двойных стандартов» в адрес Запада по самому широкому кругу вопросов станет общим местом в российском внешнеполитическом дискурсе.

Намечалась более активная политика на пространстве СНГ. Как в части стимулирования процессов экономической интеграции, так и «защиты соотечественников за рубежом» (одно из основных требований российских националистов и коммунистов).

При оценке отношений с Европой и Западом в целом впервые прозвучал упрек в сохранении на Западе «блокового мышления». Предлагалось обеспечить единство Европы посредством утверждения за ОБСЕ центральной роли в обеспечении европейской безопасности.

Впервые в центр внимания России попало грядущее расширение НАТО на восток. Оно трактовалось как попытка «некоторых сил на Западе» перегруппировать влияние в Евро-Атлантическом регионе. Это может «объективно привести к изоляции России». Идея, что расширение НАТО является

негативным для России перераспределением влияния в Европе и ведет к изоляции России, стала впоследствии господствующей в российском внешнеполитическом мышлении. Здесь же явилась и ключевая мысль о «расколе континента» как вероятном результате расширения НАТО. Вместо этого Ельцин предложил притормозить расширение НАТО и развивать активное партнерство с участием Москвы. Главная озабоченность России выражалась ясно — страх изоляции¹.

Между тем 1994–1995 годы характеризовались продолжающимся глубоким кризисом экономики и социальной сферы. Общественная поддержка президента Ельцина и его правительства падала. Результаты вторых выборов в Государственную думу в декабре 1995 года оказались для реформаторов еще хуже, чем первые.

Либеральные и реформаторские партии («Наш дом — Россия», «Яблоко») сумели получить вместе лишь 17% голосов. Партия Е. Гайдара с менее чем 4% поддержки вовсе не попала в парламент. Их коммунистические и националистические оппоненты, построившие свои кампании на уничтожающей критике реформ и лозунгах возрождения советского строя или империи (КПРФ и ЛДПР), взяли в сумме 46% от голосов избирателей. Большинство в парламенте оказалось в руках лево-националистической оппозиции курсу президента. Победившая оппозиция, помимо отказа от либеральных реформ, потребовала немедленной отставки А. Козырева и прекращения политики тесного партнерства с Западом.

Летом 1996 года Ельцину предстояло вести тяжелую предвыборную кампанию за право остаться в Кремле на второй президентский срок. Его основными оппонентами выступали популярный лидер коммунистов Г. Зюганов и глава ЛДПР В. Жириновский. В столь опасной политической ситуации Ельцин не мог не отреагировать на преобладающие в обществе настроения в отношении курса на союз с Западом и по вопросам

внутренней политики. Под давлением оппозиции и критиков внутри государственного аппарата он отправил в отставку с поста главы МИДа либерала Андрея Козырева и назначил на этот пост Евгения Примакова, имевшего репутацию твердого государственника и возглавлявшего в это время СВР (Службу внешней разведки России). Примаков казался на тот момент идеальной фигурой и для Ельцина, и для рассерженного общества. Он сочетал в себе огромный опыт государственной службы на высоком уровне, качества интеллектуала мирового класса и одновременно силовика. 9 января 1996 года, за полгода до президентских выборов, Е. Примаков был назначен вторым министром иностранных дел России.

Стоит отметить, что применительно к 1990-м годам еще нельзя говорить о наличии общенационального консенсуса по вопросам национальной идентичности, отношения к реформам, внешнеполитической ориентации России. Велась острая борьба различных идеологий, нарративов и научных подходов.

После распада СССР и отмены идеологической цензуры расцвело множество различных школ международных отношений. Все они по-разному определяли культурную и цивилизационную принадлежность России, ее национальные интересы, стратегию реформ и место России в мировой системе. Каждая из школ предлагала свою теоретическую основу для выработки внешней политики, собственные ответы на вопросы, касающиеся международной системы, сложившейся после окончания холодной войны, нового мирового порядка, глобализации и роли международных организаций, национальной безопасности, разоружения, места России в мире и приоритетов ее внешней политики².

А. Сергунин насчитывает целых 10 основных школ международных отношений в России 1990-х годов. Это атлантисты (западники), евразийцы, державники (или государственники), реалисты, геополитики, либералы-идеалисты, глобалисты,

социал-демократы, правые радикалы и постпозитивисты³. Богатство школ и подходов отражало огромное разнообразие внешнеполитической мысли, многое заимствовавшее из отечественной интеллектуальной традиции и с Запада.

Разнообразные течения политики и мысли участвовали в интенсивных внешнеполитических и внутривнутриполитических дебатах, стремясь приобрести влияние на внешнюю и внутреннюю политику. Важно отметить, что если в первые годы новой России наибольшее политическое воздействие на внешнюю политику государства имели атлантисты и либералы-идеалисты, то с середины 1990-х наступило время реалистов, державников, евразийцев и геополитиков, чьи идеи в чистом виде или их отдельные компоненты, воспринятые политиками, начали определять внешнюю политику. В свою очередь, успех идей, ориентированных на дистанцирование или даже прямое соперничество с Западом, возвращение контроля над постсоветским пространством, отрицание либеральной модели внутреннего развития, утверждение великодержавного и глобального статуса России, объяснялся тем, что эти идеи получали наибольшую общественную поддержку и определяли исход выборов в условиях демократии 1990-х годов (когда выборы были еще по большей части свободными и конкурентными).

К концу 1990-х в результате дискуссий и политического выбора руководства страны, в значительной степени продиктованного ходом политической борьбы и динамикой массовых настроений, в основном сложился внешнеполитический консенсус, кратко суммированный А. Сергуниным. Идеологической и теоретической основой российской внешней политики выступали теперь реализм и геополитика. Приоритет отдавался отныне национальным интересам, а не общечеловеческим интересам и ценностям. Россия полагала себя великой державой с весомым голосом в мировых делах. Россия не должна была преследовать чрезмерно амбициозных внешнеполитических

целей, если в этом не было необходимости с точки зрения задач внутреннего развития. Главный национальный интерес состоит в защите безопасности и территориальной целостности страны. Россия не должна делать выбор между Западом и Востоком. Ей следует сотрудничать со всеми странами и регионами мира. Ближнее зарубежье (постсоветское пространство) является главным внешнеполитическим приоритетом. Здесь Россия имеет особые геополитические, стратегические, экономические и гуманитарные интересы. Она должна быть признана в качестве бессменного лидера данного пространства. Россия должна сопротивляться американскому унитаризму и в то же время сотрудничать с США в сферах совпадающих интересов. В отношениях с Западом следует быть более настойчивыми в защите своих интересов. Не следует бояться разногласий, допустимо возражать Западу по жизненно важным вопросам. Следует более реалистично оценивать намерения Запада в отношении России, в особенности по поводу действительной готовности Запада принять Россию в свои экономические, политические и военные институты⁴.

Формирование внешнеполитического консенсуса явилось результатом внутреннего политического и идейного развития. Болезненные и малоудачные во многих отношениях реформы подрывали кредит доверия реформаторам во главе с Ельциным. Первые же два цикла парламентских выборов (1993 и 1995 гг.) привели к победе антиреформаторских сил советского и имперско-националистического толка. Оппоненты не только обрушивались с критикой на реформаторов экономики, но и обвиняли внешнеполитический блок правительства в сдаче Западу российских национальных интересов. Масштабную помощь Запада российским реформам критики игнорировали или оценивали как прямо вредящую России — ведь, несмотря на щедрую западную помощь, жизнь россиян становилась год от года только хуже.

Борис Ельцин и его команда сохраняли демократические убеждения и стремились следовать им в своей внутренней политике (хоть и далеко не в полной мере), однако политический интерес к сохранению власти требовал существенной корректировки внешней политики изменением риторики и конкретными действиями. Оппозиция и значительная часть народа требовали от Кремля вести себя, как подобает великой державе, при необходимости решительно оппонировать Западу и настойчиво возрождать влияние Москвы на постсоветском пространстве.

Соответствующий качественный поворот в российской внешней политике осуществил и теоретически обосновал Е. Примаков. Весь жизненный путь создал ему заслуженную репутацию твердого и мудрого государственника (арабист, корреспондент «Правды» в арабских странах, успешный глава академического института, влиятельный советник Горбачева и председатель палаты Верховного Совета СССР, глава Службы внешней разведки России). Его влияние на формирование советского и российского внешнеполитического курса было значительным задолго до назначения его министром иностранных дел, а после получения этого поста и затем поста премьер-министра России (1998–1999) стало определяющим. Стратегический курс, обоснованный и реализованный Примаковым, воплощался в жизнь вплоть до 2007–2008 годов, он сохраняет влияние и по сей день.

Сам Примаков определяет себя как государственник. Этим он противопоставлял себя либералам (или псевдолибералам, как их часто именует Примаков). Если для либералов главным являются рыночные и демократические реформы (модернизация), требующие для своего успеха тесного союза с демократическими странами Запада, то для государственников приоритетны национальные интересы России. Национальные интересы важнее реформ и универсальных ценностей, даже

важнее конституционных прав граждан. Необходимо сохранить единство и территориальную целостность России, добиться свободы рук во внутренних и внешних делах, гарантировать великодержавный статус России, всемерно укрепить государственную власть. Государственники вовсе не склонны к утверждению «естественной природы» конфронтации с Западом и другими центрами силы. Однако они не считают необходимым особо считаться с критикой со стороны российской внутренней политики и готовы вступать в противоречия с внешними силами, если того потребуют национальные интересы.

Внешняя политика Е. Примакова развила тенденцию к дистанцированию от Запада, росту несогласия с ним, постановке более амбициозных целей на постсоветском пространстве и в мире в целом. Однако примаковская политика не была лишь эволюционным продолжением позднекозыревского курса. Она была принципиально новой. Россия отказывалась от идеи политической интеграции с Западом и в западные институты (резервируя особую позицию в институтах, куда уже успела войти) и провозглашала новый курс — на стратегическую самостоятельность и многополярный мир. Мир, в котором великая Россия будет играть роль самостоятельного полюса, отдельного центра силы.

Концепция *многополярного мира*, или баланса великих держав, предложенная Е. Примаковым в качестве фундамента российской внешней политики, основательно отличалась как от подхода предшествующего периода, так и от советской политики. Если ельцинско-козыревский курс на интеграцию с развитыми демократиями был нацелен прежде всего и даже исключительно на всестороннюю модернизацию России, а советская политика подчинялась задаче подготовки победы коммунизма во всем мире, то политика Примакова несколько понизила значимость приоритета модернизации страны и отвергла

амбиции всемирного торжества московской модели общества и мироустройства. Целью нового курса стало утверждение великодержавного статуса России и аккуратная балансировка глобальной мощи и «диктата» США. Тем самым внешняя политика была частично отделена от задач внутреннего развития и приобрела самоценный характер (как в СССР). Это означало, что если для утверждения великодержавного статуса потребуются в какой-то момент пожертвовать частью интересов внутреннего развития, то на подобную жертву следовало идти без колебаний. Последнее частично возрождало советский подход, когда для достижения глобальных или региональных целей тратились в ущерб решению внутренних огромные ресурсы.

Восторжествовавшие идеи реализма и геополитики возвращали российскую внешнюю политику к подходам прежних десятилетий со всеми сопутствующими концептами баланса сил, сфер интересов, строительства альянсов и коалиций. Идеи величия России, балансирования мощи США и Запада, особых интересов на постимперском пространстве, геополитической и евразийской специфики Российского государства, свободы рук во внутренних делах, отвержения западных либеральных ценностей как нормативных, сближения с великими державами Востока и Юга отражали собственное мировоззрение Примакова (государственников) и успешно резонировали с массовыми настроениями разочарованных либеральными реформами россиян. Примаков быстро приобрел большую популярность в народе как выдающийся государственный и истинный защитник национальных интересов. Это подпитывало его политические амбиции, пусть публично и отрицаемые. Президент Ельцин, чутко реагирующий на внутренние политические вызовы и смены общественных настроений, в существенной степени тоже воспринял новый политический язык и новую политику, за что Козырев позже упрекал его в «оппортунизме».

Примаковская политика сама по себе не вела неизбежно к конфронтации с Западом. Примаков последовательно и решительно отвергал конфронтацию как контрпродуктивную. Для него очевидной была необходимость содержательного партнерства с Западом для продолжения внутренних реформ и совместного решения многочисленных международных проблем.

Однако нельзя не заметить, что зерна будущей конфронтации изначально были заложены в его идеологическом подходе. Ведь если главная задача внешней политики состоит в сопротивлении гегемонии США и Запада, в утверждении великодержавного статуса России как самоцели, в активной защите «законных» интересов Москвы на постсоветском пространстве, то нельзя не видеть, что эти задачи не связаны напрямую с проектом российской модернизации и, более того, на практике нередко вынуждают жертвовать модернизацией ради достижения внешнеполитических триумфов. К тому же великодержавное балансирование и противостояние гегемонии требуют каждодневной демонстрации на самых разных «игровых полях». Сама логика балансирования содержит в себе принцип соперничества, от которого до противостояния и конфронтации не так далеко.

Заняв кабинет главы российского МИДа, Е. Примаков при выработке ответов на вызовы, стоящие перед Россией, предложил оригинальную внешнеполитическую доктрину, незамедлительно воплощенную в конкретных действиях. Во-первых, Примаков отверг прежний курс Ельцина — Козырева на интеграцию с Большим Западом «на правах второразрядной державы», проигравшей в холодной войне. Последовал отказ от прежней центральной цели — любыми средствами добиться стратегического политического союза с «цивилизованными» странами для успеха модернизации. Во-вторых, при этом следовало избегать конфронтации и строить равноправные

партнерские отношения со всеми странами, не только с западными, искать и находить поля совпадающих интересов и заниматься ими совместно. Там же, где интересы не совпадают, «найти такие решения, которые, с одной стороны, не приносят в жертву жизненно важные для России интересы и, с другой, не приводят к соскальзыванию к конфронтации». В-третьих, проводить активную внешнюю политику во всех регионах мира, даже если Россия испытывает дефицит материальных ресурсов для этого. По мнению Примакова, активная внешняя политика как раз необходима для успеха внутренних преобразований⁵.

Россия заявляла о наличии постоянных национальных интересов (прежде всего жизненно важных), далеко не всегда совпадающих с интересами Запада. О готовности твердо их отстаивать, не впадая при этом в конфронтацию и стремясь всякий раз найти компромиссные решения. А также о необходимости активной внешней многовекторной политики с целью обеспечить успешное внутреннее развитие. Новая философия быстро сформировала новую внешнюю политику, умело руководимую Примаковым.

Центральным спорным вопросом стало расширение НАТО на восток, на территорию бывшего Варшавского договора в Центральной и Восточной Европе.

Примаков с первых дней подтвердил твердое несогласие России с расширением блока. Основным аргументом стало то, что «само приближение НАТО к российским границам создает совершенно новую, крайне невыгодную для нас военно-политическую и геополитическую ситуацию»⁶. Москва восприняла решение о расширении блока как сигнал, что с Россией «решили не считаться». Такую позицию Примаков занял еще в 1993 году; в ту пору он возглавлял СВР. Озвученный мотив — обман со стороны Запада — был очень сильным, Примаков даже собрал досье из обещаний западных политиков, сделанных в разное время, не расширять альянс⁷.

Следуя своим руководящим принципам, Примаков предложил среднее, компромиссное решение. Избежать конфронтации с Западом в ответ на расширение НАТО, не соглашаться безвольно с ним как с неизбежностью, но найти способ воздействовать на процесс расширения с целью минимизировать негативные для России последствия.

Результатом сложных длительных переговоров, в которых Примаков сыграл выдающуюся роль, стало подписание 27 мая 1997 года *Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Россией и НАТО*. Был учрежден Совместный постоянный Совет Россия — НАТО для обеспечения регулярного диалога и практического сотрудничества. Основополагающий акт получил юридически обязывающий характер, альянс обязался не размещать значимые военные силы и ядерное оружие в новых странах-членах. Это был крупнейший успех Примакова, в полной мере отражавший его стратегию настойчивой борьбы за национальные интересы (как их понимали в Кремле) без сползания в конфронтацию.

Уже тогда Примаков, представляя позицию России, резервировал за Москвой «красные линии», переход которых со стороны Запада «чреват осложнениями». Речь шла о перспективе принятия в НАТО бывших республик СССР, особенно Украины и Грузии⁸. Тем самым вновь и вновь постулировались особые интересы и права России на постсоветском пространстве; не учитывая их, действия Запада могли в перспективе привести к конфликту и даже конфронтации.

Следуя общей установке на твердое отстаивание национальных интересов, противодействие скатыванию к конфронтации и проведение ради внутреннего развития активной внешней политики, Примаков развил большую активность на всех направлениях. При решении острых международных проблем Россия не отказывалась в принципе от возможности применения силы и санкций в отношении грубых нарушителей

международного права, но настаивала на соблюдении двух условий: 1) сначала всегда стараться исчерпать все возможные политические и дипломатические средства и 2) применять силу только с согласия Совета Безопасности ООН, в котором у России имелось право вето.

Упор на соблюдение международного права — важная часть идеологии Примакова (позднее этот принцип Россия отбросит). Заявленная приверженность международному праву и верховенству ООН в международных делах давала Москве возможность систематически обвинять Запад, и прежде всего США, в односторонних силовых действиях и грубых нарушениях международного правового порядка. С конца 1990-х годов обвинения Запада и США в односторонних силовых акциях, вмешательстве во внутренние дела суверенных государств, нарушении Устава ООН стали одними из центральных сюжетов российского внешнеполитического нарратива.

25 марта 1999 года в ответ на очередное обострение ситуации в югославском регионе Косово НАТО начал бомбежки объектов Югославии. Без санкции Совета Безопасности ООН. Примаков был заранее проинформирован о возможном начале военной операции альянса и, разумеется, выразил резкое несогласие. В момент, когда Примаков, возглавивший Правительство РФ 10 сентября 1998 года, узнал о решении США нанести удары по Югославии, он находился на пути в Вашингтон на заседание российско-американской межправительственной комиссии. Он приказал развернуть правительственный самолет над Атлантикой и вернулся в Москву.

Российское телевидение целыми днями показывало горящие города и взорванные мосты в Югославии. В Государственной думе звучали гневные речи, осуждающие Запад, и призывы незамедлительно помочь «братьям-сербам» (включая военную помощь). Примаков с его «разворотом над Атлантикой» превратился в самого популярного политика страны.

Многие стали рассматривать его как наиболее подходящего кандидата на президентских выборах 2000 года после предстоящего ухода Б. Ельцина на покой — Конституция запрещала избираться более чем на два срока. Рост популярности и самостоятельности Е. Примакова привел к его внезапной отставке 12 мая 1999 года. Президент Ельцин, его семья и близкое окружение не рассматривали Примакова как близкого соратника и опасались его прихода в Кремль в качестве главы государства. В Кремле предпочли самостоятельно выбрать преемника, которым в конечном итоге стал В. Путин.

Косовский кризис стал важной вехой в становлении российского великодержавного и антизападного дискурса. Бомбардировки Югославии и расширение НАТО на восток превратились в два главных сюжета обвинений США и Запада в гегемонизме, односторонних силовых действиях и грубом нарушении международного права. В 2003 году к этому добавились обвинения в ничем не обоснованном вторжении США и союзников в Ирак — тоже без санкции Совбеза ООН.

Назначив в начале 1996 года Е. Примакова министром иностранных дел и меняя внешнеполитический курс, Ельцин прежде всего стремился создать благоприятные условия для своего переизбрания, которого добился, хоть и с большим трудом, во втором туре выборов летом того же года. Получая огромную финансовую помощь от Запада (Запад решительно поддерживал Ельцина в противостоянии с лидером коммунистов Зюгановым), президент одновременно делал шаги, направленные на получение поддержки или по крайней мере купирование сопротивления коммунистической, националистической, имперской частей населения, разочарованных реформами. В таком внутривластном контексте с большой помпой было подано в СМИ подписание в апреле 1996 года Договора об образовании Сообщества России и Беларуси. Подписи под ним поставили два президента — Ельцин и Лукашенко. Так было

положено начало процессу политической и экономической интеграции двух государств, широко поддержанной населением России.

В очередном послании Федеральному собранию в феврале 1996 года Ельцин критиковал Запад за геополитически опасное приближение НАТО к границам России, за призывы к противодействию «законным российским интересам в СНГ», за одностороннюю напористость в ходе югославского урегулирования, за неуступчивость по вопросам баланса обычных вооружений в Европе, за планы по подрыву Договора по ПРО. Одновременно он высоко оценил создание доверительных отношений с Китаем, углубление экономической интеграции с СНГ, налаживание отношений со странами АСЕАН, подписание Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС⁹. Это была новая риторика, гораздо более критическая по отношению к западным партнерам России.

Год спустя в послании президента Федеральному собранию от 6 марта 1997 года идеи Примакова нашли еще более системное и полное воплощение. Главная задача внешней политики традиционно определялась как создание благоприятных внешних условий для внутреннего развития. Однако при условии а) подлинно равноправных отношений с ведущими государствами мира; б) того, что эти отношения должны соответствовать статусу и потенциалу России (подразумевалось — как великой державы). На первый план выдвигалось отстаивание национальных интересов без сползания к конфронтации, на базе стабильности и сотрудничества в международных отношениях.

Цель российской политики — создание системы международных отношений на многополюсной, или многополярной, основе. В «мире не должно быть доминирования какого-то одного центра силы». В основе отношений должно лежать право, а не сила.

Был усилен акцент на интеграции на постсоветском пространстве, на этот раз в формате «четверки» — России, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана. А также сделано ударение на защите русскоязычных соотечественников за рубежом с особым беспокойством за положение дел в Эстонии, Латвии и в ряде других стран.

Ельцин вновь выразил резкое неприятие расширения НАТО на восток. Эти планы «противоречат интересам безопасности России, чреваты новым расколом Европы». «Без России, и тем более вопреки ей, еще никто в Европе не смог и не сможет создать эффективную систему безопасности»¹⁰.

В апреле 1997 года в Москву прилетел китайский лидер Цзян Цзэминь. Ему был оказан пышный прием, генсек КПК выступил с большой речью в Государственной думе. Визит свидетельствовал о торжестве новой внешней политики России — великодержавной и многовекторной.

Кульминацией визита высокого китайского гостя стало подписание Борисом Ельциным и Цзян Цзэмином российско-китайской *Совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка*¹¹. Эта декларация, в подготовке которой решающее участие принял Е. Примаков, в полном и системном виде отразила новую внешнеполитическую философию России (и Китая). России, которая все явственнее обустривала свою государственность, национальную идентичность, общественное согласие на базе старых идей о величии, исключительности, особом пути, глобальных амбициях и особых правах на постимперском пространстве. Ключевые идеи декларации стали основой внешней политики России на долгие годы вперед и по сей день сохраняют решающее значение. Одновременно декларация, выявив и закрепив близость позиций России и Китая по вопросам мировой политики, стала идеологической базой для стратегического сближения двух великих ядерных держав, постоянных членов Совета Безопасности с правом вето.

Выделю ключевые, наиболее важные для понимания российского внешнеполитического поведения идейные составляющие российско-китайской декларации 1997 года:

- а) стороны определили свои отношения как равноправное доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие в XXI веке (впоследствии формальный статус российско-китайских отношений несколько раз повышался);
- б) утверждалось, что после окончания холодной войны и системы биполярности ускоренно формируется многополярный мир;
- в) все больше стран приходят к общему пониманию, что необходимы взаимное уважение, равенство и взаимная выгода, а не гегемонизм и силовая политика, диалог и сотрудничество, а не конфронтация и конфликты;
- г) основные принципы международных отношений должны быть следующими: взаимное уважение суверенитета и территориальной целостности, взаимное ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование;
- д) каждое государство независимо и самостоятельно выбирает путь своего развития без внешнего вмешательства. Различия во внутреннем устройстве не должны рассматриваться как препятствие для развития нормальных международных отношений;
- е) «ни одна страна не должна стремиться к гегемонии, проводить политику с позиции силы и монополизировать международные дела» (здесь читался явный выпад в сторону США. — В. Р.);
- ж) стороны выступили против блоковой политики в вопросах безопасности, против политики расширения военных блоков, «поскольку эта тенденция может вызвать угрозу безопасности

отдельных стран, нагнетание напряженности в региональном и глобальном масштабе» (ясно, что это адресовано НАТО. — В. Р.);

з) Россия и Китай выступили за усиление центральной роли ООН и ее Совета Безопасности в международных делах и поддержании безопасности во всем мире;

и) миротворческие усилия ООН должны быть направлены на предотвращение конфликтов и их разрастания (приоритет политического и дипломатического урегулирования). Миротворческие операции могут проводиться только при наличии решения Совбеза ООН и при согласии заинтересованных сторон;

к) санкции против стран могут вводиться только Советом ООН, они должны быть по возможности мягкими и вовремя сниматься.

Совместная российско-китайская декларация представила новое внешнеполитическое мышление и позиционирование России, имеющее прочную опору в ядре национальной идентичности и поддерживаемое населением в ходе общенациональных выборов. В вопросах внешней политики сблизилась позиция государственников, коммунистов и либерал-демократов Жириновского. Отвергались претензии США/Запада на мировое доминирование (гегемонию). Мир заявлялся как многополярный, в котором Россия и Китай претендовали на статус великих держав, равноправных и равновеликих с США и ЕС. Подчеркивалось, что каждая страна сама определяет свою внутреннюю политику и что внешнее вмешательство во внутренние дела недопустимо; тогда это было особенно важно для коммунистического Китая, но в 2000-е годы тема недопустимости вмешательства извне стала ключевой и для путинской Москвы. Предлагалось строить международные отношения на основе интересов, а не ценностей, тем самым происходил

отход от примата универсальных ценностей нового политического мышления. В области безопасности Россия и Китай осудили политику Запада на консолидацию и расширение НАТО как глобального игрока. Также стороны настаивали на том, что применение силы и санкции в отношении суверенных государств не могут использоваться без согласия России и Китая.

Антигегемонизм, равноправие и обязательный учет интересов России/Китая, возможность блокировать акции Запада в Совбезе ООН, полная свобода рук внутри своих государств, сопротивление расширению Большого Запада (наступлению на сферы традиционного влияния Москвы и Пекина) — таким было кредо двух великих незападных держав. Само по себе оно не влекло за собой неизбежность столкновения с Западом, но, вне всякого сомнения, содержало зерна конфронтации. Развитие и радикализация этих идей уже в 2000-е годы привели в конечном счете к полному расхождению, а после и к столкновению России и Запада.

До конца президентства Борис Ельцин сохранял общий курс на демократические и рыночные реформы. Политически он все больше проигрывал коммунистическим и националистическим оппонентам — и те и другие были имперцами, растеряв к концу 1999 года остатки престижа. Однако демократические и антикоммунистические убеждения первого президента в итоге неизменно брали верх над политическими расчетами. В последнем послании Федеральному собранию от 30 марта 1999 года Ельцин назвал свое десятилетие «возвращением России на магистральный путь мирового развития. Это — путь, неразрывно связанный с демократией и рыночной экономикой»¹².

Сказанное не было пустой риторикой. Как во внутренней, так и во внешней политике Борис Ельцин оставался приверженным разрыву с коммунистическим прошлым, радикальным рыночным реформам и демократии, пусть и очень

специфически понимаемой. Во внешней политике Ельцин продолжал тесно работать с западными странами и лидерами, рассчитывая на масштабную помощь внутренней модернизации (которую, замечу, неизменно получал). Глубокие изменения во внешнеполитическом курсе Москвы, вызванные имплементацией «доктрины Примакова», ни в коей мере не рассматривались ни им, ни Примаковым как курс на разрыв отношений с США и Западом. Речь шла о другом. Реагируя на внутренние политические и общественные процессы, на массовый запрос на «вставание с колен» и обретение прежнего великодержавного статуса, стремясь укрепить общественную опору и легитимность власти, Ельцин и Примаков меняли риторику и практическую направленность своей международной активности, добавляли в нее новые направления, но не «били горшки» в западных и международных институтах, в которые Россия вошла после распада СССР.

В практическом плане внешняя политика эпохи под руководством Примакова была успешной для России.

С 1996 года стартовало создание Союзного государства России и Беларуси. Были полностью нормализованы отношения с Украиной. В мае 1997 года Государственная дума подписала, а 25 декабря 1998 года ратифицировала т.н. *Большой договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве России и Украины*. Договор гарантировал взаимное признание суверенитета и границ (включая, разумеется, украинскую принадлежность Крыма), а также временное на основе отдельных соглашений сохранение российского Черноморского флота на базе в Севастополе. Россия помогла завершить гражданскую войну в Таджикистане летом 1997 года. Зародились начальные процессы экономической интеграции с рядом стран СНГ.

Улучшились отношения с Японией. Запущены тесные экономические связи с Ираном. Россия вступила в АСЕАН (АРЕС). Особенно важным стало установление привилегированных

отношений с Китаем, отраженное среди прочего в принятии московской Декларации о многополярном мире 1997 года. В рамках продвижения концепции многополярного мира Примаков в декабре 1998 года даже предложил создать треугольник «Россия — Индия — Китай» как новый «полюс» мировой политики.

В отношениях с Западом особенно значимыми оставались тесное сотрудничество с США, подготовка и подписание Основополагающего акта Россия — НАТО 1997 года, вступление в силу Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС. В 1996 году Россия стала членом Совета Европы и присоединилась к его основным конвенциям. В 1997 году Россия присоединилась к «Большой восьмерке» развитых индустриальных стран в полном объеме (G8). Острые разногласия относительно расширения НАТО, бомбежек Югославии и Ирака и по другим вопросам не подрывали решающим образом отношения с Западом.

В целом политика Примакова заключалась в: а) сохранении тесных связей с США и Западом на прагматической основе при одновременном великодержавном балансировании их мощи, включая создание партнерств с другими крупными державами, прежде всего Китаем и Индией; б) продвижении концепции и практик многополярного мира; в) развитии особых отношений с ЕС и его крупнейшими государствами — ФРГ, Францией, Италией, поощрении более самостоятельной роли ЕС в мировых делах и в отношениях с США; г) учреждении партнерства России — НАТО при обязательном учете Западом озабоченностей России в области безопасности; д) продвижении экономической интеграции с СНГ, урегулировании здесь конфликтов, нормализации отношений с Украиной и строительстве Союзного государства с Беларусью; е) возвращении России к старым связям и интересам во всех регионах мира — от Азии и Ближнего Востока до Латинской Америки.

Несмотря на все кризисы, трудные 1990-е заканчивались для России успешно. Государство стабилизировалось, с 1999 года экономика пошла в уверенный рост. Политическая система не была в полной мере демократической (власть президента явно перевешивала другие ветви), однако выборы проходили состязательно и сравнительно честно, большинство в Думе оставалось в руках оппозиции, федерализм также становился реальностью. Экономическая, общественно-политическая и институциональная модернизация недостаточно быстро и полно, но двигалась вперед. Ключевыми нерешенными проблемами оставались дефицит верховенства права, независимых судов, громадная коррупция, сверхконцентрация активов и капитала в руках немногих олигархов, нереформированность старых советских силовых структур, особенно спецслужб, милиции, прокуратуры и армии.

Во внешней политике Россия проводила в целом реалистический сбалансированный курс на тесное сотрудничество с Западом и одновременно дистанцирование от него в рамках концепции защиты своего суверенитета, статуса великой державы, построения многополярного мира и несогласия с гегемонией США и Запада. Новый образ страны — великой суверенной державы, способной оппонировать Западу и говорить своим голосом, восстанавливающей влияние на территории бывшего СССР, отказавшейся от западных «рецептов» во внутреннем развитии, — импонировал большинству населения, удачно резонировал с формирующейся постсоветской идентичностью и способствовал общенациональному консенсусу относительно внешней политики. На Западе изменения внешнеполитического курса Москвы вызывали некоторые опасения, однако в целом считалось, что речь идет не более как о сравнительно безопасных изменениях в тактике и стилистике, но никак не о стратегическом сходе России с рельс модернизации и партнерства. Что было, по существу, верно. Корабль России отошел от западного берега, но не разрубил канатов тесного партнерства.

К началу нового, XXI века у России сохранялись все возможности для успешной модернизации и мирной внешней политики. И более того, сложились исключительно благоприятные условия как для первого, так и для второго.

Примечания

¹ Послание президента России Б. Ельцина Федеральному собранию Российской Федерации 16 февраля 1995 г. <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12591>

² Sergunin A. Explaining Russian Foreign Policy Behavior: Theory and Practice. Stuttgart: ibidem-Verlag, 2016. P. 67.

³ Там же. С. 74–130.

⁴ Там же. С. 130–131.

⁵ Примаков Е. М. Собрание сочинений. В 10 т. Том 6: Минное поле политики. М.: Изд-во ТПП РФ; Изд-во «Российская газета», 2016. С. 207–208.

⁶ Там же. С. 215.

⁷ Там же. С. 220–221.

⁸ Там же. С. 251.

⁹ Послание президента России Б. Ельцина Федеральному собранию Российской Федерации 23 февраля 1996 г. <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12592/>

¹⁰ Послание президента России Б. Ельцина Федеральному собранию Российской Федерации 6 марта 1997 г. <https://yeltsin.ru/archive/paperwork/12593/>

¹¹ Российско-китайская Совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка (23 апреля 1997 г.).

¹² Послание президента России Б. Ельцина Федеральному собранию Российской Федерации 30 марта 1999 г. <http://kremlin.ru/acts/bank/22400/page/1>

Глава 6

В. Путин первого президентского срока. Идеология авторитарной модернизации и расчет на «большую сделку» с Западом (2000–2004)

9 августа 1999 года Борис Ельцин назначил исполняющим обязанности председателя правительства России В. В. Путина и одновременно объявил его своим преемником на посту президента. Неделью спустя, 16 августа 1999 года, Государственная дума незначительным большинством утвердила Путина на посту главы кабинета министров. Необходимые для назначения голоса дала часть думских либералов. Путину вскоре предстояло бороться за высший пост в государстве на президентских выборах как с традиционно сильными коммунистами (Г. Зюганов), так и с мощной коалицией перешедших в оппозицию к Ельцину государственников во главе с Е. Примаковым и мэром Москвы Ю. Лужковым (политический блок «Отечество — Вся Россия»).

В августе 1999 года боевики с территории Чечни вторглись в соседнюю российскую Республику Дагестан. В сентябре террористы взорвали жилые дома в Москве и Волгодонске, более 300 мирных жителей погибли. В ответ 1 октября Путин ввел в Чечню войска и пообещал россиянам полный разгром террористов. Его молодость, жесткий, энергичный стиль понравились народу, рейтинг премьер-министра принялся стремительно расти. В декабре прошли очередные, третьи выборы в Государственную думу, на них наспех организованная партия Путина «Единство» добилась громкого и неожиданного успеха, получив 23,3% голосов и немного уступив только коммунистам (24,3%). Альтернативный элитный блок Примакова — Лужкова сильно проиграл тем и другим (13,3%) и вскоре отказался от участия в президентских выборах. Лидеры блока поддержали на президентских выборах весной 2000 года В. Путина.

К концу 1999 года Путин превратился в самого популярного политика страны с рейтингом более 50%. Этому способствовали успехи российской армии в Чечне, борьба с терроризмом и начавшийся рост экономики. 31 декабря 1999 года Ельцин внезапно, раньше времени ушел в отставку. Исполняющим обязанности президента, согласно Конституции, стал премьер-министр Путин. Были объявлены досрочные президентские выборы, что застало оппонентов Путина и администрации президента врасплох. Выборы президента состоялись 26 марта 2000 года, Путин сумел одержать победу в первом же туре (53%), далеко опередив лидера коммунистов Зюганова (30%).

Победу Путину обеспечила полная поддержка со стороны администрации президента во главе с талантливым аппаратчиком А. Волошиным, доставшейся ему от Ельцина и выбравшей именно его преемником. А также поддержка правительства, большинства губернаторов и в целом большей части высшей политической и бизнес-элиты страны. А также молодость, энергичность Путина, его успехи в борьбе с терроризмом и в экономике, репутация решительного силовика, способного «навести порядок» в стране.

По своему жизненному опыту (работа в советских КГБ и внешней разведке, реформаторской мэрии Санкт-Петербурга с мэром-реформатором А. Собчаком, администрации Ельцина и в качестве главы ФСБ), по взглядам Путин, как и Примаков, принадлежал к числу государственников. Программа, с которой новый президент пришел к власти, базировалась на идеологии сильного государства, наведении порядка и продолжении реформ, в первую очередь, как и прежде, экономических. Такая программа соответствовала широкому общественному запросу; после полутора десятилетий шоковых событий и постоянного ухудшения жизни общество ждало прежде всего стабилизации государства, защиты общественной безопасности и быстрого роста благосостояния.

В первый президентский срок В. Путин следовал стратегии, изложенной им в программной статье «Россия на рубеже тысячелетий» от 30 декабря 1999 года¹, намеренно опубликованной всего за день до отставки Ельцина. Статью готовили администрация президента под руководством А. Волошина и команда Путина в правительстве. Это основной предвыборный текст, отражавший и личные взгляды Путина, и широкий консенсус правящей элиты относительно путей развития страны. Текст статьи также ориентировался на настроения общества, тщательно изученные социологами и кремлевскими политтехнологами. Первоначальная программа Путина сохраняла преемственность реформаторского либерального курса Ельцина, но при этом существенно учитывала консервативные и патерналистские запросы народа.

Путин обещал продолжить курс экономических и демократических реформ, сделав при этом основной упор на рост экономики и благосостояния граждан. В целом программа являлась *программой продолжения модернизации, прежде всего экономической*. Путин сформировал Центр стратегических разработок (ЦСР) во главе с либеральными соратниками Г. Грефом и А. Кудриным, в правительстве Путина они стали министрами экономики и финансов соответственно. ЦСР в 2000 году подготовил подробную и амбициозную программу модернизации России — от экономики до государственных структур и политических институтов.

Обещалось то, чего больше всего жаждали разочарованные тяготами предыдущих реформ россияне. Экономический рост и рост доходов населения. Политическая и социальная стабильность, наведение порядка с преступностью. Разгром терроризма. Сильное государство, способное позаботиться о гражданах. Путин отверг как наследие коммунистической эпохи, так и механическое перенесение на российскую почву западных рецептов и моделей. «Каждая страна, в том числе и

Россия, обязана искать свой путь обновления». Следует совместить усвоение общечеловеческих ценностей и принципов с реалиями России.

Путин заявил в первом же программном тексте о наличии у россиян *«исконных, традиционных ценностей»*. А именно: *патриотизм, державность, государственничество, социальная солидарность*. Впоследствии идея защиты традиционных ценностей прочно войдет в ядро путинской идеологии.

Стоит заметить, что перечень традиционных ценностей в версии Путина-1999 с самого начала носил нелиберальный, если не антилиберальный характер. В ту пору на это мало кто обратил внимание. Либералы посчитали высказывание популистским жестом, обращенным к консервативно-советской части общества в предвыборных целях.

Патриотизм, пояснял Путин, не означает имперских амбиций или национальной кичливости. Державность предполагает, что «Россия была и будет оставаться великой страной. Это обусловлено неотъемлемыми характеристиками ее геополитического, экономического, культурного существования». Державность в новом веке выражается в передовых технологиях, высоком уровне жизни, надежной безопасности и отстаивании национальных интересов на международной арене. Сильное государство востребовано обществом как необходимость, привычно для россиян. При этом государство должно быть правовым и демократическим — авторитаризм и тоталитаризм себя не оправдали. Россия никогда не будет таким же либеральным государством, как США или Англия, ее демократия специфична. Государство обязано быть крепким, направлять и регулировать общественные процессы «в той степени, в какой это необходимо, исходя из традиций и нынешнего положения страны». Социальная солидарность означает прежде всего помощь со стороны государства и общества тем, кто в этом нуждается.

Политическая программа Путина конца 1999 года носила эклектичный характер и была направлена на получение поддержки со стороны основных сегментов элиты и общества. Западникам были по душе обещания демократии и реформ, отрицание диктатуры и коммунизма, курс на интеграцию в мир. Государственникам, промышленникам, аграриям, националистам и левым — послы сильного государства, государственной промышленной политики, помощи селу, защиты традиционных ценностей, статуса России как великой державы, обороны национальных интересов. Программа Путина соединяла модернизацию и традиционализм, отдавая все же преимущество первой компоненте. В то же время в ней, пусть и в приглушенном виде, присутствовали отмеченные ранее компоненты традиционной великодержавной идентичности: державность, особый путь развития, особая политическая модель, исключительность, особые традиции и ценности.

Идеология Путина первого срока президентства может быть определена как *идеология авторитарной модернизации* (модернизация инструментами умеренного авторитаризма, более строгого, чем в ельцинскую эпоху). Убежденность в жизненности сочетания сравнительно мягкого авторитаризма с широкими либеральными социально-экономическими преобразованиями, в том числе основанными на открытости страны миру, прежде всего наиболее развитой его части — Западу.

Направляемый этой идеологией политический курс раннего Путина включал в себя два основных компонента: дальнейшее усиление президентской власти в форме построения вертикали власти и утверждения т.н. диктатуры закона и решительные либеральные реформы в экономике по планам, подготовленным ЦСР под руководством М. Касьянова, Г. Грефа и А. Кудрина.

Центральный политический интерес Путина заключался в утверждении и укреплении своей власти и легитимности

через демонстрацию решительности и силы (вторая чеченская война, энергичная борьба с терроризмом, взятие под контроль государства основных федеральных телеканалов, ослабление политического влияния олигархов и губернаторов) и посредством успешных преобразований в экономике — снижения налогов, улучшения их собираемости, создания хорошего инвестиционного климата, частной собственности на землю, большей открытости экономики и т.д.

Экономика и правда вошла в стадию быстрого роста, заметно повышались доходы бюджета и граждан. Рыночные реформы 90-х начали приносить щедрые плоды. Успешная военно-политическая кампания в Чечне, укрепление президентской власти, экономический рост — все способствовало огромной популярности Путина. Помогало и то, что вскоре после прихода к власти весной 2000 года Путин впервые в истории новой России сумел сформировать прочное президентское большинство в Государственной думе. Теперь необходимые для возведения вертикали власти и экономических реформ законы легко проходили через парламент. Включая закон о частной собственности на землю, который не удалось принять в 90-е годы.

Внешняя политика Путина напрямую вытекала из идеологии авторитарной модернизации и приоритета обеспечения экономического роста, необходимого для укрепления авторитета и легитимности власти.

Основные компоненты приматовского государственнического курса сохранились, но претерпели определенные изменения. Необходимость более успешной модернизации экономики и совместной борьбы с терроризмом побудила Путина к более тесному взаимодействию с Западом — с США и крупнейшими странами Евросоюза. При этом несколько не ставились под сомнение статус России как великой державы, многовекторность внешней политики, балансирование там, где это

возможно и не вредит интересам России, других центров силы, активная роль России на постсоветском пространстве, меры по укреплению безопасности страны.

Это не была, как нередко утверждают, прозападная политика. Сближение с Западом носило прагматичный характер и должно было послужить прежде всего экономической модернизации России и укреплению власти Путина. А. Цыганков называет эту политику «прагматическим сотрудничеством»², Р. Саква — «прагматическим реализмом»³. Оба термина отражают главное свойство путинской политики первого президентского срока: прагматическое сближение и тесное сотрудничество с Западом для успешной экономической модернизации России. Модернизация, в свою очередь, обеспечивала Путину укрепление его власти и облегчала задачу формирования умеренного в первые годы правления авторитарного режима. Внешне прозападная политика была глубоко незападной внутри. В стране шаг за шагом формировался политический режим, построенный на других принципах: ограничение свободы слова и оппозиционной деятельности, слом разделения властей, построение вертикали власти в формально федеративном государстве, ухудшение положения дел с верховенством права.

Оптимальная модель отношений с Западом виделась Путиным так. Внутри страны президент строит умеренную авторитарную систему (чаще всего описываемую как «управляемая демократия», «вертикаль власти», «диктатура закона»). Глава государства и его администрация сосредотачивают в своих руках основные рычаги власти для поддержания порядка в стране и реализации либеральных экономических реформ. Отстраняются от власти иные центры силы — парламентские партии, олигархи и губернаторы. В «разумных» пределах ограничиваются многопартийность и свобода слова. Экономика ускоренно реформируется, создаются благоприятные условия

для отечественных и иностранных инвестиций. Россия активно интегрируется в мировую экономику, извлекая из этого выгоды. Запад — США и особенно ЕС — активно способствует развитию российской экономики, направляет в нее инвестиции, знания и технологии. При этом Запад воздерживается от критики внутренней политики, не вмешивается в нее и относится к России как к равной, учитывает ее интересы в области безопасности, в первую очередь интересы Москвы на постсоветском пространстве.

Такого рода «большая сделка», намеченная Кремлем, в полной мере соответствовала как убеждениям (идеологии), так и политическим интересам Путина и его группы. Она позволила бы им укрепиться у власти, в том числе за счет успехов в экономическом развитии. Упрочить статус России как великой державы, зарезервировать за ней особые права на постсоветском пространстве, обеспечить более весомый голос в регулировании мировых дел и вопросах европейской безопасности.

Первые же доктринальные документы администрации Путина показали глубокую преемственность внешнеполитического курса нового руководства России с подходами Примакова. Однако в них заметно усилился акцент на модернизации, тесном сотрудничестве с Западом, прежде всего с ЕС, и уходе в тень политики балансирования США, Запада в целом и других центров силы.

В Концепции внешней политики, утвержденной Путиным в июне 2000 года⁴, и в его первом послании Федеральному собранию от 8 июля 2000 года⁵ Россия определяется как «великая держава, один из влиятельных центров современного мира». Ставится задача воздействовать на мировые процессы «в целях формирования стабильного, справедливого и демократического миропорядка, строящегося на общепризнанных нормах международного права, включая прежде всего цели и принципы Устава ООН, на равноправных и партнерских отношениях

между государствами». Центральная задача российских дипломатов все та же — создание благоприятных внешних условий для успешного развития России.

При этом сохранялся привычный критический дискурс в отношении США и Запада в целом. Осуждалась «тенденция к созданию однополярной структуры мира при экономическом и силовом доминировании США». Порицалось стремление Запада при решении вопросов безопасности делать ставку на западные институты (читай: НАТО. — В. Р.), на ослабление роли Совета Безопасности ООН. Критиковались односторонние действия как дестабилизирующие и подрывающие международный правопорядок.

Закреплялся руководящий принцип приматовской политики: «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов».

Характерно, что выражена озабоченность «попытками принизить роль суверенного государства как основополагающего элемента международных отношений». Это «создает угрозу произвольного вмешательства во внутренние дела». Спустя несколько лет забота о сохранении суверенитета и страх перед вмешательством во внутренние дела России для обитателей Кремля примут характер одержимости.

Подчеркивался самостоятельный характер российской внешней политики, подкрепленный в том числе геополитическим аргументом. Россия определялась как «крупнейшая евразийская держава», что требует «оптимального сочетания усилий по всем направлениям». Обозначены глобальные амбиции России: «ответственность России за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне».

Глобальность притязаний России выразилась и в том, что в Концепции внешней политики 2000 года появился

специальный раздел «Приоритеты Российской Федерации в решении глобальных проблем» (раздел 3). Он включал в себя главы по формированию нового мироустройства, укреплению международной безопасности, международным экономическим отношениям, правам человека, информационному сопровождению внешнеполитической деятельности.

Отдавая дань приоритету модернизации, в первой внешнеполитической концепции Путина 2000 года подчеркнута важность присутствия России в «Большой восьмерке». Выражена готовность к новым договоренностям о сокращении ядерного оружия с осуждением планов США по созданию новых систем и районов размещения ПРО. Россия ради внутренней модернизации заявляла о необходимости открытости страны и самого широкого включения в глобальные хозяйственные связи, создания наиболее благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций.

В разделе о региональных приоритетах внешней политики России на первом месте оставался регион СНГ с развитием там добрососедских отношений и стратегического партнерства. А также с продвижением разносторонней и разноуровневой интеграции на этом пространстве (Союз Беларуси и России, Таможенный союз, Договор о коллективной безопасности). Вновь обещана активная защита «прав российских соотечественников» в соседних государствах.

Второй региональный приоритет Концепции 2000 года — развитие отношений с единой Европой (ЕС). При этом принципиальный вопрос о перспективах интеграции России с ЕС был официально снят немного ранее. В принятой в октябре 1999 года «Стратегии развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 годы)»⁶ Россия отказалась от идеи интеграции в состав ЕС, рассматривая себя как «мировую державу, расположенную на двух континентах», которая должна сохранять

свободу определения своей внутренней и внешней политики, свой статус и преимущества евроазиатского государства и крупнейшей страны СНГ, независимость позиций и деятельности в международных организациях.

В то же время отношения с ЕС рассматривались как важнейшие, как партнерство стратегического характера для: а) успешной модернизации России и б) обеспечения европейской безопасности. Применительно к НАТО заявлена готовность к сотрудничеству вместе с подтверждением негативного отношения к расширению альянса.

Далее в Концепции 2000 года следовали установки на развитие отношений с Азией и другими регионами мира, что подчеркивало многовекторный характер российской внешней политики.

Как справедливо отмечает А. Цыганков, в тот период для Путина «самые важные национальные интересы России заключались в модернизации России и экономическом росте, а не в балансировании американского влияния в мире»⁷. Претензии к США и Западу сохранялись и публично объявлялись без изъятий, но были отодвинуты на второй план и деэскалированы в интересах тесного экономического сотрудничества.

В рамках модернизационной стратегии после терактов в США 11 сентября 2001 года Путин предложил США самое плотное взаимодействие в борьбе с международным терроризмом. Кремль не возражал против создания военных баз США в Центральной Азии и транзита невоенных грузов в Афганистан через территорию России. Москва закрыла старые советские военные базы и объекты во Вьетнаме и на Кубе. Сдержанной оказалась реакция на выход США из Договора по ПРО. Даже расширение НАТО на семь новых государств, намеченное на 2004 год, Москва критиковала в спокойной манере, а ведь среди них были три страны Балтии — бывшие республики СССР.

В 2002 году Путин и Дж. Буш-мл. подписали новый Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Для углубления сотрудничества с НАТО был создан новый, более продвинутый Совет Россия — НАТО.

Очень успешно развивались отношения России и ЕС. Заработало СПС. В Россию двинулись во множестве инвестиции и компании из Европы. В ежегодных посланиях Федеральному собранию 2001 и 2002 годов Путин заявил о «курсе на интеграцию с Европейским союзом как одним из ключевых направлений нашей внешней политики». Речь шла не о политической или институциональной интеграции — членстве в ЕС, а о глубокой экономической интеграции, начиная с создания зоны свободной торговли (ЗСТ) с ЕС.

Апогеем сближения с ЕС стал саммит Россия — ЕС, состоявшийся в Санкт-Петербурге в мае 2003 года и приуроченный к 300-летию российской Северной столицы. Во встрече приняли участие все главы государств и правительств ЕС и 10 стран-кандидатов на вступление в Союз, а также глава Еврокомиссии Р. Проди. Было решено начать формирование «четырёх общих пространств» России и ЕС — в сферах экономики, внешней и внутренней безопасности, науки и культуры. А также работать над созданием к 2006 году безвизового режима между сторонами.

Даже вторжение в марте 2003 года США и их союзников в Ирак не привело к отказу Путина от курса на тесное сотрудничество с Западом. Россия ненадолго объединилась с крупнейшими странами Европы — Германией и Францией — в критике вторжения, осуществленного без санкции Совбеза ООН. Союз со старой Европой вписывался в стратегию Путина на углубление экономической интеграции с ЕС и поддержку большей автономии Европы от Вашингтона.

В завершающем первый срок президентства послании Федеральному собранию 16 мая 2003 года В. Путин подтвердил и

резюмировал политику авторитарной модернизации с опорой на тесные связи с лидирующими нациями мира, с Западом⁸. Важно отметить, что в этот период администрацию президента по-прежнему возглавлял А. Волошин, а в правительстве доминировали либералы М. Касьянов, А. Кудрин и Г. Греф. Это обстоятельство во многом объясняет либеральный и реформаторский уклон послания и в целом президентского курса, акцент на развитие отношений в первую очередь с развитыми демократиями мира.

Послание, несмотря на все бесспорные достижения первых лет путинского лидерства, чрезвычайно критически оценивает общее положение России. Требуются еще немалые усилия, чтобы Россия «прочно заняла место среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира». Россия останется приверженной ценностям демократии и прав человека. Будет стремиться стать страной с конкурентной рыночной экономикой. И при соблюдении этих условий на равных войдет в сообщество самых развитых государств.

Путин подчеркнул необходимость интеграции в глобальную экономику, открытости страны. Важность участия России в «Большой восьмерке» — клубе индустриально развитых и сильных демократий мира. Значимость продвижения России к вступлению в ВТО. Главный ориентир для государственной политики — повышение общей конкурентоспособности страны в глобальной экономике. Поставлена задача удвоения ВВП страны за следующие 10 лет.

Путин подчеркнул огромную значимость и эффективность международной антитеррористической коалиции, созданной в 2001 году, приверженность ее задачам России, приоритетность развития отношений с ЕС. Президент говорил о «широком сближении и реальной интеграции с Европой». Интеграция с Европой — «наш исторический выбор. Он сделан. Он последовательно реализуется». Отношения с ЕС имеют характер

стратегического партнерства. Очень важна активная работа России в Совете Европы. Необходимо обеспечить свободу передвижения граждан — безвизовый режим, создание общего экономического пространства с ЕС.

Ключевым приоритетом внешней политики является развитие отношений на пространстве СНГ, в том числе в контексте того, что там «проживают десятки миллионов русских». Путин вновь подчеркнул, что рассматривает «пространство СНГ как сферу наших стратегических интересов». Экономическая интеграция в этом регионе должна осуществляться прежде всего под углом выгодной для всех участников совместной интеграции в мировую экономику. Для этого необходимо углублять региональную интеграцию в рамках Евразийского экономического сообщества, утвержденного лидерами Беларуси, Казахстана, России, Таджикистана и Кыргызстана в октябре 2000 года. Укрепление региональной безопасности должна обеспечить Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданная в мае 2002 года в составе Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана.

Итоги первого срока Путина для внешней политики России в целом были позитивными. Ставка на тесные отношения с развитыми демократиями полностью себя оправдала. В Россию рекой потекли западные инвестиции и кредиты, пришли тысячи западных компаний. За первые три путинских года ВВП России вырос на 20%, инвестиции — на 30%, Россия превратилась в крупнейшего в мире экспортера энергоресурсов, впервые начала экспортировать продовольствие. На 32% выросли реальные доходы граждан, заметно сократились безработица и бедность. Запад признал рыночный статус российской экономики. Россия закрепила статус великой державы, в том числе за счет вхождения в «Большую восьмерку». Повысился уровень отношений с НАТО и еще в большей мере с Европейским союзом. Положительно развивались отношения с

государствами СНГ, экономическая интеграция в регионе, сотрудничество в области безопасности. Сыграла ставка Путина на развитие тесных отношений с Западом в расчете на успешную экономическую модернизацию. Рост цен на сырье, увеличение объемов экспорта, экономические реформы, улучшение инвестиционного климата, приток инвестиций обеспечили — впервые после распада СССР — быстрый экономический рост, в среднем 7% роста ВВП в год.

Экономические достижения и успехи в Чечне принесли Путину невероятную популярность и прочную легитимность.

Западные лидеры в целом тепло приняли Путина и его политику, несмотря на заметные тенденции к централизации власти в руках президента. «В отношениях Запада и России восторжествовала *Realpolitik*, хотя и без прежней враждебности». Западные политики разделили внутреннюю и внешнюю политику Москвы, не видя «никакой обусловленности между формой власти и отношением России к Западу»⁹.

Можно сделать вывод, что в 2000–2003 годах «большая сделка» с Западом — термин, предложенный Д. Трениным, — состоялась. Руководящая идеология Путина, включавшая идеи формирования авторитарного режима с лозунгами «наведения порядка», «вставания с колен», преодоления тяжелого наследия «лихих 90-х», утверждения «диктатуры закона» и одновременно самого тесного сотрудничества с Западом во имя экономической (но не правовой и социально-политической) модернизации России, продемонстрировала эффективность. Она помогла Путину быстро и беспрецедентно укрепить и расширить власть и легитимность. Страна вышла на траекторию быстрого экономического роста. Внешняя политика и отношения с Западом строились на принципах реализма. Запад игнорировал авторитарные тенденции в России и охотно помогал развивать российскую экономику. Казалось, найдена

жизнеспособная долгосрочная модель российской внутренней и внешней политики, позволяющая развивать страну, сохраняя власть в руках правящей группы и проводить прагматичную внешнюю политику.

Примечания

¹ Путин В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек. https://royallib.com/book/putin_vladimir/rossiya_na_rubege_tisyacheletiy.html

² Tsygankov Andrei P. Russia's foreign policy: change and continuity in national identity. 3rd edition. Rowman and Littlefield Publishers, 2013. Chap. 5.

³ Саква Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны. М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. С. 123.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации, июль 2000 г. https://www.ng.ru/world/2000-07-11/1_1_concept

⁵ Послание президента России В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 8 июля 2000 г. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480>

⁶ Стратегия развития отношений Российской Федерации с Европейским союзом на среднесрочную перспективу (2000–2010 годы) от 22 октября 1999 года. <http://www.sov-europe.ru/images/pdf/2000/1-2000/strategy-1-2000.pdf>

⁷ Tsygankov Andrei P. Russia's foreign policy... P. 137.

⁸ Послание президента России В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 16 мая 2003 г. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998>

⁹ Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2010. С. 50.

Глава 7

В. Путин второго президентского срока — идеология «суверенной демократии» и внешнеполитический ревизионизм Москвы (2004–2008)

Итак, позднесоветская и российская внешняя политика первых четырех периодов — в совокупности около 20 лет, если отсчитывать от начала перестройки М. Горбачева в 1985 году, — это тенденция к новому политическому мышлению, интеграции с Западом, многополярному балансированию без скатывания к конфронтации, «большой сделке» первого президентского срока Путина. В целом политика поддерживала модернизацию и была продуктивной. На всех этапах сохранялся приоритет национального развития на основе открытости миру, внутренних реформ, тесного сотрудничества с наиболее развитыми государствами мира, что обеспечило впечатляющие результаты. Политическая система заметно отошла от советской модели, хотя и не пришла к демократии и правовому государству. Обанкротившаяся советская экономика к началу XXI века пусть с большими ошибками и трудностями, но была в основном заменена рыночной и открытой. Экономика в новом столетии вступила в стадию быстрого, уверенного роста на основе притока иностранных инвестиций и кредитов, расширения экспорта.

Травма от внезапного распада империи (СССР), трудности трансформационного экономического спада, падение качества и уровня жизни, политическая нестабильность, снижение общественной безопасности направили процесс формирования новой постсоветской национальной идентичности в русло острого постимперского синдрома. Ностальгия по внезапно развалившейся империи и «спокойной, благополучной» советской жизни набирала обороты. Обрел громадную силу миф о

«великом и прекрасном» СССР. Одновременно на общественном психологическом фоне быстро возвращались и набирали мощь советские идейные комплексы великодержавия, исключительности, глобальной миссии, особого пути развития, «естественной» принадлежности России всего бывшего имперского пространства. Их деловито реконструировала и использовала в своих интересах постсоветская политическая и интеллектуальная элита, чуткая к переменам массовых настроений.

Даже в наиболее либеральные годы начала 1990-х политики не смели игнорировать великодержавный комплекс национальной гордости, уязвленной распадом империи. После двух кряду поражений на парламентских выборах от проимперских, просоветских и националистических политических сил замена Козырева Примаковым была для Ельцина во многом вынужденной. Невероятная популярность Примакова после «разворота над Атлантикой», который широкая публика восприняла как смелый антиамериканский и великодержавный жест, продемонстрировала громадный потенциал популистской игры на струнах постимперского синдрома. Тот же эффект взрыва великодержавных и националистических настроений имел место на фоне натовских бомбардировок Югославии.

Владимир Путин первого президентского срока умело балансировал с использованием одновременно двух стратегических дискурсов — продолжением либеральных реформ в тесном партнерстве с Западом и возрождением имперской великодержавной традиции во все более ресоветизированной форме. С одной стороны, сохранялась и действовала ельцинская команда экономических либералов, для которой самым важным делом было продолжение преобразований 90-х годов и ориентация на сотрудничество с Западом, без которого модернизация экономики и общества в принципе недостижима. С другой стороны, уже в упомянутой программной статье 1999 года Путин обратился к теме традиционных ценностей,

отыскать которые можно было главным образом в советском прошлом. Других общество не знало и не представляло. Либеральные экономические реформы продолжались и способствовали быстрому росту народного хозяйства и уровня жизни. А вторая чеченская война, наступление на самостоятельность регионов, ограничение влияния «олигархов», укрепление могущественной президентской власти, активное участие в глобальной антитеррористической коалиции давали обществу ощущение возрождения былого величия. В те годы доминирующим внутрироссийским нарративом стали рассказы о «вставании России с колен» и противопоставление путинской эпохи «возрождения» «лихим 90-м» — «эпохе слабости, хаоса и уступок».

Россия все настойчивее переопределяла себя в качестве возрождающейся великой державы, законного наследника великого СССР. Возрождение державнической идентичности естественным образом совершалось в форме ресоветизации. СССР, когда большинство населения еще помнило Советский Союз и остро переживало чувство утраченного величия и стабильности, оставался нормативной моделью «идеального» государства. Возрождение величия и стабильности — этого ждало от Путина разочарованное российское население.

В 2006 году Егор Гайдар опубликовал одну из своих последних статей, пророческую по своей сути, — «Веймарский синдром». В ней он провел прямые аналогии между бросавшимся в глаза ростом постимперской ностальгии в России и возвышением на той же основе нацистов в Веймарской Германии¹. Реформатор предупредил, что усиление имперской ностальгии в условиях неокрепшей демократии может стать могучим оружием в руках политиков-популистов: «Эксплуатация постимперского синдрома — эффективный способ получить политическую поддержку». Гайдар прозорливо предупреждал, что имперский реванш в мире, «где есть ядерное оружие», очень

опасен. А также о том, что возможные в этой связи попытки возродить империю могут поставить вопрос о самом существовании России. Анализ Гайдара оказался точным и отразил случившийся тогда фундаментальный поворот российской руководящей идеологии и, соответственно, внутренней и внешней политики.

Начиная с 2003 года наметились принципиальные изменения в руководящей идеологии правителей России.

Приоритет модернизации отходил на второй план. На первый план выдвигаются идеи величия, «сильной руки», необходимой для поддержания стабильности, особого пути развития, глобального переустройства мира, руководящей роли Москвы на постсоветском пространстве. Этому способствовал быстрый экономический рост, ощущение набора страной силы и возможностей. Идеологию великодержавия и необходимости более твердого авторитарного правления разделял и сам Путин, и новая возвышающаяся силовая элита, начавшая активно оттеснять с руководящих позиций ельцинскую элиту либералов и реформаторов.

К концу первого президентского срока В. Путин сумел, опираясь на громадную популярность, сосредоточить полностью власти в своих руках и своей администрации. Делалось это поэтапно, шаг за шагом, но за осуществляемыми мерами чувствовались холодный расчет и ясная цель: формирование зрелого авторитарного режима во главе с полновластным президентом.

Основными вехами концентрации власти стали следующие шаги Путина². После занятия президентского кабинета в мае 2000 года Путин немедленно решил реформировать влиятельную верхнюю палату парламента — Совет Федерации. Из него выведены избранные губернаторы и главы региональных парламентов; их заменили зависимые от Кремля чиновники. Путин получил право отстранять от должности уже избранных

губернаторов. Тогда же созданы семь федеральных округов во главе с полномочными представителями президента; федеральные чиновники в целях контроля и руководства были помещены над губернаторами. Объяснялось наступление на права регионов, как и прочие меры, благовидно: необходима защита «единого правового пространства страны». С того времени верхняя палата парламента и региональные элиты утратили вес в федеральной политике. А страна, формально оставаясь Федерацией, становилась с каждым годом все более унитарной.

В июне 2000 года внезапно арестован либеральный олигарх и медиамагнат В. Гусинский. Его главный медиаактив — самая популярная частная телекомпания НТВ — перешел вскоре под контроль Кремля. Гусинский был вынужден покинуть страну. В августе 2000 года после гибели атомной подводной лодки «Курск» Путин воспользовался моментом и отстранил от управления главным телевизионным каналом России — ОРТ (сейчас — Первый канал) другого олигарха и медиамагната, Б. Березовского. Березовский тоже уехал за границу. Этими и другими аналогичными действиями Путин быстро получил контроль над наиболее влиятельными медиа России. Была открыта дорога к превращению средств массовой информации в орудия пропаганды.

В июле 2001 года принят новый Закон о политических партиях, поставивший партии под контроль администрации президента и заключающий в себе возможность ликвидации оппозиционных партий.

Осенью 2001 года Путин реформировал судебную систему, создал вертикаль власти в судах, ограничил и без того слабую независимость судей, сформировал механизмы зависимости судебной власти от Кремля и спецслужб. После чего судебная система (включая Конституционный суд), и до того немощная, стала послушным инструментом в руках президентской власти.

В декабре 2001 года слиянием путинской партии «Единство» и партии Примакова — Лужкова «Отечество — Вся Россия» была образована доминантная президентская партия «Единая Россия». Фактически она воспроизводила роль КПСС как партии власти и вместилища российской номенклатуры. С того момента «Единая Россия» и Путин господствуют как в федеральном парламенте, так и во всех без исключения региональных и местных собраниях.

В июне 2002 года Путин сформировал вертикаль избирательных комиссий во главе с Центральной избирательной комиссией (ЦИК). Это позволило создать условия для массовых и систематических манипуляций и фальсификаций на выборах всех уровней и всякий раз обеспечивать Путину и его партии нужный электоральный показатель.

В июле 2002 года принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Его намеренно размытые формулировки подарили властям возможность привлекать к уголовной ответственности оппозиционеров любой идеологической направленности и систематически характеризовать законные мирные протесты и оппозиционную деятельность как «экстремизм». Закон структурно воспроизвел советскую практику уголовных преследований за так называемую антисоветскую деятельность и антисоветскую пропаганду. В сентябре 2002 года близкий соратник Путина, министр внутренних дел Б. Грызлов, издал приказ, разрешивший применять силу, включая стрельбу на поражение, к участникам мирных акций протеста. С той поры жестокие разгоны митингов и демонстраций оппозиции, аресты оппозиционеров стали обычным явлением.

В декабре 2002 года проходной барьер для прохождения партий в Государственную думу повысили с 5 до 7%, что затруднило оппозиции возможность иметь парламентское представительство и создало дополнительные преимущества для президентской партии «Единая Россия».

В октябре 2003 года арестовывают и вскоре назначают длительный тюремный срок основному владельцу крупнейшей частной нефтяной компании «ЮКОС» Михаилу Ходорковскому; начинается национализация ЮКОСа. Показательный разгром ЮКОСа покончил с влиянием крупного бизнеса на российскую политику, в том числе лишил оппозиционные силы возможности искать финансирование своей деятельности без санкции администрации президента.

После неожиданного ареста Ходорковского добровольно ушел в отставку глава президентской администрации А. Волошин. Он был одним из идеологов и организаторов как создания путинской вертикали власти, так и курса на авторитарную экономическую модернизацию в тесном партнерстве с Западом. В феврале 2004 года в отставку был отправлен премьер-министр либерал М. Касьянов, публично выразивший несогласие с арестом Ходорковского и национализацией ЮКОСа. После этих отставок влияние либералов на политический курс Путина принципиально ослабло. Часть либералов продолжала работать в правительстве (Греф, Кудрин и др.), но их функции все больше сводились к технократическим. Сфера деятельности и влияния оставшихся либералов замкнулась исключительно на экономических вопросах. Основной вес в близком окружении Путина приобрели силовики из ФСБ, внешней разведки, прокуратуры и других силовых ведомств. Их мировоззрение было антилиберальным и антизападным, как и мировоззрение самого Путина.

Затем консолидация авторитарного режима была закреплена четвертыми выборами в Государственную думу в декабре 2003 года и президентскими выборами в марте 2004 года. На думских выборах президентская «Единая Россия» получила 37% голосов, втрое обойдя коммунистов Зюганова, занявших второе место. Умело включив в свою фракцию множество независимых депутатов, избранных в округах, «ЕР» впервые

получила в Думе конституционное большинство, позволяющее принимать федеральные законы без участия других парламентских фракций. Либеральные партии «Яблоко» и «Союз правых сил» впервые не попали в парламент, парламент остался без представительства либеральных сил (за исключением нескольких депутатов, победивших в отдельных округах, включая автора). На президентских выборах В. Путин в первом же туре получил 71% голосов, кандидат от коммунистов Н. Харитонов — только 14%.

К началу 2004 года Путин обладал полнотой власти в России и решающим образом потеснил либеральную ельцинскую элиту. В его руках оказался полный контроль над парламентом, правительством, регионами, судебной системой, основными федеральными СМИ. Все противовесы президентской власти были подавлены или разгромлены — региональные элиты, оппозиционные партии, ведущие медиа, крупный бизнес.

Консолидация власти и смещение баланса в элитах в пользу силовиков привели к качественным изменениям в идеологии политического режима и способах удержания им власти. Модернизационная повестка сохранялась, но наметился коренной поворот к усилению тематики внутренней и внешней безопасности. Любая публичная критика и оппозиционная деятельность теперь резко воспринималась как угроза безопасности политического режима. Власть в большей степени стала опираться на цензуру в СМИ и государственную пропаганду, на запрет на участие оппозиции в выборах и на фальсификацию итогов выборов, давление на независимые НКО. Начали серьезно меняться основы экономической политики.

Арест Ходорковского и национализация ЮКОСа (активы компании оказались в руках государственной корпорации «Роснефть», которую возглавил силовик И. Сечин — близкий сотрудник Путина) ознакомили начало построения в России государственного монополистического капитализма. Взят курс

на создание громадных государственных корпораций во главе с лояльными Кремлю менеджерами. Больше всего госкорпораций было создано в 2007 году³. Переход к госкапитализму позволил Путину поставить под политический контроль основные активы России, подкрепив контроль над политическими институтами контролем над экономикой. Привлечение иностранных инвестиций приветствовалось, но под государственным надзором в рамках концепции «суверенной экономики». Ставка на государственные монополии, сокращение экономической конкуренции шли рука об руку с ограничениями конкуренции политической.

Последовательно ужесточалась внутренняя политика. Если в первый президентский срок Путин строил свою легитимность на наведении порядка, построении вертикали власти и росте благосостояния населения, то теперь растущее беспокойство по поводу возможного внутреннего противодействия режиму добавило к задачам экономического развития и консолидации власти меры по установлению полицейского режима в стране. Идеологически полицейское государство обосновывалось необходимостью защиты «стабильности» в противовес хаосу «лихих 90-х». «Стабильность» стала центральным лозунгом властей. «Не раскачивайте лодку!» — призывал общество Кремль. Громко зазвучала тема защиты суверенитета России от внешних и внутренних угроз. Полицейские и политические меры по «защите стабильности и суверенитета» на фоне продолжающегося экономического бума в целом приветствовало большинство населения страны.

Как и другие авторитарные режимы, режим В. Путина прежде всего обеспокоен угрозами своему господству. Решение отказаться от демократии, политической конкуренции и, как позже выяснилось, в принципе от сменяемости власти побуждало Кремль с силовиками советской школы всюду изыскивать угрозы и бороться с ними. Как пишет главный

политтехнолог Кремля того периода Г. Павловский, «запугивание Путина мнимыми угрозами становится важным кремлевским фактором. Апробированное в 2004 году, оно превратится в систему». Тогда же впервые был применен новый метод борьбы с оппозицией — оппозиционных кандидатов все чаще перестали допускать к участию в выборах⁴.

В самом начале второго путинского президентского срока, в июне 2004-го, власти ужесточили правила проведения митингов и демонстраций: теперь для этого требовалось согласие местных властей. В результате отказы в проведении мирных акций протеста стали обычной практикой. В сентябре 2004 года после захвата террористами школы в Беслане и массовой гибели заложников Путин отменил выборы губернаторов, ликвидировал одномандатные округа на выборах в Думу, вновь ужесточил правила регистрации политических партий. Число зарегистрированных государством партий искусственно сокращено с 43 до 7, что в очередной раз урезало политическую конкуренцию и создало дополнительные преимущества «Единой России».

7 октября 2006 года в центре Москвы, в подъезде своего дома, была убита журналист «Новой газеты» Анна Политковская, известная своими смелыми репортажами о преступлениях властей в Чечне. Дело до конца не раскрыто по сей день. Это трагическое событие отразило общее наступление властей на свободу слова, оппозицию и права граждан.

К 2008 году — концу второго президентского срока Путина — в России сложился зрелый авторитарный режим с полным господством президента над другими ветвями власти, над политическими институтами, с конституционным большинством президентской партии в парламенте, контролем Кремля над основными СМИ и цензурой в них, с активной государственной пропагандой, отсутствием разделения властей, жестокими разгонами мирных акций протеста и преследованиями

оппозиционеров, контролем государства над главными экономическими активами.

Идеологией второго президентского срока Путина стала «суверенная демократия». Она пришла на смену предшествующей идеологии авторитарной модернизации в тесном сотрудничестве с Западом. Новый комплекс идей, принципиально отличавшийся от всех предыдущих, выдвинул и обосновал ведущий идеолог Кремля того периода В. Сурков, первый заместитель главы администрации президента, ответственный за внутреннюю политику, идеологию и пропаганду.

Концепт «суверенной демократии» подвел черту под основными идеями периодов перестройки и реформ 90-х годов. Идея демократической трансформации России на основе общечеловеческих или универсальных европейских ценностей решительно отброшена. Началось утверждение России как центра самостоятельной культуры, отличной от западной. Обоснование особой модели развития и особой миссии в мире. Кардинальный поворот руководящей идеологии Кремля отразил коренные изменения во внутреннем развитии страны и оказал решающее влияние на внешнюю политику Москвы. Эпоха модернизации осталась в прошлом, началась эпоха возрождения великодержавия в ресоветизированной форме.

Исходный тезис Суркова — глубокая самобытность российской политической культуры и, шире, русской культуры вообще⁵. Культура доминирует над политическим и экономическим развитием, всецело определяет его. «Культура — это судьба». Культура отвергает внешние заимствования, если они не соответствуют ей. В силу этого исторически российские «реформы удавались лишь в той мере, в какой опознавались как свои, как приемлемые русской культурой. Все несовместимое с жизнью нашей культуры, задевающее ее фундамент всякий раз болезненно отторгалось». Новое Российское государство строится на «историческом фундаменте национальной

государственности». Его устройство предопределено «фундаментальными категориями и матричными структурами нашей истории, национального самосознания, культуры».

Что же предписывает неизменная и несокрушимая культурная «русская матрица» современному Российскому государству? Сурков выявляет три основных руководящих принципа: 1) стремление к политической целостности через централизацию властных функций; 2) идеализация целей политической борьбы; 3) персонификация политических институтов.

Неприкрыто обосновывался персонифицированный путинский авторитаризм, вытекающий, по мнению Суркова, непосредственно из русской культуры и извечной «государственной матрицы». Более того, «в нашей политической культуре личность и есть институт». Легитимизировался полный разрыв с европейской традицией разделения властей и обезличенных политических институтов, действующих в рамках права.

Важен акцент Суркова на «идеализме русских» и в целом на «идеях». «Идеализм — главное, что до сих пор поднимало и, видимо, будет поднимать Русский мир на новые орбиты развития». «Русский идеализм» веками делает Россию особенной, самостоятельной, независимой. «Этот поиск своей, особенной правды, потребность жить своим умом заставляет действовать подчеркнуто самостоятельно». Начиная от Ивана III, Россия манифестирует интеллектуальную независимость и государственный суверенитет. Идеализм требует также мессианства, «утверждения роли России среди других стран», без которой «национальная жизнь будет неполноценной».

Идеология Путина/Суркова определяет Россию как страну европейскую, но совершенно особенную. И более того, противопоставляет русскую культуру западной, русское «целостное» мышление западному, «механистическому, редукционистскому». В русской культуре «синтез преобладает над анализом, идеализм над прагматизмом, образность над логикой,

интуиция над рассудком, общее над частным». Трудно не увидеть здесь мотивов культурного превосходства над западной культурой. Да и сам Сурков без стеснения провозглашает условием успеха России «культурное превосходство».

Концепт «суверенной демократии» включил сильный националистический компонент. Сурков то и дело говорит о русских, русской идее, русской культуре. «Нам Бог велел быть русскими, россиянами». «Русские, россияне, уже 500 лет являются государствообразующим народом»⁶. Последний тезис позднее был включен в путинский текст Конституции России в 2020 году.

С того же времени берет отсчет курс на самоизоляцию России. Сурков обрушивается с обвинениями в адрес «непатриотической части элиты» — «офшорной аристократии». Она живет или хочет жить на Западе, а сама при этом наживается на богатствах России. Требуется «формирование национально ориентированного ведущего слоя общества».

Впервые выходит на первый план и концептуализируется тема «внешнего вмешательства во внутренние дела», рассматриваемая теперь как прямая угроза суверенитету и безопасности России. Россия сталкивается с опасностью «мягкого поглощения», угрозой «оранжевой революции». Как же это делается? «Размываются ценности, объявляется неэффективным государство, провоцируются внутренние конфликты». «“Оранжевая” технология это вполне наглядно показывает». Особую роль в подрыве государства играют неправительственные организации, финансируемые извне. Если у Запада это («оранжевая революция») получилось в четырех странах, то почему не в пятой (России)?⁷

Концепция «суверенной демократии» соединила основные руководящие идеи Кремля второго срока Путина:

— Обоснование авторитарного, персоналистского и централистского режима как культурно и исторически оправданного, необходимого и неизбежного.

- Особая российская, или даже русская, культура, принципиально отличная от европейской, хотя и одного корня с ней.
- Суверенитет как главная цель и ценность требует отказа от импорта чужих ценностей и опыта, пресечения попыток вмешательства извне во внутренние дела.
- Требование к элитам отказаться от интеграции с Западом, «национализации элит».
- Культурная специфика России вплоть до провозглашения культурного превосходства над другими.
- Великодержавный статус, необходимость глобальной миссии России.
- Демократия, но своя, национальная, принципиально отличная от западной. Если народ доверяет всю полноту власти лидеру, это и есть российский вариант демократии.

Идеология «суверенной демократии» уже содержала в себе тоталитарные интенции — сквозные темы единства, солидарности, идеализма, иррационализма, превосходства, уникальности, цельности, воли, персонификации национальной судьбы в лидере. В полной мере тоталитарный характер кремлевской идеологии раскрылся после нападения на Украину в 2022 году. Там же, в идеологии «суверенной демократии», следует искать идейные корни самого вторжения.

Показательно, что Сурков, критикуя СССР и признавая его распад закономерным, отмечает тем не менее «сильные стороны» советского проекта. Какие же? Мощная идеология и идеологическая работа внутри страны и в глобальном масштабе, а также успешная индустриализация⁸. Далеко не случайно политическая программа «суверенной демократии» в основных чертах воспроизводит советский способ развития — идеологизированный авторитаризм, претензии на глобальную роль и миссию и вместе с тем признание необходимости строго

ограниченного сотрудничества с Западом для привлечения инвестиций и заимствования технологий и знаний. Схожим образом действовал Сталин в 1920–1930-е годы, утверждая жестокую персональную, партийную и идеологическую деспотию внутри СССР и закупая при этом тысячи современных предприятий на Западе для обеспечения военно-политического могущества Советского Союза.

Консолидация к 2004 году авторитарного режима, формирование полицейского государства, централизация и унификация страны, государственная пропаганда, сосредоточение в руках государства основных экономических активов и формирование госкапитализма, идеология «суверенной демократии» закономерно повлекли за собой крупные изменения внешнеполитического курса. Этому же способствовал ряд внутренних и внешних шоков. Как справедливо отмечает Д. Тренин, «в середине 2000-х годов — в промежутке между войной в Ираке и “оранжевой революцией” в Украине — в российской внешней политике произошел крутой разворот». Москва отказалась от интеграции в НАТО и с ЕС, от «союза равных» с США, от «европейского выбора» как выстраивания «Европы» в России. «Вместо этого российская власть свернула на привычную колею великодержавной политики». Руководящая идея того периода: Россия — самостоятельный центр силы, не принадлежащий ни Европе, ни Азии, организованный на собственных началах и преследующий исключительно собственные интересы⁹. Правда, при этом Тренин настаивает на отсутствии у Москвы какой бы то ни было идеологии, на превалировании в ее действиях сугубого прагматизма и реализма, с чем я не могу согласиться. На мой взгляд, как раз руководящая идеология вместе с политикой удержания власти определяла и определяет в решающей степени внутривнутриполитическое и внешнеполитическое поведение Москвы.

Изменения внешнеполитического курса во второй путинский срок вытекали не из перемен в международной среде, хотя и были отчасти реакцией на них, но из динамики внутреннего развития — общего состояния страны, изменения идеологии Кремля и методов удержания власти правящей группой.

Задача модернизации России — экономико-технологической, но не общественно-политической — не отменялась, что сохраняло необходимость тесного прагматического сотрудничества с Западом, прежде всего с Европейским союзом. В этой части прагматизм предшествующих периодов не претерпел особых изменений. Однако в политическом отношении доверие и интерес к Западу были радикально подорваны. Теперь Москва глядела с неодобрением и подозрением почти на любые действия Запада на международной арене, особенно на постсоветском пространстве. Всюду виделись угрозы геополитическим и геоэкономическим интересам России, ее внутренней стабильности (на деле — стабильности режима). Вернулась в полный рост примаковская идея балансирования центров силы, вырос интерес к активности в СНГ и развитию связей на Востоке и Юге. Впервые за постсоветскую историю Запад и его действия интерпретировались как реальная угроза для России, включая военную; они требовали не одного только словесного осуждения, но и встречных действий. Перемена руководящей идеологии и способа выживания режима делала неизбежным сначала отдаление и отчуждение от Запада, усиление конкуренции и сопротивления, а после переход к открытой конфронтации. Что и случилось в 2014 году.

Ряд крупных внешнеполитических и внутрироссийских событий способствовали идеологической переориентации Кремля и ужесточению внутреннего режима. Реакция на внешние вызовы определялась идеологией Путина и его группы, а также их политикой по сохранению и укреплению власти.

В марте 2003 года западная коалиция во главе с США вторглась в Ирак и свергла Саддама Хусейна и его режим. Путин обвинил американцев в нарушении Устава ООН и применении силы в обход Совбеза ООН. В этом российский президент ситуативно и ненадолго объединился с лидерами Франции и Германии Ж. Шираком и Г. Шредером, что соответствовало его видению — потребности создания особых связей с Европой и достижения большей стратегической автономии Европы от США. Иракский прецедент опять показал Кремлю, что США готовы в одностороннем порядке применять силу против неугодных государств и силой же свергать неугодные режимы.

В ноябре 2003 года после нечестных парламентских выборов народные волнения привели к падению власти президента Э. Шеварднадзе в Грузии. В Тбилиси случилась «революция роз». Новый лидер Грузии Михаил Саакашвили скоро взял прозападный курс и принялся наращивать военную активность близ сепаратистских промосковских грузинских регионов Абхазии и Южной Осетии. И здесь Путин усмотрел прежде всего руку США и Запада, их наглое наступление на сферу интересов России на Кавказе и, главное, очередную отработку западной технологии смены режима через поддержку массовых выступлений граждан на площадях.

В сентябре 2004 года террористы захватили школу в городе Беслан, Северная Осетия. При контртеррористической операции российских спецслужб погибли сотни заложников, в том числе дети. Р. Саква считает этот момент переломным в отношениях России и Запада: «Путин считал, что, пользуясь слабостью Российского государства, Запад фактически поддерживает чеченских повстанцев»¹⁰. Реакцией Путина стало ужесточение антизападной риторики и новое закручивание гаек внутри России.

Подлинным потрясением для Кремля стало поражение поддерживаемого Москвой кандидата на украинских

президентских выборах Виктора Януковича в декабре 2004 года. Десятки тысяч киевлян вышли на Майдан Незалежности в центре Киева и потребовали отмены итогов второго тура выборов из-за многочисленных фальсификаций. В ходе повторного второго тура победу одержал либерал Виктор Ющенко, которого Кремль рассматривал как политика прозападной ориентации, к тому же получавшего прямую поддержку Запада (сам Путин открыто помогал Януковичу).

«Российские СМИ освещали происходящее в Киеве односторонне: в Украине происходит инспирированный Западом антироссийский переворот»¹¹. Путин тоже так считал. Тогда состоялась первая попытка сформировать сепаратистское движение в Луганской и Донецкой областях на востоке Украины. Катастрофическое политическое поражение в Украине не оставило у Путина сомнений: за терактами в Беслане, за цветными революциями в различных странах стоит Запад, который хочет «нанести России удар исподтишка»¹². А главное — похоже, что Запад непосредственно угрожает собственному режиму Путина.

Внешнеполитическая стратегия администрации президента США Дж. Буша-младшего, основанная на интервенционистской политике «смены режимов» и «превентивных ударов», вызвала в Кремле не только возмущение, но и страх. Путин продолжил в ответ оборонительное ужесточение внутреннего режима, расширил контроль над СМИ и выборами, ввел новые ограничения на работу НКО, разгоны митингов и демонстраций оппозиции стали более частыми и жестокими.

Решение администрации США выйти из Договора по ПРО и позднее разместить элементы системы ПРО в Европе вблизи российских границ лишь подогрело кремлевские страхи. Это во все более параноидальном Кремле было истолковано как прямая военная угроза России, более того, как возможное намерение Вашингтона создать решающее превосходство сил

и средств для гипотетического «первого обезглавливающего удара по центрам принятия решений» в Москве.

Критика Москвой действий США и их союзников неизменно опиралась на призывы защищать нормы международного права, строго соблюдать Устав ООН и не предпринимать никаких шагов без санкции Совбеза ООН.

Активизация США на постсоветском пространстве, поддержка Штатами нового грузинского и украинского руководства (Саакашвили и Ющенко), очередная цветная революция в Кыргызстане в марте 2005 года, массовые беспорядки в Узбекистане в мае 2005-го усилили в Кремле подозрения, что США и Запад стремятся вторгнуться в российскую «сферу жизненных интересов», ослабить российское влияние в ней. Сам по себе подобный взгляд на события свидетельствовал о господстве в Кремле прочных представлений о пространстве СНГ как о «законной» сфере влияния Москвы, наличии постимперского синдрома, геополитическом подходе к анализу международной обстановки.

В феврале 2007 года В. Путин выступил с яркой речью на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности¹³. Речь содержала новую идеологию и внешнеполитический нарратив официальной Москвы. Она не была однозначно конфронтационной, но четко обозначила принципиальное размежевание России и Запада — впервые за постсоветский период.

В Мюнхене Путин резко осудил *однополярный мир* во главе с США и констатировал его неудачу. Однополярное господство создает больше проблем, чем решает.

США делают ставку на *нелегитимное и неразборчивое применение силы*. А также навязывают другим свои нормы и представления. И вот результат — «никто не чувствует себя в безопасности!» Провоцируется гонка вооружений для самозащиты других стран от американской угрозы.

Происходит *подъем новых центров силы и богатства* (Китай,

Индия, Бразилия, Россия). Потенциал новых центров неизбежно конвертируется в политическое влияние и «будет укреплять *многополярность*».

Одна лишь ООН вправе давать согласие на применение силы (Совет Безопасности ООН). *Ни НАТО, ни ЕС такого права не имеют.* Процесс расширения НАТО носит провоцирующий характер, *не имеет отношения к обеспечению безопасности в Европе.* Запад обманул Россию — ведь обещали не расширять альянс. Расширение НАТО означает, что России пытаются *навязать новые разделительные линии и стены* в Европе.

Запад превратил ОБСЕ в *инструмент* своей корыстной политики. В частности, использует эту уважаемую организацию для *вмешательства во внутренние дела других стран, для навязывания этим государствам того, как они должны жить.*

Россия ужесточила регулирование неправительственных организаций, но почему? По той причине, что когда такие организации финансируются, по сути, иностранными правительствами, *«мы рассматриваем это как инструмент иностранных государств в проведении политики в отношении нашей страны».*

Выделенные центральные темы мюнхенской речи: критика однополярного мира во главе с США; многополярность; нелегитимное применение силы Западом; навязывание Западом своих норм, представлений и правил; подъем не-Запада (и, соответственно, упадок Запада); провоцирующий и опасный характер расширения НАТО; новые разделительные линии в Европе; обман Западом России; вмешательство во внутренние дела; НКО как инструмент в руках зарубежных государств — все эти темы и ранее озвучивались в официальной российской риторике. Но теперь они были значительно усилены и радикализированы, что придало мюнхенской речи Путина отчасти скандальную известность.

В России пропаганда широко рекламировала речь и имела шумный успех. Ее едва прикрытые антиамериканизм,

антизападничество, демонстрация возросшей мощи и самостоятельности России отвечали широкому запросу общества на восстановление державного величия и глобальной роли России. Путин сам сделал на этом звучный акцент. Россия непременно будет играть активную роль в мировых делах: *«Россия — страна с более чем тысячелетней историей, и практически всегда она пользовалась привилегией проводить независимую внешнюю политику»*.

Внутри России креп охранительный идеологизированный авторитарный режим. Вовне Россия заявила о необходимости ревизии международного порядка, сложившегося после окончания холодной войны, потребовала для себя более значимой роли. Существо путинского ревизионизма удачно сформулировал Д. Тренин: «Москва стремится встать вровень со всеми своими основными партнерами на Западе и Востоке и создать центр силы и влияния на пространстве от Евросоюза до Китая в меридиональном отношении и от Северного полюса до “традиционного” Ближнего и Среднего Востока — в широтном»¹⁴. Москва выступила с притязаниями на геополитический великодержавный контроль над постсоветским пространством (кроме трех стран Балтии, успевших войти в ЕС и НАТО), а также на влияние на окрестности этого макрорегиона. Москва ожидала учета своих требований и западных уступок в области безопасности — по вопросам расширения НАТО на постсоветское пространство, размещения американских систем ПРО и военных контингентов НАТО вблизи своих границ, соблюдения договора ДОВСЕ и др. Такие требования находили широкую поддержку в российских элитах и обществе — идеология великодержавия захватила страну. Движимая великодержавными идеями, Москва занялась обороной правящего режима внутри и приумножила требования и усилия по распространению влияния на постсоветском (постимперском) пространстве.

Одновременно рыночный прагматизм пока что сохранял позиции — Кремль все еще стремился к экономической модернизации путем привлечения западных инвестиций и технологий, к захвату мировых, в первую очередь западных, рынков.

Прагматическое сотрудничество с Западом, несмотря на несомненное ужесточение тона и внутренней политики Москвы, по инерции продвигалось вперед. В мае 2005 года практически все западные лидеры, включая президента США Буша-мл., прибыли на юбилейный парад в Москву по случаю 60-летия Победы. Путин продолжал заседать в «Большой восьмерке». В 2006 году единственный раз в истории Россия председательствовала в престижной группе ведущих индустриальных государств и провела в июле саммит «Большой восьмерки» в Санкт-Петербурге под руководством Путина. В отношениях с ЕС формально продолжалось создание «четырех общих пространств» и даже вяло готовилось новое соглашение о стратегическом партнерстве взамен СПС, срок действия которого истек в 2007 году. Москва по-прежнему провозглашала отношения с ЕС вторым по значимости — после интеграции на пространстве СНГ — приоритетом внешней политики, но на практике отношения с Европейским союзом сползали в стагнацию, все более упираясь в несовместимость ценностей, политических систем, экономических моделей и растущие разногласия в отношениях с постсоветскими государствами. При этом в Россию продолжали течь западные инвестиции и во множестве приходили западные компании.

Российское руководство чувствовало себя все увереннее. К статусу мировой ядерной державы добавилось прочное экономическое положение, страна выплатила внешние долги, перестала зависеть от внешней помощи и наслаждалась быстрым экономическим ростом, происходил бурный рост энергетических поставок на внешние рынки. Последнее даже привело к выдвижению Кремлем гордой концепции «энергетической

сверхдержавы». В рамках московской экспансии на мировые энергетические рынки Россия и Германия договорились о строительстве магистрального газопровода по дну Балтийского моря. «Газпром» стал третьей по капитализации компанией мира. Экономика продолжала быстро подниматься. Рост ВВП с 2000 по 2007 год в среднем составлял 7%. За 8 лет ВВП вырос на 72%, Россия вошла в десятку крупнейших экономик мира. Внешняя торговля увеличилась в 5 раз, инвестиции в основной капитал — в 2,5 раза, реальные доходы населения — почти в 2,5 раза¹⁵. Столь впечатляющие успехи формировали уверенность в могуществе страны, ее возможности проводить более наступательную и неуступчивую внешнюю политику.

Начиная с 2006 года новое внешнеполитическое мышление Москвы, новая оценка внутренних и внешних угроз привели к решительной переоценке фактора военной силы. Была принята государственная программа вооружений на 2006–2015 годы. На программу выделили рекордные 4 трлн рублей, 63% из них использовались для закупки нового серийного вооружения. Военные расходы драматически быстро увеличивались: 430 млрд в 2004 г., 680 млрд в 2006 г., 1,04 трлн в 2008 г. — рост более чем в два раза за пять лет.

В ответ на стремление нового руководства Грузии и Украины к интеграции в Евро-Атлантический регион и в НАТО обострились отношения с этими государствами. В декабре 2005 года случился первый острый газовый спор с Киевом. В Европе многие усмотрели в этом прецедент использования Москвой «энергетического оружия». Осенью 2006-го в ответ на арест российских офицеров спецслужб Москва ввела санкции против Грузии. Россия резко выступила против намерений Киева и Тбилиси вступить в НАТО. В мае 2007 года Путин объявил о моратории на исполнение Россией требований Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). В апреле 2008-го российский президент специально прибыл на

саммит НАТО в Бухаресте, чтобы добиться отказа НАТО от предоставления Грузии и Украине Плана действий по членству в блоке (ПДЧ). Там с его стороны впервые прозвучала плохо скрытая угроза в адрес Украины: попытка вступить в НАТО может «поставить на грань существования саму государственность [Украины. — В. Р.]»¹⁶.

Второй президентский срок Путина радикально изменил российскую внутреннюю и внешнюю политику.

Во внутренней политике режим был все менее склонен даже к скромной имитации соблюдения демократических норм и механизмов и все более грубо и открыто попирал Конституцию и права человека. Вовне Москва окончательно отказалась от идеи интеграции с Западом и определила себя как самостоятельный глобальный центр силы, противостоящий западной гегемонии, однополярному миру. И первое, и второе стали следствием торжества изменившейся идеологии правящих групп и их новой стратегии по сохранению и укреплению власти.

Путин и его советники пришли к выводу (уверовав в него) о провале западных попыток глобального доминирования, о неизбежном упадке западной мощи, историческом подъеме не-Запада, включая Россию. Москва от простого осуждения западных планов по расширению НАТО на постсоветское пространство, увеличению там западного присутствия и влияния, односторонних западных действий решила перейти к активному противодействию. Стартовало масштабное перевооружение армии, подкрепленное беспрецедентным ростом военных расходов. Москва отказалась от ограничений, налагаемых на нее ДОВСЕ. Активизировались усилия по экономической интеграции на постсоветском пространстве, укреплению тесных отношений с Китаем, Индией и Ираном, балансирующих западную мощь.

Кремль ясно дал понять, что расширение НАТО на территорию СНГ станет для него «красной чертой». Для «наказания»

прозападных лидеров Украины и Грузии к этим странам впервые были применены санкции и энергетическое давление. Кремль показывал, что не считает постсоветские государства в полной мере суверенными государствами со свободой самостоятельно определять внешнеполитическую и внешнеэкономическую ориентацию, способы обеспечения своей безопасности. Кремлевская позиция оправдывалась необходимостью безопасности России при приближении военной инфраструктуры и сил НАТО. Тем самым Россия признавала, что она все-речь рассматривает западные государства и их альянсы как военную угрозу.

Москва превратилась в ревизионистскую державу. Она потребовала пересмотра невыгодных, по ее мнению, правил игры, сложившихся после окончания холодной войны. Во-первых, признания ее великодержавного статуса, учета ее мнения при решении региональных и глобальных проблем, отказа от действий в обход Совбеза ООН, в котором у Москвы есть право вето. Во-вторых, обязательного учета интересов в области безопасности, прежде всего отказа от расширения НАТО на постсоветское пространство, приближения войск и средств США и НАТО к ее территории. В-третьих, признания особых прав Москвы на территории бывшего Советского Союза, отказа третьих стран и их союзов от активной работы там, от втягивания постсоветских государств в чужие орбиты влияния.

Идеологически и пропагандистски требования Кремля обосновывались последовательной защитой международного права, формированием многополярного мира, опасностью создания «разделительных линий в Европе» и принципом «неделимости безопасности». На практике речь шла о признании великодержавного статуса России, предполагающего наличие «своей» сферы геополитического влияния и даже контроля, не-критическом признании внутреннего режима в России, а также о требовании к Западу отказаться от принципа открытости

своих структур и права самостоятельно, без согласия Москвы, решать вопросы безопасности.

Итак, восторжествовавшая в Кремле идеология «суверенной демократии» включила в себя обоснование особой, превосходящей другие культуры России, ее исключительности. В свою очередь, особая и исключительная культура предопределяет особый тип государства — централизованный, солидаристский, с персонифицированной властью. Россия исторически обречена на глобальную миссию. Она часть Европы, но особая. Ее демократия тоже особая, к ней неприменимы универсальные критерии. Россия — великая держава во главе с сильным лидером, которому народверяет бразды правления. Никто не вправе навязывать России модель развития и вмешиваться в ее внутренние дела. Попытки такого вмешательства, в том числе помощь российским НКО или оппозиции, будут сурово пресекаться. Новая власть пришла надолго и никому не позволит помешать ее планам.

Определилась новая стратегия поддержания прочности политического режима. Игра на великодержавных сантиментах, обвинениях США и Запада в обидях, нанесенных России, на якобы исходящих от Запада внешних и внутренних угрозах. На особых правах России на «нашем общем» постсоветском пространстве, «общей исторической судьбе» и близости культур. На альянсах с незападными державами, призванных сбалансировать «дикий и опасный» Запад с его безответственными односторонними акциями. «Самосохранение власти требовало обратиться к остальным элементам традиционной матрицы: милитаризму, использованию формулы “осажденной крепости” для консолидации общества и имперскости, которая подразумевает наличие сфер влияния»¹⁷.

Идеология великой самостоятельной России, наконец «вставшей с колен», «суверенной демократии», возрождения

тесных связей на постсоветском пространстве при лидерстве Москвы, справедливого противодействия незаконным и несправедливым гегемонистским шагам США и Запада, защиты со стороны Москвы принципов и норм международного права и ведущей роли ООН в мировых делах прекрасно резонировала с общественными настроениями и получала массовое одобрение. Этому же способствовал продолжающийся быстрый рост экономики, доходов и качества жизни россиян.

Западное общественное мнение сильнее и громче осуждало внутренние процессы в России, перемены во внешнеполитическом поведении Кремля. Однако западные политики все так же предпочитали не замечать негативных тенденций в России и старались вести дела по-старому, в духе реализма и прагматизма. «Западные лидеры и не пытались вмешиваться во внутренние дела России. Они старались смотреть сквозь пальцы на стремление Москвы восстановить контроль за “ближним зарубежьем”»¹⁸. Западный бизнес с удовольствием продолжал вкладывать громадные инвестиции в российскую экономику, извлекая баснословные прибыли на перспективном рынке, одном из крупнейших в мире.

Лилия Шевцова определяет путинскую политику тех лет как «быть с Западом и против Запада». Важны обе части формулы. Быть с Западом означало максимально использовать западные инвестиции, технологии и рынки для модернизации экономики и повышения жизненного уровня народа. Главное же — для наращивания мощи и возможностей государства, особенно военных и полицейских. Модернизация продолжалась, но ограниченная, исключая политические, правовые и общественные институты. А быть против Запада означало использовать, помимо прочего, богатые западные ресурсы для построения авторитарного режима, подавления свобод и нарушения прав человека, возрождения военной мощи, экспансии на постсоветском пространстве и в других частях мира. А

также активно использовать антиамериканские и антизападные сентименты в целях укрепления политического режима.

Второй президентский срок Путина, несмотря на противоречивые и даже опасные тенденции для страны, заканчивался в целом успешно. Россия оставалась на подъеме, хотя оппозиция, особенно либеральная, гражданское общество и свобода слова уже сурово подавлялись. Отношения с Западом постепенно ухудшались, однако до конфронтации дело еще не дошло. Более того, стороны по-прежнему делали вид, что все идет нормально. Путин продолжал участвовать в саммитах «Большой восьмерки» и с ЕС, декларировать приверженность укреплению связей с единой Европой, готовность поддержать новое соглашение о стратегическом партнерстве с ЕС. Активно осуществлялись двусторонние связи с западными государствами, прежде всего с Германией, Францией и Италией.

Однако срыв в конфронтацию с Западом в недалекой перспективе становился неизбежным из-за фундаментальных перемен, произошедших в руководящей идеологии политического руководства России, и изменений в политической системе. Идеология авторитарной модернизации в тесном партнерстве с Западом сменилась великодержавной, антилиберальной и антизападной «суверенной демократией», обоснованием необходимости реставрации «старого режима» (под благопристойным предлогом возвращения к «лучшим национальным традициям»). Становление идеологизированного авторитаризма вело к отторжению западной либеральной модели, формированию из Запада образа врага, росту аппетитов на просторах СНГ и стало необходимой частью стратегии властей по укреплению политического режима и продлению сроков его существования.

Примечания

¹ Гайдар Е. Веймарский синдром // Коммерсант. 2006. 6 февр.
<https://www.kommersant.ru/doc/646878>

² Подробно историю внутренней политики Путина см.: Алексашенко С. Контрреволюция. Как строилась вертикаль власти в современной России и как это влияет на экономику. М.: Альпина паблишер, 2019. 408 с.

³ Матвеев И. Как устроен российский госкапитализм // Открытый университет.
<https://openuni.io/course/12-course-7-5/lesson/6/material/915/>

⁴ Павловский Г. Осадок политехнологий. Как семь предвыборных кампаний сформировали Россию // Московский Центр Карнеги. 2018. 16 марта. <https://carnegiemoscow.org/commentary/75808>

⁵ Сурков В. Русская политическая культура. Взгляд из утопии // Интелпрос. 2007. 8 июня. http://www.intelros.ru/subject/karta_bud/687-vladislav_surkov_russkaja_politicheskaja_kultura_vzglyad_iz_utopii.html

⁶ Стенограмма выступления заместителя руководителя администрации президента — помощника президента РФ Владислава Суркова перед слушателями Центра партийной учебы и подготовки кадров ВПП «Единая Россия» 7 февраля 2006 г. <https://web.archive.org/web/20060418035317/http://www.edinros.ru/news.html?id=111148>

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Тренин Д. Одинокое плавание / Д. Тренин; Московский Центр Карнеги. М.: Изд-во Р. Элинина, 2009. С. 9.

¹⁰ Саква Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны. М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. С. 129.

¹¹ Зыгарь М. Вся кремлевская рать. Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература, 2016. С. 118.

¹² Там же. С. 120.

¹³ Выступление В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г.
<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>

¹⁴ Тренин Д. Одинокое плавание... С. 123.

¹⁵ Экономика России с 2000 по 2008 год: итоги // ВШЭ. 2008. 13 марта. <https://iq.hse.ru/news/177682675.html>

¹⁶ Текст выступления В. Путина на саммите НАТО в Бухаресте 4 апреля 2008 года приводит А. Илларионов: <https://aillarionov.livejournal.com/723745.html>

¹⁷ Шевцова Л. Одинокая держава. Почему Россия не стала Западом и почему России трудно с Западом / Московский Центр Карнеги. М.: РОССПЭН, 2010. С. 55.

¹⁸ Там же. С. 59–60.

Глава 8

Президентство Дмитрия Медведева — властный «тандем», ограниченная модернизация и неудача внешнеполитической «перезагрузки» (2008–2012)

7 мая 2008 года в Кремле принес присягу на Конституции третий президент России Дмитрий Медведев. Он стал главой государства в сорок три года и олицетворял молодость и прогрессивные взгляды. В ходе избирательной кампании Медведев заявил о приоритете модернизации страны и выдвинул формулу четырех «и»: развитие институтов, инноваций, инвестиций и инфраструктуры. Дело дошло даже до громкого политического лозунга: «Свобода лучше, чем несвобода».

Дмитрий Медведев никогда не стал бы президентом без поддержки Владимира Путина. Последний выбрал его преемником и оказал всемерную помощь на выборах. Выбор преемника объяснялся давним знакомством Путина с Медведевым и личной лояльностью последнего. Путин и Медведев знакомы и работали вместе с начала 1990-х годов, тогда еще в мэрии Санкт-Петербурга. Медведев всегда оставался послушным подчиненным старшего патрона. На первых президентских

выборах Путина в 2000 году Медведев был главой его предвыборного штаба, после работал в качестве заместителя А. Волошина, главы администрации президента. После ухода в отставку Волошина Медведев получил в 2003–2005 годах место главы администрации президента. С 2005 по 2008 год занимал должность первого заместителя главы правительства, отвечал за реализацию модных «национальных проектов»: распределял триллионы рублей на развитие образования, здравоохранения, социальной политики, культуры и науки, что способствовало росту его известности и популярности.

В 2007 году Путин отклонил предложение части окружения изменить Конституцию и избираться на третий срок. Вместо этого Путин выбрал преемника и обеспечил его беспроblemное избрание. Медведев получил на выборах в марте 2008 года 70% голосов, лидер коммунистов Зюганов — 18%, глава ЛДПР Жириновский — 9%.

Однако ясно, что Путин вовсе не отказался от власти. Он переместился на второй по значимости пост главы правительства и сохранил за собой руководство правящей партией «Единая Россия». На выборах в Государственную думу 2 декабря 2007 года, впервые прошедших только по партийным спискам, «ЕР» во главе с Путиным получила 64% голосов и повторно сформировала конституционное большинство; либералы вновь провалились. Путин также сохранил контроль над силовыми ведомствами и в целом над кадровой политикой.

В России возник уникальный властный «тандем», в котором молодому президенту была отведена роль младшего партнера. На всем протяжении президентства Медведева его не слишком принимали всерьез ни внутри страны, ни на международной арене. Многие с самого начала предполагали, что после окончания четырехлетнего срока Медведев вернет президентскую власть Путину, Конституция допускала такой вариант. Что и случилось в 2012 году.

В годы правления тандема Медведев — Путин идеология политического режима и его стратегия удержания власти принципиально не изменились.

Все так же в основе кремлевского мировоззрения оставалась борьба за утверждение великодержавного статуса России в мире, построение авторитарного государства и ограничение «внешнего вмешательства» во внутренние дела, требование ревизии сложившегося миропорядка, соперничество с Западом, острая борьба за контроль над постсоветским пространством. Однако стиль власти обновился. Медведев куда охотнее говорил о модернизации, сотрудничестве с западными странами для модернизации и решения международных проблем. Его внутривластная риторика и активность тоже оказались сравнительно более либеральными, чем путинские.

Путин сохранил реальную власть над страной в целом, но предоставил Медведеву как формальному главе государства некоторую свободу рук как во внутренней, так и во внешней политике. Порой это приводило к разногласиям, но никогда не выливалось в конфликт неравновесных фигур властного тандема.

Уже первое президентское послание Федеральному собранию в ноябре 2008 года отразило двойственность политической позиции Медведева¹. С одной стороны, новый глава государства много и горячо говорил о приверженности демократии и свободе, предложив набор косметических либеральных реформ политической и судебной системы. Он подтвердил принцип открытости страны и ее экономики, важность интеграции в мирохозяйственные связи и достижения глобальной конкурентоспособности России.

С другой стороны, обрушился с набором «канонических» упреков в адрес Запада. Обвинил в «варварской агрессии» против Южной Осетии в августе 2008 года не только грузинский режим М. Саакашвили, но и США. Атака на Цхинвали «стала,

помимо прочего, следствием самонадеянного, не терпящего критики и предпочитающего односторонние решения курса американской администрации». Критике со стороны Медведева подверглись решения США о вводе флота США в Черное море в дни грузинского конфликта и «ускоренное навязывание Европе противоракетных систем». США объявлялись главными виновниками мирового финансово-экономического кризиса, начавшегося в 2008 году. Как и Путин, Медведев призвал «партнеров» признать ошибки, допущенные США и Западом, и «радикально реформировать политическую и экономическую системы» (в мире). Таким образом, Медведев с первых шагов продемонстрировал преемственность своей политики ревизионистскому курсу Путина, начатому в 2007 году в Мюнхене.

В первом послании Медведев особо подчеркнул великодержавие и исключительность России — страны с тысячелетней историей, неповторимой культурой, огромной территорией, мощным экономическим и военным потенциалом. Со своим уникальным комплексом ценностей и идеалов.

Прозвучали угрозы и в адрес внутренних критиков властей: «Считаю своим долгом предостеречь тех, кто надеется спровоцировать обострение политической обстановки. Мы не позволим разжигать социальную и межнациональную рознь, обманывать людей и вовлекать их в противоправные действия». При всей стилистической либеральности речи нового российского лидера основы руководящей идеологии Кремля остались прежними — ревизионизм и соперничество с Западом вовне и охранительство внутри.

Продолжение курса на укрепление авторитаризма проявилось и в том, что в первом же послании Медведев предложил увеличить срок полномочий президента с 4 до 6 лет, Государственной думы с 4 до 5 лет. Как в скором времени стало понятно, поправки вносились в Конституцию в интересах Путина и партии «Единая Россия».

Продолжение политики соперничества с Западом выразилось в объявленном в послании решении разместить ракетные комплексы «Искандер» в Калининградской области, резком увеличении военных расходов и ускорении реформирования армии, заявленной готовности подавлять радиоэлектронными методами американские базы ПРО в Европе, активизации военно-политического сотрудничества в рамках ОДКБ.

В первые же месяцы президентства Медведев столкнулся с крупным международным кризисом на Кавказе.

Начиная с весны 2008 года обстановка вокруг сепаратистских грузинских регионов Южной Осетии и Абхазии, где еще с 90-х годов размещались российские миротворцы, накалялась. В регион стягивались грузинские и российские войска, проходили военные учения. В ночь с 7 на 8 августа 2008 года Михаил Саакашвили приказал начать обстрелы и перейти в наступление. В ответ Медведев немедленно распорядился ввести в Южную Осетию и Абхазию российские войска. Грузинские вооруженные силы были отброшены. Российские танки остановились в часе езды от Тбилиси. 12 августа президенты России и Франции Д. Медведев и Н. Саркози согласовали в Москве план урегулирования военного конфликта из шести пунктов. 15 августа свою подпись под планом поставил Саакашвили. Так завершилась молниеносная пятидневная российско-грузинская война. Конфликт вновь был заморожен.

26 августа 2008 года Медведев неожиданно объявил о признании Россией государственной независимости Южной Осетии и Абхазии. Такое резкое и немыслимое прежде для России решение мотивировалось недавним прецедентом — признанием Западом независимости сербского региона Косово (независимость была провозглашена в одностороннем порядке 17 февраля 2008 года). 17 сентября 2008 года Медведев подписал с лидерами двух названных территорий договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, включавшие гарантии

военной защиты со стороны Москвы вновь признанных государств. Никто из союзников России в СНГ и крупных партнеров в мире не признал независимость Южной Осетии и Абхазии. А независимость Косово по состоянию на 2021 год признали 89 государств, включая США и ведущие страны ЕС.

Россия и Запад трактовали грузинские события противоположно. На Западе нехотя соглашались с тем, что первый удар был нанесен грузинской стороной, но считали, что это стало результатом умелой провокации со стороны Москвы. И полагали неприемлемым и введение российских войск на территорию независимого государства, и признание независимости двух регионов суверенной Грузии. В Кремле же говорили о неспровоцированной агрессии Грузии по отношению к мирным регионам и жителям, находившимся в соответствии с международным мандатом под защитой миротворцев. А необходимость признания мотивировали защитой мирного населения и прецедентом Косово (признанным Уставом ООН правом народов на самоопределение).

В любом случае Москва продемонстрировала решимость действовать на постсоветском пространстве не только применением экономических санкций или дипломатическими демаршами, но и применением военной силы. Это стало материальным подтверждением серьезности заявления Медведева о том, что вокруг России расположены регионы, в которых имеются «привилегированные интересы» Москвы.

Еще до пятидневной войны на Кавказе Медведев утвердил новую Концепцию внешней политики России — первую после 2000 года². Она отразила серьезную перемену идеологии и внешнеполитической стратегии Кремля по сравнению с периодом первого президентства Путина, когда принималась и действовала предыдущая Концепция. Если в 2000 году приоритетами России назывались внутренняя модернизация, прежде всего экономическая, с опорой на широкое международное

сотрудничество, активное участие в существующих международных институтах, безусловное признание ценностей демократии и прав человека, а также курс на интеграцию с Европейским союзом, то теперь приоритеты выглядели совершенно иначе.

Во-первых, Россия определяла себя как, несомненно, состоявшаяся великая держава. Она укрепила авторитетные позиции на международной арене. Россия — крупнейшая евроазиатская держава, успешно решившая основные внутренние проблемы предшествующих десятилетий. Теперь страна намерена воздействовать на общемировые процессы для установления нового «справедливого и демократического миропорядка». «Новая Россия, встав на твердую почву национальных интересов, обрела полноценную роль в глобальных делах». Более того, заново обретя державную мощь, «Россия оказывает существенное влияние на формирование новой архитектуры международных отношений». В этих и других похожих пассажах читается принципиально новое восприятие российским руководством своего статуса и возможностей. Великая ядерная и энергетическая держава требует ревизии сложившегося миропорядка и признания всеми ее соруководящей роли в изменениях.

Во-вторых, повторялся тезис о неэффективности в новых условиях «традиционных громоздких военно-политических союзов», то есть НАТО. Говорилось о готовности сотрудничать с НАТО «на условиях равноправия», но подтверждалось негативное отношение к расширению альянса, особенно к планам принятия в НАТО Украины и Грузии. Перечислялись все без исключения традиционные обиды и несогласия Москвы с Западом — от односторонних действий Запада в обход Совбеза ООН до общей дестабилизации международной обстановки, провоцирования гонки вооружений и прочего. Претензии к Западу в целом лишь приумножились и высказывались в более резкой форме.

В-третьих, впервые в официальной внешнеполитической риторике Москвы отчетливо зазвучала тема «цивилизационных различий». Мир разнообразен, в нем конкурируют различные цивилизации с «различными ценностными ориентирами и моделями развития», пусть пока еще и «в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики». Официально одобрялась теория «суверенной демократии» как особой российской модели развития и, более того, особой цивилизации.

При описании темы прав и свобод человека Концепция 2008 года возмущалась использованием «двойных стандартов», требуя «уважения национальных и исторических особенностей каждого государства в процессе демократических преобразований без навязывания кому-либо заимствованных систем ценностей». Звучал излюбленный кремлевский мотив «двойных стандартов», «навязывания ценностей и стандартов извне», права каждого государства на свою «особенную» демократию, например, «суверенную» или «управляемую». Тема интеграции России в евро-атлантическое сообщество либеральных демократий снята окончательно. А защита авторитарной модели внутри страны опиралась теперь не только на культурные, как у Суркова, но и на цивилизационные аргументы.

В-четвертых, впервые на уровне руководящего документа предрекался неизбежный упадок Запада и крах его глобального лидерства. Неминуемый упадок глобальной монополии атлантистов толкает последних на безответственные попытки нового «сдерживания» России. Хуже того, для этих неблагоприятных целей Запад предпринимает «избирательный подход к истории, прежде всего к истории Второй мировой войны и послевоенного периода».

Мотив неотвратимого упадка Запада становится краеугольным в новой ресоветизированной идеологии Кремля. Из него делается вывод о возможности и даже полезности настойчивого и повсеместного сопротивления угасающему гегемону, о

перспективности сколачивания «антигегемонистского блока» совместно с другими поднимающимися незападными державами, в первую очередь с Китаем и Индией.

Что касается вымышленного антироссийского «переписывания истории» на Западе, то этот сюжет исключительно важен для консолидации российского общества на антизападной основе. Как я уже отмечал, по всем опросам, Победа СССР в Великой Отечественной войне неизменно остается главным предметом гордости россиян в отечественной истории. Тщательно отыскиваемые и затем раздуваемые пропагандой отдельные и маргинальные примеры «нападок» Запада на Победу, «умаления» заслуг Советского Союза вызывали и вызывают огромный резонанс, сплачивая общество вокруг Кремля в его противостоянии «неблагодарному Западу», укрепляя легитимность властной верхушки.

В-пятых, Концепция 2008 года радикализовала традиционный тезис о необходимости защиты граждан России и «соотечественников» за рубежом. Впервые в официальном программном внешнеполитическом документе появился термин «Русский мир», определенный как «многомиллионная русская диаспора». Прозвучало обещание рассматривать Русский мир как партнера государства, защищать права и законные интересы русских и россиян за рубежом, расширять и укреплять «пространство русского языка и культуры», помогать заграничным организациям соотечественников, их консолидации.

В-шестых, впервые в полный голос зазвучала тема решительного противостояния проявлениям «неофашизма», «агрессивного национализма», «антисемитизма и ксенофобии». Эта тема, опять же, увязана с «попытками переписать историю», нагнетать конфронтацию и реваншизм в мировой политике, «подвергнуть ревизии итоги Второй мировой войны». В полной мере отразилась идеологическая конфронтация со странами Балтии и некоторыми государствами Восточной

Европы, а также с украинским руководством во главе с Виктором Ющенко. Всех их в Москве все чаще обвиняли в якобы симпатиях к нацистам, радикальном национализме, грубом ущемлении прав русскоязычных, гонениях на русский язык и русскую культуру.

Как нетрудно убедиться, молодой и «либеральный» президент Медведев, определяя внешнеполитическую стратегию России, лишь подтвердил и развил идеологический переворот, совершенный ранее Путиным и Сурковым в мюнхенской речи и в концепции «суверенной демократии». Россия утверждала великодержавный статус, заявляла о привилегированных интересах на постсоветском пространстве, предрекала упадок западной гегемонии и декларировала готовность противостоять ей в строительстве нового мирового порядка в процессе пересмотра неблагоприятных для нее итогов холодной войны. Москва демонстрировала амбиции активного глобального игрока. Позиционировала себя как отдельная не только культура, но и цивилизация с особыми, исключительными ценностями, с особым путем развития. Россия готова была сопротивляться Западу и даже наступать по всем азимутам — от постсоветского пространства до борьбы с теми, кто «переписывал историю», отрицал или принижал решающий вклад СССР, а значит, и его правопреемника России в Великую Победу. Россия полагала себя отдельным центром силы в многополярном мире и отказалась от идей интеграции с кем бы то ни было. Кроме постсоветских государств, в отношении которых видела себя региональным гегемоном.

Глубокое отчуждение от Запада стало фактом. Оно несло в себе семена недалекой по времени враждебности. Зубодробительная критика Запада служила прежде всего внутренним задачам правителей России. Чем злее руководители в Кремле нападали на Запад, чем громче клеймили «прозападных» «русофобских» политиков в Киеве, Тбилиси и Кишиневе, чем

шире разливали возмущение действиями «неофашистов» и «радикальных националистов» в странах Балтии и в Украине, оскорбляющих «память ветеранов», тем заметнее росла поддержка власти внутри страны, тем успешнее происходила консолидация народа вокруг авторитарной верхушки на антилиберальной, шовинистической и антизападной основе.

Вторая позиция в правящем тандеме, необходимость следовать господствующей великодержавной идеологии и стратегии авторитарного режима по поддержанию легитимности и удержанию власти, очевидно, ограничивали порыв Медведева к модернизации (скорее всего, вполне искренний). На практике громко обещанная медведевская модернизация сводилась главным образом к экономико-технологическим мероприятиям, косметическим реформам политико-правовой сферы и строго дозированному расширению сотрудничества с Западом³.

Относительному улучшению отношений России с США и Западом способствовала очередная смена администрации в Вашингтоне. Почти одновременно с Медведевым президентом США был избран молодой, обаятельный демократ Барак Обама, отказавшийся от напористой политики «распространения демократии», «смены режимов» и «превентивных войн» Буша-младшего. Обама делал ставку на вывод США из войн и конфликтов, многостороннее международное сотрудничество, с куда большим вниманием и уважением относился к ООН и международному праву. Что касалось России, то Обама предложил *перезагрузку* отношений, обернувшуюся рядом позитивных результатов.

Обама делал акцент на общих интересах, по возможности убрав в тень области разногласий. В марте 2009 года возобновилось сотрудничество по линии Россия — НАТО, приостановленное после российско-грузинской войны 2008 года. Вашингтон притормозил развертывание систем ПРО в Польше и

Чехии, прекратил форсировать вступление в альянс Украины и Грузии, началась подготовка нового Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений. 8 апреля 2010 года в Праге Обама и Медведев подписали Договор о СНВ-3.

Москва согласилась возобновить помощь в транзите через свою территорию нелетальных натовских грузов в Афганистан, поддержала введение более жестких санкций против Ирана для того, чтобы побудить Тегеран остановить ядерную военную программу. Регулярно проходили встречи на высшем уровне, быстро росла взаимная торговля и американские инвестиции в российскую экономику. На российский рынок пришли знаменитые американские компании — «Боинг», «Форд», «Дженерал моторс», «Майкрософт» и многие другие⁴.

Однако и многообещающая «перезагрузка» завершилась новым ухудшением отношений России и США. Причины вновь коренились в несовместимости внутреннего устройства России и Америки, несовместимости руководящей идеологии политического класса двух государств.

В 2009 году в российской тюрьме скончался юрист Сергей Магнитский. Он обнаружил и разоблачил схему хищения из российского бюджета 5,7 млрд рублей, разработанную и осуществленную группой чиновников и силовиков. В отместку те, кого он обвинял, поместили его в тюрьму и за одиннадцать месяцев довели до мучительной смерти. Сами коррупционеры при этом ушли от ответственности. История получила громкий резонанс. Президент Обама выразил соболезнование семье погибшего, в Конгрессе США призвали ввести санкции против виновников гибели юриста и увязали отмену древней антисоветской поправки Джексона — Вэника с признанием акта Магнитского, предусматривающего санкции против тех, кто причастен к нарушениям прав человека. Акт Магнитского был принят в США в декабре 2012 года. В Москве громко возмущались «антироссийской кампанией» и грозили ответными мерами.

Авторитарный режим в России, допускающий многочисленные и грубые нарушения прав и свобод человека, вызвал соответствующую реакцию в американском и других западных обществах. Политики этих стран не могли не реагировать на столь вопиющие преступления, как убийство Анны Политковской или смерть в тюремных застенках Сергея Магнитского. Несовместимость внутренних моделей делала невозможным партнерство, основанное на доверии. Москва же не собиралась менять внутреннюю политику, для укрепления и выживания режима сделав ставку на ужесточение авторитарного режима, репрессии против критиков, антилиберальную и антизападную пропаганду в советском духе.

Помимо различий в политических системах, сохранялись и трения в традиционных областях внешней политики и безопасности. Россия опасалась (несоразмерно реальной угрозы, на деле не существующей) приближения западных военных сил и средств к своим границам, военного сотрудничества американцев с постсоветскими государствами. США продолжали настаивать на выводе российских военных баз из стран СНГ, усиливалась конкуренция в сфере энергетики; с 2011 года разгорающийся внутренний конфликт в Сирии еще более развел по разные стороны Россию и США.

Пробуксовывали отношения с Европейским союзом. Сторонам так и не удалось согласовать новое базовое соглашение о стратегическом партнерстве. Создание «четырех общих пространств» тонуло в формальных процедурах и оставалось по большей части на бумаге. Новые амбициозные инициативы — медведевский проект Договора о европейской безопасности (ДЕБ, 2008), Мезебергская инициатива об учреждении Комитета Россия — ЕС по вопросам внешней политики и безопасности (2010) и ряд других — не получили практического воплощения⁵.

В июне 2010 года Медведев и руководство ЕС подписали Совместное заявление по «Партнерству для модернизации», в котором шла речь об интенсификации сотрудничества по многим направлениям экономического, технологического развития и развития связей бизнеса и гражданского общества⁶. Однако и эта договоренность осталась всего лишь декларированием добрых намерений. В числе прочего не удалось согласовать интересы в ключевой для Москвы области энергетических поставок.

В мае 2009 года Европейский союз запустил новую политическую программу «Восточное партнерство» (ВП ЕС) с шестью постсоветскими государствами — Арменией, Грузией, Азербайджаном, Молдовой, Украиной и Беларусью. Цель программы — поддержка в этих странах развития демократии, верховенства права, экономическое сближение с ЕС и его рынками, энергетическая безопасность, развитие контактов между людьми, включая безвизовый режим с ЕС. Предусматривалось заключение в перспективе с государствами ВП соглашений об ассоциации с ЕС.

В Москве с первого дня к инициативе «Восточное партнерство» отнеслись негативно. Вновь дало о себе знать принципиально различное восприятие сторонами постсоветского пространства. В Кремле были убеждены, что пространство СНГ остается сферой российских «привилегированных интересов» и российского влияния. Брюссель исходил из суверенитета постсоветских республик, их права самостоятельно выбирать внешнеполитическую и внешнеэкономическую ориентацию. Для ЕС расширение пространства демократии, верховенства права и Общего европейского экономического пространства означало благотворное распространение зоны безопасности, процветания и свободы. Москва же воспринимала «Восточное партнерство» как один из способов геополитического влияния Запада на просторы бывшего СССР, ослабляющих позиции

России. Кроме того, возникновение у границ России устойчивых демократических государств могло нести в себе угрозу авторитарному порядку, создаваемому в самой России. Характерно для Москвы высказывание министра иностранных дел России Сергея Лаврова о том, что «Восточное партнерство», по существу, было направлено «на отрыв от России наших ближайших соседей, с которыми нас связывают многовековые узы», принуждение их к примитивному выбору — «либо с ЕС, либо с Россией». А также на формирование «разделительных линий в Европе»⁷. В 2014 году принципиальное различие в восприятии постсоветского пространства привело к крупномасштабному международному кризису вокруг Украины и переходу отношений России и Запада к конфронтации.

Акцент Медведева на модернизацию, пусть и ограниченную, не затрагивающую основ авторитарного режима и его идеологии, дал тем не менее положительные результаты.

Страна, хоть и потеряла около 8% ВВП в кризисном 2009 году, сумела быстро оправиться и вернуться к сравнительно быстрому экономическому росту — более 4% в год. Быстрее прежнего росли прямые иностранные инвестиции в российскую экономику. Несмотря на глубокий спад 2009 года, к концу медведевского президентства ВВП в долларовом исчислении был на 38% больше, чем в 2007 году. Реальные доходы россиян выросли за четыре года почти на 30%. Заметно улучшалось качество жизни, особенно в крупных городах. Медведев и правительство Путина по-прежнему делали ставку на преимущественно открытую инвестиционную экономику и привлекали крупные западные компании для работы в стране. К примеру, компании «Роснефть» и «Эксон мобил» договорились о совместной разработке богатых ресурсов Арктического бассейна. На Сахалине российские и западные компании развивали крупные нефтяные и газовые проекты. Работал принцип Медведева, согласно которому эффективность внешней

политики «должна оцениваться по простому критерию: способствует ли она улучшению жизненных стандартов в нашей стране?» Внешняя политика Кремля в целом соответствовала этому требованию.

Был достигнут прорыв в обеспечении населения и компаний интернетом, развитии онлайн-услуг, создана одна из лучших в мире систем электронного документооборота, оказания государственных цифровых услуг населению. В подмосковном Сколково открылся новый центр инноваций и университет международного уровня.

Во внешней политике удалось улучшить отношения с Украиной. В апреле 2010 года Москва достигла соглашения с президентом Украины Виктором Януковичем, сменившим В. Ющенко, о долгосрочной аренде базы российского флота в Севастополе в обмен на снижение цены на газ, поставляемый Киеву.

Делала шаги вперед экономическая интеграция на постсоветском пространстве. В июле 2010 года вступило в силу Соглашение о Таможенном союзе России, Беларуси и Казахстана. Между этими странами с начала 2012 года заработало Единое экономическое пространство с перспективой создания Евразийского экономического союза.

В рамках диверсификации внешних экономических связей в 2010 году построен первый магистральный нефтепровод из Сибири в Китай, а ранее достигнута договоренность о строительстве магистрального газопровода в Китай «Сила Сибири», запущенного в 2019 году. На западном направлении в 2011 году заработал магистральный газопровод в Европу по дну Балтийского моря «Северный поток — 1». В 2011 году успешно завершились многолетние переговоры о вступлении России в ВТО; страна стала членом ВТО в августе 2012 года.

Стремясь максимально использовать улучшение отношений с США, Евросоюзом и другими центрами инвестиций и

инноваций для экономического и технологического развития, Медведев несколько раз шел навстречу западным партнерам по интересующим их вопросам. Возобновился транзит отдельных натовских грузов в Афганистан через территорию России, одно время для этого использовался крупный аэродром в Ульяновске. Россия участвовала в санкциях против Ирана и помогала решить проблему возможной разработки Тегераном ядерного оружия. Москва отказалась от поставок Ирану комплексов ПВО С-300. Летом 2010 года Медведев даже предложил создать широкий международный «альянс для модернизации».

В марте 2011 года Россия по указанию Медведева не стала блокировать резолюцию Совбеза ООН, разрешавшую западным державам закрыть небо над Ливией, чтобы помешать ливийскому лидеру Муаммару Каддафи бомбить расположения повстанцев. На практике западная коалиция не только закрыла небо, но сама принялась бомбить правительственные войска и объекты. В сентябре 2011 года режим Каддафи пал, сам диктатор был зверски убит повстанцами 20 октября 2011 года на дороге у города Сирт.

События в Ливии являлись частью «арабской весны» — революционных событий, прокатившихся по многим арабским странам в начале 2010-х годов. Американская администрация Б. Обамы практически повсюду поддерживала революционеров, усматривая в волне революций наступление демократии и свержение авторитарных режимов. В Москве относились к событиям совершенно иначе. Путин и большая часть элиты усматривали в падении авторитарных режимов Северной Африки и Ближнего Востока возвращение к угрожающей эпохе управляемых извне цветных революций. А американскую поддержку демократических движений расценили как возобновление американской политики «смены режимов».

Премьер-министр Путин публично высказался критически в адрес решения президента Медведева не блокировать резолюцию Совбеза ООН по Ливии. Это не привело к конфликту в тандеме, но, возможно, дополнительно способствовало стремлению Путина вернуться в Кремль, чтобы более твердо, чем «мягкий» Медведев, защищать Россию от внешних угроз. На Путина сокрушение власти Каддафи при поддержке западной авиации и свирепая расправа над лидером Джамахирии произвели громадное впечатление. В правящих группах усилился страх перед вмешательством извне, внутренней дестабилизацией при поддержке внешних сил, возможностью западной операции с целью смены режима уже в самой России⁸.

Опасения усилились после того, как в Москве, Санкт-Петербурге и в других крупных городах России прокатились самые массовые с начала 2000-х годов протесты с требованиями среди прочего отставки Путина, отказа от выдвижения его на новый президентский срок. Протесты были спровоцированы как решением об обратной «рокировке» Медведева и Путина, так и массовыми свидетельствами о фальсификациях на выборах в Госдуму, состоявшихся 4 декабря 2011 года. «Единая Россия» показала плохой для себя результат, набрав 49% голосов и получив чуть больше половины мест в парламенте (238 из 450). При этом что и эти результаты оспаривались многочисленными наблюдателями, обнаружившими массовые нарушения.

Напоследок, уже перед уходом с президентского поста, Медведев инициировал ряд либеральных политических реформ: упрощение регистрации партий, возвращение одномандатных округов на выборах в Думу, новый порядок формирования избирательных комиссий, возврат к демократическим выборам губернаторов регионов⁹. Однако эти реформы были вскоре свернуты или выхолощены Путиным после возвращения в Кремль. Путин выиграл президентские выборы 4 марта

2012 года в первом же туре с результатом 64%. Медведев переместился на позицию премьер-министра, которую и занимал до января 2020 года.

Президентство Медведева оказалось в целом довольно успешным временем для России. Даже крайне ограниченная модернизация при наличии настороженного Путина во главе правительства показала хорошие результаты — экономические, социальные, внешнеполитические. Медведев старался направить усилия на экономическое, социальное, технологическое развитие, привлечение иностранных инвестиций, компаний и технологий и немало в этом преуспел.

Укрепление авторитарного режима продолжалось, но с меньшей интенсивностью. Поле гражданских и политических свобод даже немного расширилось. О чем свидетельствовали громадные митинги на Болотной и Сахарова в Москве — власти им не препятствовали. Свободно и динамично развивался российский сегмент интернета, ИТ-сектор экономики.

Западные лидеры в целом тепло отнеслись к модернизаторским усилиям Медведева и старались конструктивно с ним взаимодействовать. Улучшились отношения с Вашингтоном, Брюсселем, прочими главными европейскими столицами. Неплохо развивались отношения и с соседями по СНГ. Даже грузинский кризис не нанес непоправимого ущерба международным позициям России и вскоре был почти забыт.

Как стало ясно впоследствии, президентство Медведева было последним сравнительно благополучным периодом развития России. Вскоре страна вступит в эпоху установления радикального охранительно-авторитарного режима, острых внешнеполитических конфликтов и начнет сталкиваться со все большими трудностями в развитии. Однако Дмитрий Медведев был способен делать лишь то, что позволяли ему обстоятельства. Его президентство оставалось хрупкой либеральной надстройкой над авторитарной властью Путина с его

охранительной и антизападнической идеологией, выработанной и принятой к руководству в 2005–2007 годах. Медведев несколько замедлил великодержавный и изоляционистский дрейф России, но в общем и целом придерживался той же идеологии великодержавия, особого пути развития, исключительности русской культуры, особых прав на постсоветском пространстве и глобальных амбиций.

В условиях сохранения идеологического и кадрового ядра прежнего режима, господства Путина над партийной системой, правительством, парламентом и силовыми структурами медведевская «модернизация» могла быть только частичной. А попытка «перезагрузки» внешней политики не породила качественно нового внешнеполитического курса Москвы.

Примечания

¹ Послание президента России Д. Медведева Федеральному собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г.

<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>

² Концепция внешней политики Российской Федерации, 15 июля 2008 г. <http://kremlin.ru/acts/news/785>

³ Баланс целей и средств хорошо представлен в программной статье Д. Медведева «Россия, вперед!» от 10 сентября 2009 г.

<http://kremlin.ru/events/president/news/5413>, а также в посланиях президента Федеральному собранию 12 ноября 2009 г.

<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/5979> и 1 декабря 2010 г. <https://rg.ru/2010/11/30/poslanie-tekst.html>

⁴ Внешняя политика России. 1991–2016: колл. монография / Под общ. ред. акад. А. В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2017. С. 266–268.

⁵ Там же. С. 280.

⁶ Совместное заявление саммита Россия — ЕС по «Партнерству для модернизации», 1 июня 2010 г.

<http://www.kremlin.ru/supplement/572/print>

⁷ Сергей Лавров об итогах 30-летних отношений между Россией и Евросоюзом // Российская газета. 2019. 18 дек.

<https://rg.ru/2019/12/18/sergej-lavrov-ob-itogah-30-letnih-otnoshenij-mezhdu-rossiej-i-evrosoiuzom.html>

⁸ Зыгарь М. Вся кремлевская рать. Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература, 2016. С. 249–250.

⁹ Послание президента России Д. Медведева Федеральному собранию Российской Федерации 22 декабря 2011 г.

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123798/

Глава 9

Возвращение Путина. Охранительная ресоветизированная диктатура и попытка великодержавного реванша во внешней политике (2012 год — настоящее время)

Возвращение Владимира Путина в Кремль в 2012 году даже на риторическом уровне предало забвению модернизацию страны. Обновленный вариант политического режима выступил как идеологизированный и последовательно репрессивный. В завершенном виде оформились ресоветизированная великодержавная идеология властей и, соответственно, кремлевское представление о России как «осажденной крепости», столкнувшейся с врагами с Запада, стремящимися ослабить Россию, подорвать ее изнутри, свергнуть законную власть, уменьшить международное влияние, оторвать от Москвы постсоветские государства в процессе принципиального геополитического и цивилизационного противостояния. В официальном дискурсе усилились мотивы культурной и цивилизационной уникальности, исключительности и превосходства России, защиты «традиционных ценностей», этнического русского национализма, противостояния Западу и его ценностям, необходимости формирования всемирного антизападного антигегемонистского альянса.

Во внешней политике Кремль направил основные усилия на энергичную интеграцию постсоветского пространства под

своим водительством, стратегический «поворот на Восток», противодействие Западу в различных регионах мира, включая поддержку антисистемных сил на самом Западе, проведение в нем деструктивных акций. Руководствуясь великодержавной и имперской идеологией, Кремль дважды атаковал Украину — в 2014 и 2022 годах, намереваясь буквально любым способом не допустить «ухода» Киева в евро-атлантическое сообщество и одновременно стремясь укрепить массовую поддержку в российском обществе с его сильным запросом на восстановление советской имперской мощи и «воссоединение русского народа» («Русского мира», «исторической России»).

Внутриполитический и внешнеполитический контекст, в котором Путин вернулся в президентское кресло, интерпретировался через великодержавную идеологическую оптику, дополнительно подталкивая радикализацию охранительного режима.

Массовые протесты в России зимой 2011–2012 годов власти толковали как попытку цветной революции по смене режима Путина, противодействие его возврату на президентский пост. Кремль не сомневался, что за протестами стоит Запад с отработанными во многих странах «оранжевыми» технологиями. Гибель Каддафи, а ранее казнь Саддама Хусейна в декабре 2006 года произвели на Путина и его группу ужасающее впечатление. Они усмотрели в ливийских и иракских событиях потенциальную угрозу себе лично, приняв дополнительные меры по разгрому оппозиции и критически настроенных к власти структур гражданского общества. «Арабская весна», развитие гражданского противостояния в Сирии, в ходе которого Запад поддержал противников режима Асада, также воспринимались как доказательство упрямого стремления Запада к замене неугодных антизападных режимов на послушные прозападные. Умеренную либерализацию и модернизацию Медведева в конечном счете расценили как ошибки слабости. Ведь

они создали условия для массовых протестов в России, чуть было не привели к дестабилизации и серьезному политическому отступлению режима. А неосмотрительная осторожность медведевской России при голосовании в Совбезе ООН по ливийскому вопросу открыла дорогу перевороту в Триполи и гибели Каддафи. Урок был ясен: нельзя проявлять слабость перед лицом врага. Слабость означает поражение и гибель.

Начиная с 2004 года, когда Путину удалось отодвинуть от рычагов власти старую ельцинскую либеральную элиту, ядро правящей группы составляют силовики — прежде всего выходцы из КГБ/ФСБ. Такие деятели, как И. Сечин, Н. Патрушев, С. Иванов, В. Якунин, А. Бортников, как и сам Путин, сформировали свое мировоззрение в молодости, в брежневско-андроповские времена, и оставались глубоко приверженными советским комплексам великодержавия, исключительности, антизападничества, антилиберализма, глобального противостояния с Западом как экзистенциальным противником России. Подобно советским вождям, они нетерпимы к критике, никому не намерены уступать власть, готовы употребить любые средства для ее сохранения. Те же взгляды разделяет большинство силовиков России, так что можно говорить об устойчивом корпоративном мировоззрении российского силового сообщества.

После неудачи «большой сделки» с Западом на основе прагматических (или циничных) договоренностей в духе согласования интересов и при обязательном условии игнорирования внутренних процессов в России в начале 2000-х в Кремле приняли решение более не поддаваться глупым иллюзиям «мирного сосуществования» с атлантистами. И всяческими средствами, включая использование политических убийств, репрессий и насилия, защищать внутреннюю стабильность и несменяемость режима, равно как и внешние интересы Кремля в их великодержавном имперском понимании. Теперь уже без всякой

оглядки на «западных партнеров» и объективные потребности национальной модернизации.

Ресоветизированная великодержавная идеология Путина и его группы прекрасно резонирует с массовыми настроениями, ностальгией по СССР и спросом на возрождение советских практик, идеологием и амбиций. Внутренняя и внешняя политика определяются ресоветизированной идеологией властей и находят массовую поддержку внутри России, укрепляя легитимность политического режима.

Чем агрессивнее и архаичнее становилась политика и риторика Кремля, тем сильнее крепла поддержка власти в народе, фрустрированном провалом демократической модернизации. Идея великодержавного имперского реванша с элементами шовинизма имеет под собой широкую социальную базу. Несомненно, сохранялась и сохраняется значительная модернизаторская либеральная часть общества, прежде всего в крупных городах. Но она кратно уступает по численности ресоветизированному большинству («путинскому большинству», как его определил Г. Павловский), игнорируется и подавляется властями.

Ресоветизированная великодержавная идеология правящих групп соединилась с ресоветизированной за более чем двадцать постсоветских лет идентичностью большинства населения. Базовые элементы ресоветизированной идентичности — великодержавие, культурная и цивилизационная исключительность, глобальные амбиции и глобальная миссия, особая политическая система (единовластие), особый путь развития, претензии на контроль над постимперским пространством — вкуче с оформившейся ресоветизированной идеологией властей стали идейным и психологическим фундаментом государственной политики и вместе с тем легитимизации и укрепления политического режима.

После возвращения Путина в Кремль в 2012 году власти немедленно инициировали принятие множества репрессивных законов, направленных на систематическое и комплексное подавление свободы слова и информации, свободы выражения мнений, свободы совести, политической деятельности, собраний, религиозной свободы и даже свободы частной жизни¹. Сравнительно прагматичный и циничный авторитарный режим за несколько лет после 2012 года переродился в идеологизированную ресоветизированную диктатуру.

Перечислю для иллюстрации основные репрессивные законы, отражающие эволюцию внутреннего режима в направлении идеологизированной диктатуры.

Новый вариант закона о митингах и демонстрациях в июне 2012 года расширил список наказаний организаторов и участников мирных акций, включая большие штрафы и административные аресты.

Закон о возможности признания НКО «иностранными агентами» в июле 2012 года вводил дискриминацию общественных организаций по практически произвольным основаниям.

Закон о введении уголовной ответственности за «клевету» (июль 2012 года).

Закон о существенном расширении состава преступления «государственная измена» (ноябрь 2012 года). По нему едва ли не любое сотрудничество с иностранным государством или организацией может толковаться как «измена» или «выдача государственной тайны».

Закон Димы Яковлева (декабрь 2012 года) запретил американцам усыновлять детей-сирот из России.

Новый закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (июнь 2013 года) направлен на дискриминацию лиц нетрадиционной сексуальной ориентации и расширил поле государственной цензуры в интернете

и СМИ. Закон мотивировался необходимостью защиты «традиционных семейных ценностей».

Закон об «оскорблении чувств верующих» в июне 2013 года открыл дорогу для уголовных преследований критиков религии, церкви и ее связей с государством, деятелей современного искусства.

«Закон Лугового» в декабре 2013 года учредил внесудебную блокировку сайтов в интернете для защиты «общественной безопасности». Был учрежден могущественный антиконституционный орган государственной цензуры — Роскомнадзор.

Закон о борьбе с «реабилитацией нацизма» в мае 2014 года ввел уголовное наказание «за искажение истории», «искажение роли СССР во Второй мировой войне».

Закон об уголовной ответственности лиц, неоднократно «нарушивших порядок проведения публичных мероприятий», т.н. дадинская статья (июль 2014 года).

Закон об ограничении иностранного участия в российских СМИ (октябрь 2014 года).

Закон о «нежелательных организациях» (май 2015 года). По нему зарубежные или иностранные организации могут признаваться «нежелательными», их деятельность запрещается на территории России, всякое сотрудничество с ними граждан России является уголовным преступлением.

Закон Яровой в июле 2016 года обязал операторов связи и интернета хранить всю информацию пользователей и обеспечить к ней свободный доступ силовиков.

Общая направленность идеологизированных и репрессивных законодательных новаций прозрачна: а) курс на самоизоляцию России; б) борьба с «внешним вмешательством»; в) борьба с оппозицией и независимыми НКО; г) введение политической и «моральной» цензуры в СМИ и социальных сетях; д) громадное расширение полномочий спецслужб по слежке за гражданами, привлечению к административной и

уголовной ответственности за проявления свободы слова, совести, мнений, собраний; е) внедрение государственной идеологии и санкций, включая уголовные, за отклонение от нее.

Еще до возвращения Путина в Кремль развернулись новые репрессии по политическим и «этическим» мотивам. Участники панк-группы «Пусси Райот» за арт-перформанс в московском храме Христа Спасителя 21 февраля 2012 года были арестованы и в августе того же года осуждены на два года колонии общего режима. 6 мая 2012 года, накануне третьей инаугурации Путина, на массовой акции протеста в Москве в результате спровоцированных властями столкновений демонстрантов с полицией задержано 400 протестующих. Кремль расценил массовую демонстрацию накануне инаугурации как намерение сорвать последнюю, едва ли не как попытку «оранжевой революции». Против тридцати участников мирной акции возбуждены уголовные дела с обвинением в «массовых беспорядках». Девять человек получили реальные тюремные сроки. Всего число преследуемых по политическим и религиозным мотивам с 2011 по 2018 год выросло, по данным правозащитного центра «Мемориал», с 70 до 358 человек, в пять раз. Тогда же, в 2012 году, власти возбудили первые три уголовных дела против яркого лидера оппозиции А. Навального.

Репрессивный курс Путина отражал победу идеологии страны — «осажденной крепости», для защиты которой необходимо принимать крутые меры по ужесточению внутреннего режима и нещадно преследовать критиков, вольно или невольно играющих на руку «внешнему врагу» — Западу.

Одновременно репрессивное и «моральное» законодательство служило укреплению популярности и легитимности власти. Борьба государства с гомосексуалистами, атеистами, «провокационным» современным искусством, «иностранным вмешательством», критиками «великого советского прошлого», религиозными «сектантами», американцами, прочими

недругами являлась одновременно и популизмом, и продуктом идеологии правящей группы. Очень многие в народе приветствовали репрессии и запреты против либералов, иностранцев, «критиков России», иеговистов, иных меньшинств различного рода. Гонения соответствовали массовому запросу на восстановление «старого порядка», «старого режима», прежней «благополучной» и «благопристойной» советской жизни, архаичных форм государства и общественных отношений.

Первое же после избрания Путина президентское послание Федеральному собранию от 12 декабря 2012 года продемонстрировало решительный разрыв с повесткой модернизации, даже в технократическом медведевском исполнении, а также финальный переход страны на охранительные, несоветские, изоляционистские, корпоративистские, правоконсервативные, антилиберальные рельсы².

Путин цитировал Л. Гумилева, А. Солженицына и иных известных представителей евразийства и почвенничества. Главной ценностью страны и народа провозгласил суверенитет России. Президент подчеркивал культурную обособленность России: россияне «должны сохранить свою национальную и духовную идентичность, не растерять себя как нация. Быть и оставаться Россией». Граждане России обязаны выйти за рамки частных интересов и служить общенациональным, общегосударственным задачам (воспроизводился солидаризм и этатизм советского толка). Патриотизм и гражданская ответственность — консолидирующая база политики.

Выразив сожаление об «утрате многих нравственных ориентиров» после распада СССР, Путин заявил о необходимости «духовных скреп» для укрепления страны. Государство претендовало на право формирования государственной охраны и навязывания обществу обязательных духовно-моральных норм. «Духовные скрепы» следует брать прежде всего у институтов, «которые являются носителями традиционных ценностей».

«Традиционные ценности» предписано продвигать через системы образования, культуры, в молодежной политике. Все это вместе — «пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России». Подобная постановка вопроса возвращает советский подход, по которому задача школы состоит не только в том, чтобы дать ребенку хорошее образование, но и «воспитать» лояльного Советскому государству идейного советского человека. Возрождается тоталитарный подход: государство не создает равные правовые условия для свободы всех, но намерено предписывать каждому правила поведения и даже «правильное» мышление. Немало было в послании и прочего советского. Путин, в частности, призывал возрождать и развивать стройотрядовское движение, систему технического и художественного творчества, кружки, секции, студенческие спортивные клубы, летние спортивные лагеря и проч.

Тогда же Путин пристально обратился к истории. Он провозгласил принцип единой, неразрывной тысячелетней истории России, опора на которую дает «внутреннюю силу и смысл национального развития». Так легитимировались и императорский период истории, и, что главное, советский период, оба — великодержавные. На первый план помещается «патриотический» подход к истории, приоритет изучения и продвижения военной истории, истории войн, побед и героев. Как и в СССР, государство заявляет открытую претензию на руководство гуманитарными науками и гуманитарным образованием.

Россия в послании 2012 года официально определена как «цивилизация»: «Россия веками развивалась как многонациональное государство (изначально так было), государство-цивилизация, скрепленное русским народом, русским языком и русской культурой, которые для всех нас родные, которые нас объединяют и не дают раствориться в этом многообразном мире». Тема «страны-цивилизации» соединяется с идеей

центральной роли русского народа, русской культуры и русского языка, позже закрепленной в путинской Конституции 2020 года. В официальный дискурс вливается компонент великодержавного русского национализма.

Россия привержена универсальным ценностям демократии, но трактует их по-своему, через призму собственной культуры, традиций, истории и суверенитета. И уж конечно, не приемлет стандартов демократии, «навязанных нам извне». Вмешательство во внутренние дела России извне недопустимо. Политики, получающие поддержку из-за рубежа, «обслуживают тем самым наверняка чужие национальные интересы» и по этой причине не вправе быть политиками в России. Власть намерена иметь дело и говорить только с теми, кто отстаивает свои предложения «в рамках закона», никому не позволит потрясать и разрушать государство. Так власти присваивают себе неконституционное полномочие отбирать «приемлемых» политиков и отсекают от политической деятельности «неприемлемых».

Ключевые идеи ресоветизированной руководящей идеологии Кремля были развиты и дополнены в концептуальном выступлении Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» в сентябре 2013 года³. Путин подчеркнул необходимость выработки «в ходе общенациональной дискуссии» основ национальной идентичности и национальной идеологии как фундамента «духовного, идеологического, внешнеполитического суверенитета». Посетовал, что многие страны Евро-Атлантики фактически отказались от своих духовных и нравственных корней, в том числе от христианских ценностей. Хуже того, стремятся свою аморальную, по сути, общественную модель агрессивно навязывать всему миру. В противоположность моральному и духовному упадку Запада Россия не устанет отстаивать традиционные ценности и традиционную духовность.

Путин цитировал правоконсервативного мыслителя К. Леонтьева и вновь А. Солженицына, подчеркивая цивилизационную уникальность России. Отчетливо зазвучал мотив не только исключительности, но и культурно-духовного превосходства России над Западом на фоне морального и духовного упадка западной цивилизации.

Тема «упадка Запада» нашла свое отражение в новой Концепции внешней политики России, утвержденной Путиным в феврале 2013 года⁴. В ней отмечалось, что исторический Запад теряет возможность доминирования в мировой экономике и политике. В мире формируется новая полицентрическая международная система, потенциал силы и развития смещается на восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион. Растут конкуренция и нестабильность. Конкуренция приобрела характер цивилизационного соперничества различных ценностных ориентиров и моделей развития, хотя и «в рамках универсальных принципов демократии и рыночной экономики».

В отличие от прежних лет, в третий президентский срок Путин и его администрация не предпринимали попыток улучшить отношения с Западом. Со старта был взят курс на острое соперничество, с 2014 года — на противостояние.

После 2004-го кремлевская картина мира состояла в укреплявшемся представлении о том, что Запад в силу исторических, геополитических и культурных причин никогда не потерпит существования сильной, великой России. Он будет неизменно стараться окончательно ослабить ее подрывом изнутри и окружением извне. Воспроизвелась советская схема восприятия реальности: Россия находится в принципиальном системном конфликте с могущественным капиталистическим миром, что требует от нее системного ответа.

Тогда же, в 2003–2004 годах, в Кремле решили не допустить потери власти, бессрочно удерживать ее в руках господствующей группы. Для этого понадобился надежно организованный

авторитарный режим (полный контроль президентской администрации и силовых структур над выборами, конституционными органами власти, средствами массовой информации и гражданским обществом) и государственная идеология великодержавия, окруженности страны экзистенциальными врагами, культурно-духовного превосходства и уникальности. Внешняя политика была подчинена задачам охраны власти и противодействия западному противнику везде, где это только возможно.

В 2000–2003 годах Кремль с его тогдашними ельцинскими либералами верил в возможность интеграции мягкого авторитарного режима и капиталистической экономики в западные экономические структуры и структуры безопасности для достижения успехов в экономической модернизации. После «оранжевой революции» в Киеве в 2004 году и смены элит в Москве на преимущественно силовые Кремль стал воспринимать Запад как реальную угрозу политическому режиму. Особенно усилился страх перед цветной революцией и «сменой режима» ввиду наступательной политики «распространения демократии» американской республиканской администрации Буша — Чейни. Какое-то время ставка по инерции все еще делалась на достижение устойчивого сосуществования двух систем на основе преследования совместных интересов при игнорировании расхождения ценностей. Однако идея модернизации страны, все более узко понимаемая, день ото дня угасала. В Мюнхене в 2007 году Путин выразил глубокое разочарование нежеланием Запада раз и навсегда принять предложенную «большую сделку». Бурный рост экономического взаимодействия с Западом накладывался на растущее взаимное политическое отчуждение. Четырехлетие Медведева отсрочило полный разрыв и продлило процессы экономической модернизации России с опорой на западные ресурсы, компетенции и технологии. Медведев и его команда верили, что

косметическая либерализация внутреннего режима вместе с более активным сотрудничеством с Западом на внешней арене поможет отыскать жизнеспособную модель сожительства авторитарной России и демократического Запада, продолжения экономического бума с опорой на западные ресурсы и навыки. Соответствующая стратегия, напомню, была закреплена в «Партнерстве для модернизации» с ЕС в 2009 году.

Однако применение Западом военной силы в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии воспринималось в Кремле как непосредственная военно-политическая угроза не столько России, сколько режиму (впрочем, для Кремля Россия и режим — одно и то же)⁵. Для защиты от «западной угрозы» и возможной вооруженной борьбы за российскую «сферу жизненных интересов» в СНГ беспрецедентно увеличивались военные расходы, осуществлялась военная реформа для повышения боеспособности вооруженных сил. Напомню, бурный рост военных расходов стартовал в 2006 году. Москва объясняла увеличение трат на военные нужды необходимостью восстановить армию после потерь 1990-х годов, расширением НАТО на восток и планами США развернуть системы ПРО в Европе. Истинные причины были внутренними. Идеология и интересы правящей группы требовали бурного развития военного комплекса для защиты от предполагаемой военно-политической угрозы режиму, защиты постсоветского пространства, рассматриваемого как «свое», от Запада. Примеры такой «защиты» продемонстрировали в Грузии в 2008 году, а позднее, в 2014 и 2022 годах, в Украине.

Возвращение Путина в президентское кресло сделало рост военных расходов беспрецедентным. В среднем в 2012–2018 годах на эти цели тратилось 2,7 трлн рублей ежегодно (60–65 млрд долларов США); для сравнения: при Медведеве 1,2 трлн рублей (около 40 млрд долларов), т.е. в рублях в 2,2 раза меньше. Происходило активное обновление стратегического арсенала,

перевооружение армии новым конвенциональным оружием, реформа структуры вооруженных сил.

Массовые протесты в Москве в конце 2011 года, «арабская весна», вмешательство Запада во внутрисирийский конфликт и гибель Каддафи убедили вернувшегося в Кремль Путина в том, в чем он и так давно не сомневался: *модели мирного и бесконфликтного сосуществования с Западом не может быть в принципе*. Запад никогда не смирится с существованием могущественной России во главе с несменяемой авторитарной властью. С доминированием Москвы на постсоветском пространстве. С ее претензиями на глобальное влияние. Запад будет настойчиво стремиться ослабить Россию как геополитического системного соперника, сменить в ней режим на более прозападный (то есть послушный), подчинить себе территории ее «жизненных интересов», вытеснить Москву с глобальной арены, лишить великодержавного статуса.

В глазах обитателей Кремля причины непреодолимой враждебности Запада — историческая русофобия, стремление к геополитической и военной экспансии и гегемонии, несовместимость западной и российской цивилизаций, страх перед тем, что Россия, как в прошлом и СССР, окажется способной претендовать на глобальное лидерство со своей традиционной и высокодуховной политической и культурной моделью, сможет стать центром притяжения для незападного, ищущего альтернативу Западу мира.

Подобная фантастическая, иррациональная и даже параноидальная картина мира отвергала перспективу модернизации страны совместно с Западом, толкала на противодействие, противостояние, поиск союзников в борьбе. И, повторяю еще раз, воспроизводила советскую идею бессрочного и всемирного противостояния двух антагонистических систем, игры с нулевой суммой до конечной победы одной из сторон конфликта.

Кремлевский ответ на вновь обнаруженную (на самом деле полностью вымышленную) «экзистенциальную угрозу» со стороны Запада режиму (а значит, в представлении Кремля — самой России) после 2012 года заключался: 1) в последовательном и систематическом ужесточении внутреннего режима, курсе на большой изоляционизм (начатом при Суркове с его «суверенной демократией» и «национализацией элиты»); 2) в попытках достичь решающего влияния (если не контроля) Москвы на постсоветском пространстве как «законной» сфере интересов и необходимого компонента великодержавного статуса; 3) в поиске и сплочении альтернативных партнеров для экономического развития и геополитического балансирования Запада на Глобальном Востоке и Юге; 4) в наращивании военного потенциала и возможностей, росте военных расходов и развитии ВПК.

На постсоветском пространстве акцент делался на углублении экономической интеграции путем создания и развития Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В ходе предвыборной кампании Путин назвал создание ЕАЭС главным приоритетом своей внешней политики. Официально это не было направлено против Запада — напротив, говорилось о необходимости объединения усилий с ЕС для создания Единого экономического пространства от Европы до Тихого океана. Однако ядро замысла состояло в геополитическом укреплении позиций Москвы как великой державы, в неоимперском проекте на постимперском пространстве. Украину настойчиво приглашали в процесс евразийской интеграции, однако она предпочла интеграцию в Европейский союз и, шире, Запад. Что вызвало жесткую ответную реакцию Москвы, кризис 2014 года и катастрофу 2022 года.

Договор о создании ЕАЭС был подписан в мае 2014 года и предполагал экономическую интеграцию в основном по модели ЕС — с общим законодательством и наднациональными

органами власти. В Союз согласились войти пять постсоветских государств — Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия (3/4 постсоветского пространства, население — 183 млн человек, совокупный размер ВВП в 2021 году — 2,1 трлн долларов США). Те же страны плюс Таджикистан входят в ОДКБ, обеспечивающую безопасность на этой части постсоветского пространства. Как и в ЕАЭС, в ОДКБ доминирует Россия.

Вторым приоритетом Кремля явился *«поворот на Восток»*, объявленный в президентском послании 2012 года. Ставились задачи опережающего развития российской Сибири и Дальнего Востока, значительной переориентации торговых связей и взаимных инвестиций с европейского направления на восточное, сближения взглядов с восточными государствами по вопросам мировой политики и безопасности⁶.

Стратегически «поворот на Восток» означал желание Кремля создать политический и экономический балансир гегемонизму Запада, а также уменьшить экономическую и технологическую зависимость от Запада, опасную в победившей логике системного противостояния и внешних угроз внутреннему режиму. Наиболее предпочтительными партнерами представлялись авторитарные и мощные государства, в первую очередь Китай. Их правящие режимы также озабочены западной угрозой их устойчивости и существованию, аналогичным образом страдают от западной критики внутренней политики. Формирование сильного не-Запада призвано облегчить задачу выживания политического режима в Москве и компенсировать возможные — на самом деле неизбежные — экономические потери от отказа модернизировать экономику вместе с западными странами.

В этой связи Путин предпринял немалые усилия по укреплению сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). По настоянию России в ШОС были приняты Индия, Пакистан (2017 г.) и Иран (2022 г.). В 2022 году

в ШОС входят девять государств, из которых четыре являются ядерными державами, а три — Китай, Индия и Россия — претендуют на статус великих мировых держав. Организация занимается вопросами безопасности, экономики и культуры. Но главное — участников объединяет философия создания многополярного мира, в котором не должно остаться места гегемонии США/Запада, а внутренняя политика каждого государства останется сугубо внутренним делом⁷.

Схожим целям укрепления экономических связей и роста взаимопонимания в политических вопросах внутри не-Запада на общих принципах многополярности, сотрудничества, равноправия и невмешательства во внутренние дела служит БРИКС (рыхлая ассоциация межгосударственного сотрудничества в составе Бразилии, России, Индии, Китая, ЮАР; создана в 2006 году).

В 2013 году великодержавный и антизападный официальный дискурс Кремля дополнительно радикализировался. В декабре 2013 года в послании Федеральному собранию⁸ Путин усилил акцент на глобальной роли и ответственности России, которая отстаивает «свои ценностные подходы». На стремлении страны стать одним из лидеров мира. Обрушился на Запад с осуждением его морального и духовного упадка. Цитировал философа Н. Бердяева и отмечал, что все больше людей в мире видят в России стойкую защитницу традиционных ценностей. Прямо назвал позицию России «консервативной». Вывел на первый план задачу скорейшего создания ЕАЭС и настойчиво приглашал Украину присоединиться к проекту евразийской, а не европейской интеграции.

В центр своей политики Путин поместил военное строительство. Обвинив США в разворачивании систем ПРО в Европе, создании новых видов вооружений, в том числе для «обезоруживающего мгновенного глобального удара», Путин представил развернутое описание ответных военных мер России. Среди них

развитие ядерной триады, новых видов стратегических носителей, космической разведки, высокоточного оружия. Масштабное перевооружение армии конвенциональным современным вооружением, реформа военной подготовки в вузах, подготовка мобилизационного резерва, громадные военные расходы и полная загрузка предприятий ВПК.

От модернизационной повестки не осталось и следа. Идеология развития предполагала теперь прежде всего государственное участие и контроль, государственное регулирование, государственный патернализм, деофшоризацию и более строгий надзор за «стратегическими предприятиями».

В том же 2013 году сорвался тщательно готовившийся государственный визит президента США Барака Обамы в Россию. Поводом стал конфликт вокруг сотрудника Агентства по национальной безопасности США Э. Сноудена, который раскрыл секреты агентства всему миру и бежал из страны. В июне Сноуден прилетел в Москву из Гонконга и в итоге остался в России. Барак Обама звонил Путину, требуя выдачи беглого разведчика, Путин отказал. Желание насолить Америке и совершить яркий антиамериканский жест победило интересы модернизации страны.

Украина всегда была для Путина внешнеполитическим приоритетом номер один. Еще в 2000 году он говорил в узком кругу: «Нам надо заниматься Украиной, а то мы ее потеряем»⁹. В 2004 году Путин открыто и активно поддержал на президентских выборах в Украине Виктора Януковича, считавшегося пророссийским, однако тот в ходе событий первой «оранжевой революции» проиграл проевропейскому политику Виктору Ющенко. С той поры Украина избрала политический курс на Евро-Атлантику, что воспринималось в Кремле как «предательство» внутри постсоветской и восточнославянской «семьи», злостное покушение Запада на законную сферу интересов России, как прямая угроза национальной безопасности. На

самом деле ядром обеспокоенности развитием событий в Украине были не вопросы безопасности или экономических потерь от переориентации украинской экономики с России на Запад (обычное объяснение реалистов), но страх потери контроля над ключевым государством постимперского пространства, утраты великодержавного статуса, нового крупного символического поражения от Запада. Не безопасность, геополитика или экономика, как утверждали и продолжают утверждать российское руководство и вторящие ему международники-реалисты, но великодержавная антизападническая идеология, великорусский национализм (тщательно дозируемый в самой России, однако охотно поощряемый на просторах бывшего СССР), одержимость великодержавным статусом объясняют поведение Москвы в отношении Украины.

К осени 2013 года обстановка вокруг Украины в который раз обострилась. Киев во главе с президентом В. Януковичем, избранным в 2010 году, готовился подписать в Вильнюсе 28 ноября Соглашение об ассоциации с ЕС на саммите «Восточного партнерства».

Москва усмотрела в этом шаге геополитическое антироссийское наступление Запада на Украину и решила предпринять все возможное, чтобы сорвать подписание Соглашения об ассоциации. В дискуссионном клубе «Валдай» в сентябре 2013-го высшие руководители России все как один говорили о «красной черте», громадном ущербе, который грозит экономике Украины, неминуемом «жестком ответе» Москвы. Не уточняя, о чем конкретно идет речь.

Путин оказал сильное давление на Януковича и одновременно предложил Украине громадный кредит в 15 млрд долларов, а также значительные скидки накупаемый Киевом российский газ. В последний момент Янукович поддался давлению, отказался подписывать Соглашение об ассоциации и предложил трехсторонние переговоры в формате

ЕС — Украина — Россия для урегулирования разногласий. При этом лишь отложив ассоциацию с ЕС, но не отказавшись от нее полностью. В ответ в Киеве начались массовые акции протеста против Януковича и его политики. Разгорелась вторая украинская «оранжевая революция».

20 февраля 2014 года на фоне долгих и кровавых беспорядков в Киеве при посредничестве западных политиков было достигнуто соглашение властей и оппозиции о досрочных президентских выборах в декабре, отмене принятых в январе репрессивных законов, формировании «правительства национального доверия» и демократической реформе Конституции. Однако на следующий день Янукович тайно бежал из Киева и скоро очутился в России. Власть в Киеве перешла в руки лидеров Майдана, немедленно объявивших курс на ускоренную интеграцию в ЕС и НАТО.

Путин воспринял развитие событий в Киеве как результат прямого вмешательства и одновременно коварства Запада, циничный обман, коль скоро западные политики не обеспечили гарантий достигнутых соглашений между Януковичем и оппозицией, угрозу полной потери влияния в Украине. Ответом стало решение «забрать Крым» и поддержать сепаратистов в «Новороссии».

Еще на скандальном саммите НАТО в Бухаресте в апреле 2008 года Путин неофициально озвучил свое подлинное отношение к Украине, описав возможные последствия ее вхождения в НАТО, то есть «ухода от России». Говорилось западным лидерам буквально следующее. Треть населения Украины — русские. Прежде всего в Крыму и на юге. Крым незаконно в 1954 году передал Украине Хрущев. Украина в существующих границах была создана в советское время, причем «получила от России огромные территории на востоке и юге страны». Вхождение Украины в НАТО «может поставить на грань существования саму [украинскую. — В. Р.] государственность».

Особый упор уже тогда Путин сделал на права «русских», «русского населения»¹⁰. В сказанном читалась неприкрытая угроза России суверенитету и территориальной целостности Украины, если Киев не оставит попыток вступить в НАТО и политически примкнуть к Западу.

Помимо наступления Запада на сферу геополитических и великодержавных интересов России, Кремль усмотрел в событиях в Киеве типичную инспирированную и организованную Западом «смену режима» — лишнее подтверждение непосредственной угрозы власти Путина и его группы. Следовало ответить быстро, решительно и продемонстрировать силу. Очень важно для понимания событий и то, что рейтинг Путина к концу 2013 года оказался едва ли не самым низким с момента его прихода к власти в 2000 году¹¹. Молниеносная кампания по присоединению Крыма к России призвана была вознести рейтинг президента на невиданную высоту, что и произошло.

Таким образом, решение о судьбе Крыма в феврале 2014 года диктовалось не столько соображениями безопасности (сохранить Севастополь и базу российского Черноморского флота, хотя это принималось во внимание) или стремлением защитить крымских русских от киевских ультранационалистов (и эта угроза была вымышленной), сколько общей идеологической установкой на недопустимость политической самостоятельности постсоветских государств и стремлением укрепить легитимность режима необычайно популярным территориальным приобретением.

После референдумов в Крыму и Севастополе, напех организованных и более чем сомнительных с точки зрения законности процедуры и результатов, 18 марта 2014 года в Кремле состоялась торжественная церемония подписания договоров о приеме в состав России Крыма и Севастополя.

Путин произнес перед политической элитой России историческую «крымскую речь». В ней в концентрированном виде

содержится ресоветизированная великодержавная государственная идеология современной России¹². Она руководит внутривластным и внешнеполитическим поведением российской власти. Как мы видели ранее, главные элементы постсоветской великодержавной идеологии, резонирующие, в свою очередь, с базовыми структурами национальной идентичности, в том или ином виде наблюдались в российском руководстве всегда, включая и реформаторские 1980-е и 1990 годы. Но до поры до времени они были оттеснены на периферию. После возвращения Путина в Кремль в 2012 году их собрали в единую систему, радикализировали, и они стали основой внутренней и внешней политики Москвы. Выделю и систематизирую принципиальные составляющие *государственной российской идеологии XXI века*, как они были представлены в исторической «крымской речи» Путина. Одновременно отмечу некоторые важные логические следствия, которые из них вытекают:

1. *Реабилитация и легитимизация СССР*. Распад СССР — трагедия и катастрофа для русского народа и других народов внутри и вне России. «К сожалению... СССР распался». Невозможно было себе представить, что Украина и Россия станут разными государствами, но, увы, это произошло. Из представления о распаде СССР как трагической ошибке, трагедии народов прямо вытекает следующее: уважение, сохранение и восстановление советского наследия легитимно и справедливо как внутри, так и вне России. При необходимости это может быть распространено на внутреннюю и внешнюю политику, включая политику в отношении новых постсоветских государств.

2. *Историческое обоснование великодержавной империалистической политики (мотив исторического наследия)*. «Историческая Россия» «объективно» не сводится к границам России, возникшей в 1991 году. «Русский народ — самый большой разделенный народ в мире». Если русские за пределами России

составляют где-то, в каких-то областях большинство, страдают и стремятся к воссоединению с Родиной — такое стремление, как в случае с Крымом, легитимно и возможно положительное решение. Тем самым новые государственные границы условны и обусловлены поведением постсоветских государств. Стремление этих государств порвать с Россией и тем более перейти на сторону принципиального врага может поставить вопрос о пересмотре границ и в перспективе о воссоединении исторических русских земель с «исторической Россией» (например, «Новороссия», Юго-Восток Украины, «подаренный» Украине Лениным). Исторические и культурные аргументы серьезны, справедливы и могут превалировать над международно-правовыми. Если потребуются, можно воспользоваться нормами, позволяющими восстановить «историческую справедливость», например, использовать право народов на самоопределение — случаи Косово и Крыма.

3. *Культурно-религиозное обоснование (Россия — особая цивилизация).* Актуально, оправданно и политически значимо обращение к древней истории, православию, духовности, традиционным ценностям, например, к истории крещения святого Владимира в крымском Херсонесе. «Его [киевского князя Владимира. — В. Р.] духовный подвиг — обращение к православию — предопределил общую культурную, ценностную, цивилизационную основу, которая объединяет народы России, Украины и Белоруссии». Отсюда выводится политически значимый тезис, что русские, украинцы, белорусы — «один народ». Разделение «одного народа» трагично и недопустимо. Нельзя повторить ошибку, совершенную с распадом СССР. Возможно, что в некоторых обстоятельствах будет справедливо применить любые средства, включая силу, для предотвращения новой трагедии — дальнейшего разделения «одного народа».

4. *Запад — экзистенциальная угроза для России.* Запад отбрасывает международное право, верит в свою исключительность и опирается на односторонние силовые действия по всему миру. Запад произвольно нападает на суверенные государства. Запад то и дело устраивает силовую смену неудобных ему законных правительств, провоцируя и поддерживая «управляемые цветные революции». Это Запад вдохновил и организовал свержение законного президента Виктора Януковича в Украине. Запад всегда обманывает Россию, грозит ей санкциями за самостоятельные действия, критикует внутреннее устройство и нагло вмешивается во внутренние дела.

Действия Запада в Украине, и не только там, «были направлены и против Украины, и против России, и против интеграции на евразийском пространстве». Злонамеренные деяния Запада демонстрируют, что «пресловутая политика сдерживания России, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX веках, продолжается и сегодня». Россию «постоянно пытаются загнать в угол». В Украине Запад «перешел черту». «Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить. Если до упора сжимать пружину, она когда-нибудь с силой разожмется». В своем сдерживании России Запад не только вторгается в пространство «исторической России», то есть Российской и советской империи, но и готов ради этого беспринципно поддерживать националистов, неонацистов, бандеровцев, русофобов и антисемитов.

Здесь обнаруживается центральная советская (большевистская) идея «вечного» противостояния Запада и России, их принципиальной несовместимости и враждебности. Запад никогда не смирится с существованием великой России, ее внутренним устройством, «законным» контролем над постимперским пространством. Он вечно будет предпринимать попытки подорвать могущество и возможности России, вторгаться на территории ее жизненных интересов, вмешиваться

во внутренние дела с целью смены нелояльных московских режимов на прозападные. Следовательно, речь идет, как и в советские времена, о системном бессрочном противостоянии — до победы одной из антагонистических сторон. А стало быть, в России необходимо выстроить надежную систему обороны от агрессии Запада, от могучей военной машины до репрессивного политического режима, пресекающего любые проявления внешнего (западного) подрывного влияния.

5. *Идея внутреннего врага, направляемого извне.* Запад в своей экзистенциальной ненависти к России и систематических попытках ее ослабить всякий раз готов способствовать внутренней дестабилизации великой страны. Речь идет о «действиях некоей пятой колонны — разного рода “национал-предателей”».

В этой части мы обнаруживаем и реставрацию советской идеологической матрицы: внешний враг — внутренний враг (ср.: «враждебное капиталистическое окружение» — «враги народа» в сталинском СССР). Очевидно, что для защиты от внешнего врага, которому помогают враги внутренние, придется соорудить жесткую систему власти, удачную модель которой сумел построить Советский Союз, который, «к сожалению, распался».

6. *Русский национализм.* «Крымская речь» Путина пестрит словами «русский», «русские люди», «русский народ», упоминается в ней символически и политически важный «Русский мир», «стремление Русского мира, исторической России к восстановлению единства». Официальный дискурс впитывает давнюю позицию русского национализма о «разделенном народе», ждущем и жаждущем воссоединения и возрождения.

Стоит напомнить в этой связи, что сталинский и послесталинский СССР тоже играл с темой русского национализма, что было особенно заметно в сталинской политике в годы Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. В частности,

это было отражено в словах сталинского гимна СССР 1943 года (автор текста С. Михалков): «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». Следовательно, границы Русского мира проходят там, где проживает «самый большой разделенный народ в мире» (включая, видимо, и страны Балтии). Неофициальный национализм запрещен и преследуется в России как подрывающий основы имперского по природе государства. Но официальный национализм охотно поддерживается государством внутри и вовне, так как среди прочего помогает обосновать имперский подход по отношению к соседям — от распространения политического влияния до имперских территориальных захватов.

В дополнение приведу еще один характерный и значимый пример оформившейся в рассматриваемые годы ресоветизированной великодержавной идеологии Кремля — программное интервью секретаря Совета безопасности России Николая Патрушева «Российской газете» 15 октября 2014 года¹³.

Н. Патрушев — ближайший и, как многие полагают, наиболее влиятельный соратник и единомышленник Путина, ключевой идеолог и топ-менеджер путинского великодержавия и охранительства. С августа 1999 по май 2008 года Патрушев возглавлял ФСБ России, сменив на этой позиции Путина, после чего является бессменным секретарем СБ РФ — главного штаба по разработке российской политики безопасности и, шире, руководящей идеологии, внешней и внутренней политики. Руководит Советом безопасности лично президент России, на регулярных заседаниях СБ рассматриваются наиболее важные для страны вопросы, принимаются все без исключения ключевые политические решения. СБ справедливо сравнивают по составу, влиянию и функциям с Политбюро ЦК КПСС в СССР.

В программном интервью, данном уже после крымских событий, Патрушев прежде всего возлагает вину за распад СССР на внешние силы — США и Запад в целом. Именно там якобы

была разработана и реализована стратегия сначала подрыва, а затем развала великой советской державы (Патрушев выявил персонального автора стратегии подрыва и развала СССР — З. Бжезинского). Государственный переворот в Киеве в начале 2014 года — именно так именует события российская власть — также был тщательно подготовлен и реализован США. Переворот производился «с опорой на боевые группы откровенных нацистов». С момента распада СССР США взяли курс «на полный отрыв Украины и других республик бывшего СССР от России». На переформатирование постсоветского пространства под американские интересы. За всеми цветными революциями стоят США.

Намерения и политика США неизменны — сдерживание России. Такой курс проводится американцами «многие десятки лет» (здесь Патрушев прямо связывает положение современной России с положением СССР). США подрывают влияние Москвы везде, где только возможно, противодействуют реализации ее интересов.

Свою конечную цель американские стратеги видели (и, очевидно, видят) «в окончательном развале системы государственной власти и последующем расчленении нашей страны».

Разумеется, цели руководства России противоположны: защитить территориальную целостность и суверенитет, «занять место среди мировых держав XXI века».

Идеология Кремля, окончательно оформленная после 2012 года, сомкнулась с укоренившейся к тому времени респектизированной великодержавной идентичностью значительной части народа. Великодержавные, имперские, националистические, евразийские, цивилизационные, антилиберальные и антизападные идеи национал-коммунистов КПРФ Зюганова, имперцев и националистов типа Жириновского, евразийцев вроде Дугина, многих деятелей из числа государственных чинов неизменно имели успех на выборах начиная с 1993 года и

сплавились в эклектичную ресоветизированную идеологию господствующего класса, умело ориентированную на созвучный запрос значительного большинства россиян.

Величие современной России напрямую увязывается с официально узаконенным и превозносимым наследием и даже культом СССР. Идея исключительности трактуется в цивилизационной перспективе как культурное, моральное и духовное превосходство над якобы увядающим и разложившимся Западом. Мессианство и универсализм вплетаются в рамку якобы возрождаемого глобального лидерства России в противостоянии западной экспансии и гегемонии, преступным постколониальным практикам бывших западных метрополий. Особые права на постимперском пространстве — территории «исторической России» — аргументируются исторически, культурно, геополитически, стратегически и националистически как необходимость защиты России от угроз ее безопасности, обороны российских сфер геополитического влияния и в то же время собирания и защиты прав «самого разделенного народа», сохранения культурного и духовного наследия «исторической России». Оправдание особого пути развития и самобытности России строится на утверждении «исторически доказанной» успешности советской (и шире — имперской) модели, культурной исключительности и необходимости защиты от внешнего и внутреннего врага средствами идеологизированной, как в СССР, сильной власти, на практике — диктатуры.

Империализм советского типа, диктатура советского типа, общество советского типа, контроль над государствами-вассалами советского типа, системное противостояние с Западом советского типа, мессианство советского типа — составляющие идеологии и политической практики правящих в России групп. Они поэтапно сложились начиная с 1991 года и направляют внутреннюю и внешнюю политику Москвы. Великодержавная и охранительная идеология питается постимперским

синдромом и ностальгией по СССР большинства российского народа, обеспечивая укрепление и легитимность политического режима.

Практические действия Москвы на международной арене в 2012–2018 годах направлялись руководящей идеологией Кремля и стремлением укрепить общественную поддержку за счет демонстрации великодержавной твердости и глобальной активности.

На Юго-Востоке Украины оказана военная, официально отрицаемая, и иная поддержка пророссийским сепаратистам, реализовано решение о создании так называемых ДНР и ЛНР. Подписание Москвой Минских соглашений по замораживанию и впоследствии урегулированию конфликта осенью 2014 и в феврале 2015 годов (при посредничестве ОБСЕ, Германии и Франции) преследовало политическую цель: во-первых, добиться де-факто признания принадлежности Крыма России и, во-вторых, связать Киев комплексом таких обязательств, которые позволили бы Москве иметь полный контроль над ДНР и ЛНР и одновременно использовать эти непризнанные образования для решающего влияния на внутриукраинскую ситуацию.

Все восемь лет — с 2014 по 2022 год — на линии соприкосновения ДНР/ЛНР с остальной Украиной сохранялась военная напряженность, велись взаимные обстрелы. Россия финансировала ДНР/ЛНР и оказывала им политическую и военную поддержку. Москва и Киев обвиняли друг друга в невыполнении Минских соглашений, которые в конечном итоге провалились. Усилия ОБСЕ, Берлина и Парижа по имплементации соглашений оказались бесплодными. Все годы официальные лица в Москве обвиняли Киев в срыве Минских соглашений, а агрессивная российская пропаганда ежедневно формировала из Украины и украинского руководства образ врага, несостоявшегося государства, марионетки США и Запада, заповедника неонацизма и пещерного национализма.

В 2019 году президентом Украины избран Владимир Зеленский, обещавший добиться прочного мира в Украине. Однако сторонам конфликта это не удалось, в первую очередь в силу несовместимости конечных целей их политики. Москва настаивала на признании своих территориальных приобретений и подчинении Киева ее политическим требованиям, конституционном закреплении особого статуса ДНР/ЛНР, нейтралитете и отказе от вступления в НАТО и др. Украинское руководство добивалось противоположного — возвращения Крыма и восстановления суверенитета над всей территорией государства, полной независимости и свободы выбора внутривнутриполитического и внешнеполитического курса. В такой обстановке в апреле 2019 года жители т.н. ДНР/ЛНР получили от российских властей право приобретать в упрощенном порядке российские паспорта (гражданство). В сентябре 2021 года жители ДНР/ЛНР, обретшие российское гражданство, впервые голосовали на выборах в Государственную думу России. Со своей стороны украинское руководство активизировало усилия по подготовке возвращения утраченных территорий, политическому и военно-техническому взаимодействию с Западом. Враждебность России и Украины возрастала с каждым днем.

В гражданской войне в Сирии, начавшейся в 2011 году, Кремль занял позицию поддержки правительства Б. Асада. В то время как США и Запад оказывали активную помощь сирийской оппозиции, в Москве придерживались обычного принципа защиты всякой «законной власти» и рассматривали западную поддержку повстанцев как эпизод инспирированных извне цветных революций и «смены режима». В 2013 году по инициативе Путина и с согласия администрации Б. Обамы было достигнуто решение о ликвидации сирийского химического оружия. Это предотвратило полномасштабную западную военную интервенцию в Сирии. В сентябре 2015 года по просьбе сирийского руководства и в рамках двустороннего

договора Россия начала собственную военную операцию помощи сирийским вооруженным силам в разгроме пестрой коалиции повстанцев. К началу 2018 года большая часть территории Сирии взята под контроль властей, правительство Асада укрепило свои позиции. Россия сохранила военное присутствие и имеет в Сирии военный аэродром и военно-морскую базу. Внутри России сирийская операция подавалась как триумф российской внешней политики и военной мощи. Как доказательство глобальной роли и великодержавия России, сумевшей разгромить международный терроризм и навязать свою волю Западу. Путин отмечал, что в Сирии получен важный опыт военных действий в современных условиях, прошли боевые испытания новейшей российской техники и вооружения, например, высокоточных крылатых ракет «Калибр», которые запускались по целям в Сирии из Каспийского моря.

Отношения России с США и Западом после 2012 года последовательно ухудшались. Осенью 2012 года российские власти прекратили в России деятельность американского Агентства по международному развитию (USAID), обвинив его во вмешательстве во внутривнутриполитические дела. В 2013 году из-за «дела Сноудена» сорвался государственный визит Обамы в Москву. В ответ на американский акт Магнитского в Москве был принят закон Димы Яковлева, запрещающий усыновление американцами российских детей-сирот. После присоединения к России Крыма и вооруженного конфликта на востоке Украины США и ЕС ввели против России санкции. Москву исключили из «Большой восьмерки». Были заморожены отношения по линиям Россия – НАТО и Россия — Европейский союз.

Как уже отмечалось, на постсоветском пространстве основные усилия Кремля были направлены на углубление экономической интеграции в рамках ЕАЭС и Союзного государства России и Беларуси. А также на укрепление ОДКБ. Все это помогало формировать внутри страны иллюзию восстановления

великодержавного статуса и влияния Москвы на фоне горькой реальности — безнадежной потери Украины и Грузии и все дальше отходящих от России Азербайджана, Узбекистана, Туркменистана и Молдовы.

В Азии Москва развивала привилегированные всесторонние отношения с Китаем, при этом все более впадая в экономическую и технологическую зависимость от него. Поддержка Москвой таких форматов, как ШОС и БРИКС, вызвана интересом к развитию экономических связей, защите стабильности и безопасности и одновременно стремлением создать альтернативные Западу форматы сотрудничества. Это соответствует общей идеологической установке на создание широких альянсов по противодействию Западу, его нормативным требованиям и гегемонии ради защиты российского суверенитета и защиты других суверенных незападных держав. На деле лозунг защиты суверенитета не что иное, как оборона политического режима.

Как я отмечал ранее, вмешательство во внутренние дела Украины, присоединение Крыма и поддержка сепаратистских «республик» на востоке Украины продиктованы общей идеологической установкой Кремля на неприемлемость потери контроля над государствами постсоветского пространства. А также расчетом на получение массовой поддержки внутри России за счет территориальных приобретений, демонстрации великодержавной мощи и игры на националистических чувствах «самого разделенного народа в мире».

Вторая задача была с лихвой решена. После приобретения Крыма российское общество впало в «крымскую эйфорию» и сплотилось в «крымском консенсусе». Рейтинг поддержки Путина взлетел в марте 2014 года с 60 до почти 90% и удерживался на столь невиданном ранее уровне до 2016 года.

В то же время отказ от курса на модернизацию с опорой на тесное сотрудничество с Западом, переход к соперничеству и

конфронтации с ним немедленно отразились на экономическом развитии. В четырехлетку Медведева ВВП России рос в среднем на 1,6% в год (притом что в 2009 году экономика под ударом мирового кризиса сократилась на 7,8%). За шесть лет третьего президентского срока Путина средние темпы роста без всякого мирового кризиса упали до одного процента в год, что вызвано отчасти двукратным падением цен на нефть, но что куда важнее — введенными против России санкциями и общим ухудшением политического и экономического климата в стране.

В ноябре 2016 года экстравагантный кандидат Республиканской партии Д. Трамп неожиданно одержал победу над кандидатом демократов Х. Клинтон на президентских выборах в США. Победа Трампа была встречена в Кремле с ликованием. Клинтон жестко критиковала внутреннюю российскую ситуацию и внешнюю политику Кремля, а Трамп публично восхищался Путиным и обещал улучшить отношения с Россией. Он издевался над НАТО, назвал ЕС «плохой идеей» и агитировал британцев за Брекзит. Казалось, стало возможным возвращение ко временам «большой сделки» Запада с Россией, когда Запад прагматично делал с Россией бизнес, закрыв глаза на происходящее внутри страны и забыв о постсоветских странах. Кроме того, Трамп демонстративно не ценил сплоченность Запада и охотно сеял рознь в стане «исторического противника» Москвы. Однако на практике отношения с США при Трампе лишь ухудшились. Новая американская администрация расширила экономические санкции, никак не помогла Путину в Украине, выслала из страны большую группу российских дипломатов в ответ на отравление в Британии бывшего российского разведчика Скрипаля, настойчиво действовала в Сирии. В 2019 году администрация Трампа наложила чувствительные санкции на проект строительства газопровода по дну Балтийского моря «Северный поток — 2» и на время заблокировала его сооружение.

В январе 2021 года администрацию США возглавил сменивший Д. Трампа демократ Дж. Байден. Ему удалось быстро согласовать с Москвой продление действия Договора о СНВ-3 на пять лет без изменений, в чем были заинтересованы обе стороны. Также Байден позволил возобновить строительство газопровода в Балтийском море (чего добивалась Германия). Однако о существенном улучшении отношений речь не шла и не могла идти. США сохранили прежнюю позицию по основным вопросам отношений с Москвой, включая Украину и санкции. Более того, после отравления Алексея Навального в августе 2020 года США ввели новые санкции против Москвы.

18 марта 2018 года Путина переизбрали на четвертый (шестилетний) президентский срок с результатом 77% голосов. На этот раз его программа свелась к двум основным позициям: 1) широкомасштабные обещания социальной поддержки населения и экономического развития, направляемого государством (в виде реализации т.н. национальных проектов — всего числом 14); 2) возрождение военной мощи России. В заключающем третий президентский срок и одновременно предвыборном послании Федеральному собранию от 1 марта 2018 года¹⁴ Путин добрую половину речи посвятил рассказу о созданных в России новых видах стратегического и высокотехнологического оружия, рассказу, иллюстрированному эффектными видеороликами, — о межконтинентальных баллистических ракетах, новых типах ядерных боеприпасов, гиперзвуковом и лазерном вооружении и тому подобном. Необходимость их создания объяснялась выходом США из Договора по ПРО, разворачиванием американских систем ПРО в Европе и приближением натовской военной инфраструктуры к границам России. Речь многократно прерывалась овациями и породила эйфорию в обществе, жаждущем доказательств величия.

Те же мотивы расширения всевозможных социальных программ и развития вооруженных сил и вооружений предстали

в следующем послании президента — 20 февраля 2019 года¹⁵. Путин обвинил США в одностороннем выходе из Договора о РСМД и сообщил о наличии у России оружия, способного поражать не только соответствующие потенциальные цели в Европе, но и «центры принятия решений», т.е. цели в США. Путин повторил, что Россия способна и готова ответить на любую атаку и агрессию, включая применение оружия массового уничтожения.

В январе 2020 года Путин внезапно предложил значительно пересмотреть ельцинскую Конституцию 1993 года. Поначалу речь шла главным образом об изменениях полномочий органов федеральной власти с расширением и без того обширной власти президента. А также о приоритете Конституции над нормами международного права и ограничении права лиц, имеющих иностранное гражданство или вид на жительство, занимать государственные должности (продолжение курса на самоизоляцию и «национализацию элит»). Однако после внесения многочисленных дополнений, общим числом более двухсот, Конституция подверглась кардинальному пересмотру. 1 июля 2020 года новый текст Основного закона был одобрен в ходе всенародного голосования и 3 июля вступил в силу.

Внесенные в 2020 году поправки в Конституцию можно условно разделить на четыре блока: а) обеспечение несменяемости власти; б) окончательная ликвидация разделения властей; в) введение в Конституцию идеологических компонентов и предписаний; г) курс на автаркию (см.: Конституция РФ в редакции 2020 года)¹⁶.

Для обеспечения несменяемости власти В. Путина и его группы была одобрена ключевая поправка о возможности участия Путина в президентских выборах в 2024 и 2030 годах (поправка об «обнулении» четырех его предыдущих сроков). И без того огромные полномочия президента были значительно расширены, разделение властей демонтировано окончательно.

Особенно интересны для нас «морально-идеологические» изменения в Конституции. Они узаконили и предписали обществу основные положения руководящей идеологии великодержавия и ресоветизации, накопленные с 2004 года, когда внутривластный и внешнеполитический курс Кремля сменился с модернизаторского на великодержавный и ресоветизированный.

Ностальгическим чувствам поклонников СССР и его величия отвечает норма Конституции о том, что РФ «является правопреемником Союза ССР на своей территории». Если Конституция 1993 года подчеркивала решительный разрыв с тоталитарным наследием СССР, то Конституция-2020 легализует советский период отечественной истории.

Декларируется «исторически сложившееся государственное единство», включающее в себя «тысячелетнюю историю», «память предков», «преемственность в развитии Российского государства», «идеалы и веру в Бога». Такие положения идут навстречу ожиданиям патриархально-консервативных слоев населения и удовлетворяют притязаниям официальных церквей, прежде всего РПЦ, на привилегированный общественно-государственный статус. А также утверждают легитимность имперской и самодержавной политической и культурной традиции.

Переписанная Конституция берет под государственную охрану «память защитников Отечества», «обеспечивает защиту исторической правды». «Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Звучат обоснованные опасения историков и обществоведов, что норма неизбежно станет орудием цензуры и преследования ученых и преподавателей, которые стремятся к поиску исторической правды и чьи выводы вступают в противоречие с официальным историческим нарративом. В УК РФ уже введена статья 354.1 «Реабилитация нацизма», предусматривающая наказание не только за

отрицание фактов, установленных приговором Нюрнбергского трибунала над нацистами, за одобрение нацистских преступлений, но и за публичное «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны», притом что критерии «заведомо ложных сведений» крайне размыты. В сентябре 2020-го в составе Следственного комитета России образован отдел, который занимается уголовными делами «по фальсификации истории и реабилитации нацизма».

«Защита Великой Победы» — одна из идеологических «скреп» правящего режима. Почти ежедневная экзальтированная апелляция к далеким событиям мая 1945 года решает прежде всего задачи легитимизации политического режима. Во-первых, она отвечает ностальгии большинства по великодержавному величию России/СССР и утраченному «благополучию» советской жизни. Во-вторых, идеологически оправдывает милитаризацию страны, конфронтацию с Западом (мотивы «внешнего врага» и «осажденной крепости»), режим «сильной руки», подавление оппозиции, привилегированное положение силовых структур, особенно спецслужб. Происходит, как в брежневское время, ползучая реабилитация сталинизма и сталинских принципов управления страной под предлогом восславления Великой Победы, одержанной под руководством «великого Сталина».

В конституционной статье о статусе русского языка как государственного появилось определение русского народа как «государствообразующего», входящего при этом «в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации». Данная норма идет навстречу русским националистам, давно требовавшим наделить русских особым статусом.

Элементы учреждения авторитарного корпоративного государства, в котором государство присваивает себе право принуждать различные слои общества и группы интересов к «солидарности», можно обнаружить в новой статье 75.1. В ней

закреплено, что в РФ «обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность».

К идеологическим поправкам, также адресованным консервативному постсоветскому большинству, относятся положения о «защите института брака как союза мужчины и женщины» и «традиционных семейных ценностей». Поправки создали юридическую базу для дискриминации сексуальных меньшинств, дискриминации женщин в сфере семейных (и не только) отношений. Нарушается фундаментальный для конституционализма принцип равенства всех граждан.

Путинские поправки к Конституции оформили и закрепили идеологию ресоветизированного великодержавия как основу государственного строя. Узаконили единоличную власть президента, отказ от разделения властей, вертикаль власти — от федеральной до местной. Открыли дорогу сохранению Путина и его группы у власти долгие годы. Утвердили принцип наличия государственной идеологии и прямо вытекающие из него цензуру, навязывание идеологии обществу через культуру и образование, репрессии против инакомыслящих. Дали властям возможность не исполнять международные договоры о защите прав человека и гражданина. Усилили самоизоляцию страны. Легализовали советское политическое и идеологическое наследие. Конституционная контрреформа 2020 года стала для России рубежной на пути от модернизации к реставрации «старого режима».

В 2021 году резко обострилась ситуация вокруг Украины. Киев проявлял твердость, не признавая утрату Крыма и сепаратистские образования ДНР/ЛНР, поддерживаемые Москвой, сохраняя политическую ориентацию на Запад. Декларировал решительное намерение рано или поздно вернуть временно потерянные территории. Активно укреплял обороноспособность в партнерстве с западными государствами. В Кремле пришли к

выводу, что реализация Минских соглашений бесперспективна, равно как и достижение политических целей посредством Минских соглашений (если и не восстановления контроля над Украиной, то серьезного влияния на нее). Кроме того, Киев активизировал курс на вступление в ЕС и НАТО — соответствующие поправки в 2019 году внесли в Конституцию Украины, что также было сочтено в Кремле переходом «красной черты». Перспектива окончательно «потерять Украину», недопустимая в рамках правящей идеологии, стала сравнительно близкой реальностью.

Весной 2021 года отмечено первое сосредоточение значительных российских войск у границ Украины. Западная разведка пришла к выводу о готовящемся полномасштабном вторжении. Звонок Байдена Путину 13 апреля 2021 года помог на время разрядить напряженность.

Вероятнее всего, решение о вторжении принципиально было уже принято и лишь отсрочено.

12 июля 2021 года Путин опубликовал большую статью «Об историческом единстве русских и украинцев»¹⁷. Проницательные люди справедливо увидели в ней неприкрытый ультиматум Кремля Украине и Западу¹⁸. Путин потребовал от Украины и Запада отказаться от курса Украины на интеграцию в евро-атлантические структуры, прежде всего в НАТО. А также настаивал на политической переориентации Киева на Москву. В противном случае, писал Путин, если Запад, в чье полное подчинение, по его мнению, попала Украина, будет и дальше строить Украину как «анти-Россию», «мы с этим никогда не смиримся». «Мы никогда не допустим, чтобы наши исторические территории и живущих там близких для нас людей использовали против России. А тем, кто предпримет такую попытку, хочу сказать, что таким образом они разрушат свою страну». Украине, чтобы сохраниться, Путин оставлял единственный выбор — «партнерство с Россией».

Ультиматум сопровождался привычным для кремлевской идеологии набором доводов. Россияне, украинцы и белорусы — исторически и культурно один народ. Украина — искусственное образование, созданное большевиками Ленина и несправедливо получившее огромные земли от России. Миллионы украинцев на самом деле хотят быть с Россией и подвергаются за это искреннее желание запугиванию, репрессиям и насильственной украинизации. Русский язык и культура запрещаются и преследуются украинским государством. Киевский режим — марионетка Запада, инструмент его антироссийской политики. Во многом он опирается на неонацистов и крайних националистов. При поддержке Запада происходит милитаризация Украины, направленная против России. И тому подобное.

За первым ультиматумом вскоре последовал второй — на этот раз в адрес Запада. В середине декабря 2021 года Москва передала Вашингтону и другим западным столицам, а также НАТО требования гарантий безопасности в виде проектов юридически обязательных соглашений. Ключевые требования Кремля: отказ от расширения НАТО, от размещения ядерного оружия и ракет средней и малой дальности в Европе, сокращение войск, вооружений, военной инфраструктуры в Восточной Европе до уровня 1997 года. Последовавшие несколько раундов переговоров с США завершились ничем. Причина неудачи переговоров заключалась в несовместимости позиций сторон. Российское руководство настаивало на праве вето в отношении внешнеполитического выбора постсоветских государств, прежде всего Украины, и выбора ими путей обеспечения своей безопасности, а также на возможности ограничивать меры обеспечения безопасности посткоммунистическими государствами Восточной Европы. Однако для всех этих государств и для Запада выдвинутые требования означали не что иное, как попытку возвращения к временам «ограниченного суверенитета»,

или «доктрины Брежнева», полный пересмотр реалий, сложившихся в Европе после распада СССР и восточного блока.

Впоследствии отказ Запада и Украины подчиниться требованиям декабрьского московского ультиматума по гарантиям безопасности будет использоваться для пропагандистского обоснования нападения на Украину как «вынужденного шага по самозащите России».

Одновременно с политико-дипломатической борьбой вокруг декабрьского ультиматума продолжалось сосредоточение ударных группировок вторжения на границах Украины, включая территорию Беларуси (под видом и предлогом совместных учений Вооруженных сил РФ и РБ). 19 февраля 2022 года президент США Байден заявил, что США располагают надежной разведывательной информацией о решении руководства России напасть на Украину в течение нескольких дней, в том числе захватить Киев.

21 февраля 2022 года главы сепаратистских ДНР и ЛНР обратились к Москве с просьбой признать независимость их марionеточных «республик». В тот же день Путин подписал указ о признании Россией независимости ДНР/ЛНР. Перед этим состоялось открытое — было показано по российскому телевидению — заседание Совета безопасности России, на котором Путин фактически заставил всех членов СБ публично поддерживать признание. Тут же с республиками заключили договоры о возможности их вооруженной защиты и размещения на их территории российских военных баз. 22 февраля Совет Федерации дал разрешение Путину использовать армию за пределами России в связи с кризисом вокруг Украины.

Как ясно из предшествующего анализа, полномасштабное нападение на Украину 24 февраля 2022 года имело своими причинами: 1) руководящую идеологию Кремля, включающую идею о «законном праве» Москвы на сохранение контроля над постсоветским (постимперским) пространством,

и 2) стремление правящей группы Путина укрепить легитимность новым внешнеполитическим триумфом.

В обращении к народу 21 и 24 февраля 2022 года¹⁹ Путин повторил стандартные обвинения в адрес Запада, дополнительно назвав Запад «империей лжи», готовящей не что иное, как военное нападение на Россию (!). Подробно аргументировал с помощью произвольно и некорректно подобранных и интерпретированных исторических фактов принадлежность Украины к России, искусственность украинского государства, его несостоятельность. Обозвал украинское государство марионеткой Запада, а руководство Украины крайними националистами и неонацистами. Основной причиной решения о начале «специальной военной операции» (СВО) в Украине Путин назвал растущие военные угрозы со стороны Запада с использованием украинской территории и украинского государства. Главные цели «специальной военной операции» — «денацификация» и «демилитаризация» Украины.

На самом же деле в основе решения о нападении на Украину лежало твердое намерение Кремля не позволить Украине стать независимым от Москвы суверенным государством, самой определять внутривнутриполитический и внешнеполитический курс. Действиями российских властителей руководило общее представление о постсоветском (постимперском) пространстве как «исторической России», ради удержания контроля над которым допустимо использовать любые средства, включая военные. Смертельная военная угроза, исходящая якобы от Запада и его якобы «инструмента» — Украины, была выдумана и намеренно, сверх всякой разумной меры преувеличена²⁰, чтобы обеспечить необходимое пропагандистское сопровождение агрессии, скрыть ее истинные мотивы.

Вторая ключевая причина нападения — стремление Путина и его группы укрепить популярность и легитимность власти. Расчет делался на быстрый военно-политический триумф,

воспроизведение «крымской эйфории» — только в еще больших масштабах. Планировался легкий разгром Украины и установление политического контроля Кремля, в том числе благодаря размещению в Киеве зависимой от Кремля власти.

К 2022 году российскому режиму стало трудно удерживать свою популярность и легитимность. В 2018-м Путин без проблем переизбрался на четвертый (шестилетний) президентский срок и тут же инициировал крайне непопулярную пенсионную реформу — значительное повышение пенсионного возраста для мужчин и женщин. Доверие к президенту сократилось после этого почти на 20%. Новое снижение поддержки Путина последовало в 2020 году во время пандемии коронавируса и связанных с ней ограничений, спада в экономике и сокращения доходов (ВВП сократился в 2020-м на 3,1%, реальные доходы населения — на 2%). Нападение на Украину в феврале 2022 года помогло вернуть поддержку режима на прежний рекордный уровень. В декабре 2021 года деятельность Путина, по данным «Левада-центра», одобряли 65%, а в феврале 2023 года — 83% опрошенных. В обществе закрепился образ врага в лице Запада и Украины, удалось до конца разгромить последние независимые СМИ, оппозицию и гражданское общество, оправдать формирование репрессивной диктатуры тоталитарного типа.

После начала так называемой специальной военной операции, ее непредвиденных провалов официальные кремлевские внутривластные и внешнеполитические нарративы радикализировались, приобретая все более шовинистический, антизападный, ненавистнический и агрессивный характер.

Политические репрессии приняли массовый характер. По состоянию на 5 апреля 2022 года, по данным ПЦ «Мемориал» (с этого дня данные перестали обновляться — российские власти ликвидировали «Мемориал»), общее число политических заключенных и преследуемых по религиозным мотивам достигло

995 человек (на начало 2018 года — 143 человека). По данным правозащитного проекта «ОВД-Инфо» конца 2022 года²¹, после вторжения в Украину было задержано, нередко с применением насилия, 20 467 человек, из них 19 478 за выражение антивоенной позиции. Алексей Навальный получил в марте 2022 года 9-летний тюремный срок, двадцать два его соратника подверглись уголовному преследованию. 106 россиян привлечены к административной ответственности за «поддержку экстремизма» и «терроризма» — так власти квалифицируют многие оппозиционные и пацифистские высказывания и проявления. 21 человек осужден по уголовной статье за «реабилитацию нацизма» (критику Сталина и тому подобное). Возбуждено 61 уголовное дело об «оправдании терроризма». 11 человек были отправлены в места заключения за «государственную измену». 10–11 миллионов россиян лишены права участвовать кандидатами в выборах. 378 человек привлечены к уголовной ответственности за антивоенную позицию, в отношении пятидесяти одного из них в 2022 году вынесены обвинительные приговоры. 176 граждан России, организаций и объединений признаны «иностранными агентами» (в 2018 году таковых было 9). Закрыты все без исключения немногие остававшиеся в России независимые СМИ. Таким образом, масштаб репрессий — самый большой за все десятилетия после смерти Сталина в 1953 году и продолжает нарастать с каждым днем.

Отказ от приоритета модернизации, конфронтация с Западом, самоизоляция и милитаризация страны, вторжение в Украину закономерно и драматично ухудшили социально-экономические перспективы России. После начала вторжения в Украину страну покинули порядка миллиона человек. Наблюдается гигантский, исторически беспрецедентный отток капитала: 67,5 млрд долларов в 2018 г., 26,7 млрд в 2019 г., 50,4 млрд в 2020 г., 72 млрд в 2021 г. и до 250 млрд в 2022 г. (466,6 млрд за пять лет). С 2014 года ежегодно снижаются или

стагнируют реальные доходы населения, сокращается объем инвестиций в основной капитал. Номинальный ВВП России в долларах США в 2022 году на 20% меньше, чем в 2013 году. Доля России в мировом ВВП сокращается с 2013 года и составляет около 1,8% (в 2000 году, когда Путин пришел к власти, — около 3%). Продолжение военных действий и все новые волны санкций будут лишь усугублять положение.

Победа ресоветизированной великодержавной идеологии властей и консолидация вокруг нее значительной части населения, неоимпериалистическое вторжение в Украину пока что удовлетворяют преобладающему в обществе и элитах чувству ностальгии по величию империи и острому желанию исторического реванша. Однако на практике потуги вернуться в «великое советское прошлое» нереализуемы и лишь ставят крест на перспективах развития, как и на надеждах на благополучную мирную жизнь. Старый режим вернулся — и с ним вернулись жестокость, бессмысленность и тупиковость советской модели государства и общества, в целом советского образа жизни. Длинная тень СССР накрыла собой Россию, лишая ее будущего.

Примечания

¹ Реестр таких законов ведет партия «Яблоко» (состояние на ноябрь 2022 года): <https://www.yabloko.ru/files/users/user45/%D0%A0%D0%B5%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%8B%20-%2058.pdf>

² Послание президента России В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138990/

³ Стенограмма выступления В. Путина на заседании клуба «Валдай» 19 сентября 2013 г. <https://rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации, 12 февраля 2013 г. <https://legalacts.ru/doc/kontseptsija-vneshnei-politiki-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom/>

⁵ По словам председателя Госдумы В. Володина, «есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России» // Московский комсомолец. 2014. 23 окт. <https://www.mk.ru/politics/2014/10/23/volodin-est-putin-est-rossiya-net-putina-net-rossii.html>

⁶ Подробно см.: Саква Р. Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны. М.: Изд-во «Весь Мир», 2020. С. 315–347.

⁷ Как пример см. Самаркандскую декларацию Совета глав государств — членов ШОС, 16 сентября 2022 г. <http://www.kremlin.ru/supplement/5841>

⁸ Послание президента России В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>

⁹ Зыгарь М. Вся кремлевская рать. Краткая история современной России. М.: Интеллектуальная литература, 2016. С. 317.

¹⁰ Текст выступления В. Путина на саммите НАТО в Бухаресте 4 апреля 2008 г. приводит А. Илларионов: <https://aillarionov.livejournal.com/723745.html>

¹¹ Рейтинг доверия Путину с 1999 года. ВЦИОМ, Левада и ФОМ // Россия в данных. <https://ourcountryindata.ru/rejting-doveriya-putinu-s-1999-goda-vcziom-levada-i-fom/>

¹² Обращение президента России В. Путина 18 марта 2014 г.
<http://kremlin.ru/events/president/news/20603>

¹³ Патрушев Н. «Отрезвление» украинцев будет жестким и болезненным // Российская газета. 2014. 15 окт.
<https://rg.ru/2014/10/15/patrushev.html>

¹⁴ Послание президента России В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 1 марта 2018 г.
<http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

¹⁵ Послание президента России В. Путина Федеральному собранию Российской Федерации 20 февраля 2019 г.
https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318543/

¹⁶ Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 года.
<http://duma.gov.ru/news/48953/>

¹⁷ Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев, 12 июля 2021 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/66181>

¹⁸ Напр.: Явлинский Г. Об историческом будущем России и Украины // Официальный сайт Г. Явлинского. 2021. 19 июля.
<https://www.yavlinsky.ru/article/ob-istoricheskom-budushhem-rossii-i-ukrainy/>

¹⁹ Обращение президента России (о признании ДНР и ЛНР) 21 февраля 2022 г. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67828>
Обращение президента России (о проведении «специальной военной операции» в Украине) 24 февраля 2022 г.
<http://kremlin.ru/events/president/news/67843>

²⁰ На иллюзорность военных угроз, якобы исходящих от НАТО, как и на катастрофические для России последствия вероятного решения о нападении на Украину, указал накануне вторжения среди ряда прочих экспертов генерал Леонид Ивашов, в прошлом один из руководителей Министерства обороны России, председатель «Общероссийского офицерского собрания». <https://www.svoboda.org/a/natsional-patriot-general-ivashov-vystupil-protiv-voyny-s-ukrainoy/31689732.html>

²¹ Репрессии в России в 2022 году // ОВД-Инфо. 2022. 23 дек.
<https://data.ovd.info/repressii-v-rossii-v-2022-godu>

Заключение

Старые идеи, старый режим, старая внешняя политика

Кратко суммирую основные выводы настоящего очерка истоков российского внешнеполитического поведения тридцати постсоветских лет.

1. Малопродуктивно пытаться объяснять российскую внешнюю политику с теоретических позиций реализма. Это ведет к ошибочному пониманию, ошибочным ожиданиям и ошибочным действиям. Не геополитическое соперничество великих держав, баланс сил и «угрозы безопасности», по большей части выдуманные и без меры преувеличенные, направляют международные шаги Кремля. Движущими силами являются руководящие идеи Кремля, общее состояние страны и внутриполитические процессы. К такому выводу пришел Дж. Кеннан в конце 1940-х годов, проникательно анализируя внешнюю политику ленинско-сталинского СССР. Подход классика в полной мере подтверждается в наши дни. И ныне руководящая идеология, внутренняя ситуация и внутриполитические интересы правящих групп определяют и влияют на внешнюю политику России. Оттого внешняя политика Москвы может внезапно и качественно меняться при отсутствии кардинальных перемен во внешней среде, как это случилось, например, при Горбачеве в 1985–1991 годах или под руководством Путина в 2004–2007 годах.

2. Позднесоветская и современная российская внешняя политика распадается на два двадцатилетних метапериода: приоритета модернизации страны (1985–2004 годы) и утверждения ресоветизированного авторитаризма и великодержавия (2004-й — настоящее время). На первом этапе осознанная лидерами необходимость глубокой модернизации государства,

общества и экономики побудила руководство СССР (Горбачев) и России (Ельцин) сближаться с Западом и проводить мирную внешнюю политику для успеха радикальных реформ. На втором этапе верх взяли идеи восстановления великой державы и единовластия, соперничества, а потом и противостояния с Западом, неоимперской борьбы за возвращение контроля над постсоветским пространством. И в том и в другом случае политику определили идеология Кремля и внутривластная ситуация. В первую эпоху идеология глубоких демократических и рыночных преобразований, отрицания советского, в особенности сталинского, наследия. Во вторую — идеология ползучей реставрации советско-сталинского имперского и тоталитарного наследия, ресоветизации России. В первом случае власть утверждала себя в народе через успехи и обещания благотворных плодов модернизации. Во втором — посредством эксплуатации идей великодержавия, шовинизма и антизападничества.

3. Перемена руководящей идеологии с модернизационной на великодержавную произошла по причине болезненных неудач модернизации, глубокой фрустрации общества, смены правящих элит и их пересмотра стратегии удержания и укрепления власти. В 2003–2004 годах (к концу первого президентского срока В. Путина) командные позиции в Кремле заняли силовики с преимущественно советским мировоззрением. Либеральная элита 1980–1990-х была оттеснена от основных рычагов власти. Одновременно ресоветизация, реставрация базовых элементов старого советского порядка стали расчетливым ответом политиков на разочарование народа провалом демократической и рыночной модернизации 1980–1990-х годов. Громкая ностальгия по СССР, шок от болезненных реформ и быстрый экономический рост начала 2000-х обеспечили ресоветизации «сверху» широкую народную поддержку «снизу». Ресоветизация стала результатом изменившейся идеологии

правлящих групп и массового общественного запроса. Одновременно она способствовала легитимации и укреплению авторитарного режима. Непопулярный антисоветский режим Б. Ельцина сменился популярным просоветским режимом В. Путина.

4. К концу 1990-х годов неудачи и травмы модернизации, крепнущий постимперский синдром привели к формированию доминирующей постсоветской ресоветизированной идентичности россиян — и руководящих элит, и большинства народа. Ресоветизированная идеология властей, постимперский синдром населения и ресоветизированная национальная идентичность составляют идейную и психологическую основу путинского политического режима, одновременно направляя внутреннюю и внешнюю политику. Основные идеи, разделяемые большинством россиян и правящими элитами, таковы: Россия по определению великая мировая держава; Россия — страна исключительная и уникальная, отдельная высокая цивилизация, превосходящая многие другие; Россия — держава глобальная, универсальная, «по природе своей» имеющая глобальные амбиции и глобальную роль; Россия всегда развивалась и развивается особым путем, имеет особую внутреннюю модель, не нуждающуюся в заимствованиях извне, особенно с либерального Запада; Россия обладает «естественными правами» на постимперском пространстве — пространстве «исторической России», в особенности это относится к защите русских и Русского мира. Эти идеи и представления блокируют модернизацию страны и обосновывают существование авторитарного режима, конфронтационную и агрессивную внешнюю политику.

5. Произошла реставрация основных компонентов советской модели государства, общества и внешней политики. Главное — советского мировоззрения. Идеология видоизменилась,

марксизм-ленинизм сменился эклектичной смесью империализма, национализма, геополитики, разного рода архаики; советский общественный порядок при этом уцелел и по большей части восстановился. Ресоветизированная картина мира правящих элит и значительной части народа может быть описана следующим образом: Россия — особая цивилизация, духовный авангард человечества, носитель высоких духовных ценностей. Россия — великая уникальная держава, которая возродилась и находится на подъеме. Запад, извечный враг России, напротив, переживает исторический упадок, морально вырождается и отстывает. В силу осознания неизбежного упадка Запад не способен смириться с существованием возрождающейся сильной России и системно противостоит ей, окружает, намеревается окончательно сокрушить ее. Для защиты от комплексной и бессрочной западной угрозы жизненно необходимы сильное государство, «твердая рука» (на практике — диктатура во главе с бессменным решительным лидером). Общество в условиях изнурительной борьбы с Западом обязано подчиниться власти, сплотиться и служить целям защиты Отечества. Так называемые оппозиция и гражданское общество на деле не более как инструменты Запада по подрыву и дезинтеграции России, подлинная пятая колонна, «национал-предатели». Они должны быть подавлены и уничтожены государством. Запад не успокоится никогда, поэтому необходимо бороться с ним всюду и как только возможно: наращивать военный потенциал, отвечать на нападения нападением, сколачивать антизападные альянсы, подрывать и раскалывать Запад изнутри.

6. Господствующий внешнеполитический дискурс и конкретные нарративы формируют и навязывают обществу государственная пропаганда и многочисленные идеологии национал-коммунистической, националистической, евразийской, имперской, в значительной мере государственноческой направленности. Центральные и сквозные темы — угрозы со

стороны Запада: расширение НАТО, бомбежки Югославии, Ирака, Ливии, Сирии, провал Запада в Афганистане, цветные революции, русофобия, дискриминация русских и русскоязычных за рубежом, выход США из договоров по стратегическим вооружениям и ПРО, «растущая военная угроза» со стороны Запада, стремление Запада оторвать от Москвы постсоветское пространство, приписываемые Западу сексуальная распущенность и отрицание «традиционных ценностей», «поощряемые извне» терроризм и экстремизм внутри России, «постколониальные практики» Запада, его «гегемонизм» и «односторонние действия», «переписывание истории», «вмешательство во внутренние дела России». Все эти и подобные им бесчисленные сюжеты подчинены единой задаче демонизации Запада как извечного недруга России, дискредитации западной модели демократии и прав человека. Данные нарративы помогают консолидировать власть, дискредитировать и уничтожить оппозицию, одновременно наглухо закрывая пути для модернизации. Они же предопределяют конфронтационную и затратную внешнюю политику.

7. При глубоком качественном различии двух метaperиодов позднесоветской и российской внешней политики — модернизационного и великодержавного — между ними существует глубокая преемственность. Идеи великодержавия, исключительности, глобальной миссии, особой модели развития и особых прав на историческом имперском пространстве зримо присутствовали в российском политическом мышлении эпохи перестройки и радикальных реформ 1990-х. Партии соответствующей направленности неизменно добивались значительного успеха на выборах. Великодержавные и шовинистические идеи были лишь приглушены и подавлены в ту пору приоритетом модернизации. Провалы модернизации, общественная фрустрация и смена правящих элит вывели их на первый план, обеспечили победу в обществе и политике.

8. Понимание решающего значения идеологии Кремля и его стратегии удержания власти дает нам ключ к объяснению ведущих направлений российской внешней политики и политики безопасности. Таких как масштабная программа перевооружения, неизменное неприятие расширения НАТО, настойчивое давление в направлении интеграции на постсоветском пространстве, особые отношения с Китаем и другими сильнейшими авторитарными государствами, работа по расколу Запада и подрыву его политических систем изнутри, «поворот на Восток» и сколачивание антигегемонистских альянсов, демонстрация глобального присутствия повсюду, от Африки до Латинской Америки. И, разумеется, таких как упорное сохранение военных баз на постсоветском пространстве и в Сирии, война с Грузией 2008 года, захват Крыма и поддержка сепаратистов на востоке Украины в 2014 году, военное участие в сирийском конфликте, масштабное вторжение в Украину в 2022-м. Все это суть прямые следствия великодержавной и антизападнической идеологии правителей и их вполне обоснованного расчета на массовую поддержку великодержавной политики внутри ресоветизированной России.

9. Соответственно, можно дать ответ на центральный вопрос: возможна ли новая внешняя политика России — мирная, предсказуемая, подчиненная задачам развития страны?

Из моего анализа ответ следует искать не в новых гарантиях безопасности со стороны Запада, не в креативных форматах международных договоров и организаций безопасности, тем более не в циничном разделе «сфер влияния» в духе Ялты. Иными словами, не во внешней среде и ее динамике. Его следует искать внутри российского общества. Для появления новой российской внутренней и внешней политики (я настаиваю на их тесной взаимозависимости при преобладании первой над второй) потребуется смена руководящей идеологии, новые

правлящие элиты, успешное развитие на новой общественной и институциональной основе (демократическая, правовая и рыночная модернизация). В итоге должна сформироваться иная национальная идентичность — не травматическая постимперская в ресоветизированной форме, но конституционно-правовая, гражданская и демократическая.

Более конкретно, новая российская внешняя политика и политика безопасности возможны тогда и если, когда и если:

— *уйдет из власти нынешнее поколение руководителей*, чья картина мира сформировалась в позднем СССР (для примера: Путин и Патрушев вступили в КПСС в начале 1970-х, в пору расцвета брежневско-андроповского СССР и ползучей реставлинизации). Это последнее в полном смысле слова *советское поколение*. Когда на смену придет поколение лидеров, сформированное в эпоху перестройки и демократических реформ 90-х. С естественной сменой поколений будет ослабевать поддержка советской реставрации в обществе; сейчас чем старше люди, тем выше одобрение реставрации старого режима и неоимперской внешней политики;

— *продемонстрирует свою несостоятельность ресоветизированная модель экономики и социальной политики*. Растущее отставание страны, хроническая бедность, неостановимое бегство капиталов и людей со временем могут породить усталость от застойного статус-кво и спрос на перемены, как это случилось в конце 1980-х и начале 1990-х годов. Желание перемен, возможно, сформирует условия для смены руководящей идеологии, правящих элит и модели развития страны (новой перестройки). Впрочем, не исключено, что ждать появления таких условий придется годы, если не десятилетия;

— *новая перестройка должна будет извлечь уроки из прошлых ошибок*. Программа будущей модернизации должна поставить в центр такие (прежде маргинальные) задачи, как гражданское

просвещение, действенные гарантии свободы слова и информации, верховенство права и судебная реформа, надежные гарантии политической конкуренции и разделения властей, современное плюралистическое образование, ограничение возможностей и полномочий силовых структур и надежный гражданский контроль над ними, федерализм и местное самоуправление. Только так появится шанс на постепенное формирование неимперской национальной идентичности и конституционно-демократической государственности;

— *внешние условия также будут важны.* Западу придется осознать и принять факт, что конструктивные взаимовыгодные (нормальный бизнес) отношения с ресоветизированной неототалитарной Россией в принципе невозможны. Ресоветизированная диктатура с великодержавной идеологией неизменно будет утверждать себя через противостояние с Западом и его ценностями, через внешнюю агрессию и системный подрыв западных политических систем и обществ. Судя по всему, в этих условиях не останется разумных альтернатив прежней кеннановской стратегии сдерживания, долгосрочной политике и системе мер по лишению ресоветизированной диктатуры ресурсов для самоподдержания и новых атак вовне, укреплению альянса демократических наций. Если же и когда в России начнутся перемены, необходимо будет оказать им масштабную поддержку, куда более долгосрочную и продуманную, чем в 1980-е и 1990-е годы. Поддержку с опорой на демократическую, европейски мыслящую часть общества. Модернизированная (демократическая, федеративная и правовая), успешная Россия — лучшая гарантия мира и безопасности для всех.

Владимир Рыжков.

Длинная тень СССР. Очерк истоков внешнеполитического поведения современной России. — Рига: Школа гражданского просвещения, 2023. — 288 стр. — (Серия «Своевременная мысль»).

ISBN 978-9934-9133-6-5